

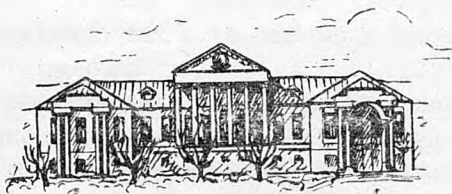
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСИИ ПО МОСКВЕ

КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ МОСКВЫ
XVIII ВЕКА

МОСКВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

А. С. ПУШКИНА

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, Н. В. ГОГОЛЯ,
И. С. ТУРГЕНЕВА, А. И. ГЕРЦЕНА,
Н. В. СТАНКЕВИЧА, А. Н. ОСТРОВ-
СКОГО, Л. Н. ТОЛСТОГО, А. П. ЧЕ-
ХОВА, А. М. ГОРЬКОГО,
В. В. МАЯКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Москва · 1948

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цикл экскурсий по столице нашей родины имеет задачей раскрыть перед экскурсантами Москву минувших десятилетий, связанную с жизнью и творчеством классиков русской литературы.

Предлагаемые вниманию читателя экскурсии, с одной стороны, содействуют познанию прошлого Москвы; с другой стороны, помогают ознакомиться с русской художественной литературой, давая возможность по-новому пережить как образы, созданные творчеством наших лучших писателей, так и те или иные моменты, связанные с их биографией.

Для осуществления поставленной задачи нужно:

1. Ознакомиться с прошлым того уголка современной Москвы, который охвачен экскурсионным маршрутом, поскольку это необходимо для понимания раскрываемой на экскурсии темы. Это ознакомление достигается осмотром некоторых мест современной Москвы, сопровождаемым рассказом руководителя экскурсии.

2. Ввиду того, что здания, сохранившиеся от изучаемого периода истории Москвы, в наше время уже значительно видоизменились, руководитель экскурсии должен:
а) рассказать, как выглядел данный экскурсионный объект в прошлом; б) показать на снимках с натуры или со старых изображений, какой облик он имел в то время, которому посвящена экскурсия.

Знакомясь с многообразными уголками города, экскурсанты узнают о событиях, связанных с жизнью наших классиков, о людях, с которыми они общались, о созданных ими произведениях, в которых показана Москва, ее быт, московские люди и, наконец, бывшее нашей восьмисотлетней столицей. Такое знакомство вводит нас в лабораторию творчества писателя, показывает, как московский материал обретал новую жизнь, пройдя через горнило художественного творчества.

Особенность статьи, посвященной экскурсии, заключается в том, что она строится не только на основе сочинений писателя, мемуаров, писем, различных документов (включая сюда и чертежи домов), но и с использованием локального метода, путем обхода и тщательного осмотра и описания тех мест, которые включаются в маршрут.

В экскурсионной статье не всегда удается логически развивать определенную тему — тематика статьи подчинена маршруту. Вот почему приходится иногда нарушать последовательность в изложении событий, разрывать хронологическую нить. Авторы статей стремились маршрут экскурсии строить так, чтобы он минимально нарушал последовательность в изложении темы.

Различие в характере статей обусловлено не только индивидуальностью авторов. Тот материал, который может быть включен в экскурсию, определяет и характер темы. В одном случае этот материал диктует биографический уклон экскурсионной темы, в другом случае дает возможность глубже и шире затронуть произведения писателя (например, экскурсии по Островскому и по Маяковскому).

Экскурсионные объекты обширной территории Москвы иногда так оторваны один от другого, что построение пешеходного маршрута становится крайне затруднитель-

ным и экскурсия в состоянии охватить лишь незначительное количество ценных объектов осмотра.

Цикл литературных экскурсий, охваченных настоящим сборником, далеко не исчерпывает всех экскурсионных возможностей Москвы в данной области. В него не вошли темы по древней литературе; мало в нем также экскурсий, посвященных современным авторам. Издательство Государственного Литературного музея предполагает выпустить в дальнейшем серию книг, в которых будут охвачены темы, не нашедшие себе места в настоящем издании.

В эту же книжку вошли экскурсии, касающиеся истории русской литературы начиная с писателей XVIII в. и кончая Вл. Маяковским.

Иллюстрации, включенные в книгу, должны служить необходимым дополнением к тому, что будет показано на экскурсиях. Лишь в редких случаях они посвящены тому, что экскурсанты сами увидят на экскурсии.

Наш сборник рассчитан, во-первых, на учащихся средней и высшей школы. Экскурсионный метод, как средство преподавания, в нашей стране уже давно получил всеобщее признание. Все предложенные здесь темы так или иначе связаны со школьной программой.

Издание рассчитано, во-вторых, также на обслуживание туристов и может быть использовано руководителями экскурсий, знакомящими приезжих со столицей СССР.

Наряду с этим сборник может быть использован всеми интересующимися литературной Москвой для ознакомления с ней в порядке индивидуальных прогулок по городу.

«Москва — это курс истории русской литературы в ее ярких и наиболее замечательных воплощениях», — так определил место нашей столицы в истории русской лите-

ратуры Н. Л. Бродский¹. Действительно, трудно назвать писателя-классика, который так или иначе не был бы связан с Москвой. Они «все побывали тут».

Наш цикл экскурсий поможет читателям, а в особенности экскурсантам, наиболее конкретно ощутить эту глубокую связь Москвы с русской литературой.

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человеческое.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.
Мосты и переулки говорят,
Беседуют между собой балконы,
И, у платформы выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Так писал поэт наших дней С. Я. Маршак. Задача литературной экскурсии — помочь услышать и понять эту речь домов, бульваров, площадей и улиц Москвы.

¹ Н. Л. Бродский, «Литературная Москва», путеводитель «Москва», 1914, стр. 277.

КУЛЬТУРНЫЕ ОЧАГИ МОСКВЫ XVIII ВЕКА

БЫДЕМ из метро на станции «Дзержинская» и спустимся вниз по направлению к площади Свердлова.

Мы в центре Москвы. По асфальтированной площади нескончаемой вереницей движутся автомобили, трамваи, троллейбусы, автобусы.

Перед нами — высокое, строгой архитектуры здание Министерства морского флота. За ним, параллельно Театральному проезду, тянется Пушечная улица (бывшая Софийка), пересекаемая Рождественкой и упирающаяся в Неглинную. Там, где виднеется старое здание цвета охры в классическом стиле, — начало Неглинной. Здание это — Малый театр. Немного поодаль, в глубине площади, скрытое домами, — великолепное здание Большого театра.

В глубине панорамы — Дом Совета Министров СССР и гостиница «Москва». По другую сторону Театральный проезд завершается нарядным, с живописным мозаичным панно работы Врубеля, зданием в стиле модерн — гостиницей «Метрополь». А рядом с ним в углу, словно укрывшись от современности, виднеется приземистая башня, потемневшая от времени, — остаток укреплений Китай-города. Башня напоминает нам о глубокой старине.

Два столетия назад здесь, на берегах реки Неглинки, скрытой теперь под Неглинной улицей, стояли водяные мельницы и перемалывали царский хлеб. Тут же помеща-

лись хлебные хранилища. Неглинка, огибая место тепе-решней площади Свердлова, превращала его в огромное зловонное болото, через которое был перекинут мост длиною около 100 метров; он начинался у Охотного ряда и кончался близ Пушечного двора (там, где теперь проходит Пушечная улица). Пруды, выкопанные возле стены Китай-города, были спущены только в конце XVIII века.

Таков был некогда тот район старой столицы, которому было суждено сыграть большую роль в истории русского просвещения, в частности в литературной жизни Москвы.

У памятника первопечатнику

Напротив Рождественки, на площадке с зеленым сквером, к которой ведет лестница с двумя маршами, возвышается памятник Ивану Федорову. На высоком цоколе — мощная фигура ревнителя русского просвещения XVI века. Голова его, окаймленная волнистыми длинными волосами, наклонена к развернутому свитку. Рукой он опирается на печатную доску. Умное, мужественное лицо его полно сосредоточенного внимания.

На цоколе надпись: «Николы Чюдотворца Гостунского дьякон Иван Федоров». Внизу дата: 1563 г. 19-го апреля — день начала типографских работ на Печатном дворе. На цоколе же, с противоположной стороны, другая надпись: «Первее нача печатати на Москве святыя книги». Затем следует дата «от сотворения мира». Надпись кончается словами: «Ради братий моих и ближних моих». Памятник, работы скульптора С. М. Волнухина, открыт в 1909 г.

Иван Федоров был дьяконом при одном из Кремлевских соборов. Вместе с Петром Мстиславцем он положил в Москве начало развитию книгопечатания на Руси. Оба они предприняли свое дело по указанию царя Ивана IV, одного из образованнейших людей своего времени. Враги просвещения подняли против первопечатников травлю, вынудившую обвиняемых в ереси бежать из Москвы, сперва в Литву, а потом в Червонную Русь, где они продолжали свое дело. Сохранилось предание, что Печатный двор, где работал Иван Федоров, был сожжен теми же людьми. Появление в древней Руси книгопечатания

Памятник первопечатнику Ивану Федорову
Скульптор С. М. Волнухин
С фотографии

дало мощный толчок развитию русского просвещения. Через Третьяковский проезд нужно пройти на улицу 25 Октября, некогда носившую имя Никольской: здесь находился Никольский монастырь. Весь этот район, прилегающий к старому Печатному двору, превратился в XVIII и, особенно, в XIX веке в знаменитый Никольский книжный рынок, через который распространялась по всей России тогдашняя «массовая» литература. В осенние дни сюда слетались «грачи» — так назывались офени, разносчики книг по деревням.

В наши дни в этом старом литературном центре помещаются Гослитиздат, Детгиз и другие издательства. Здесь можно встретить советских писателей, имена которых известны далеко за пределами нашего Союза.

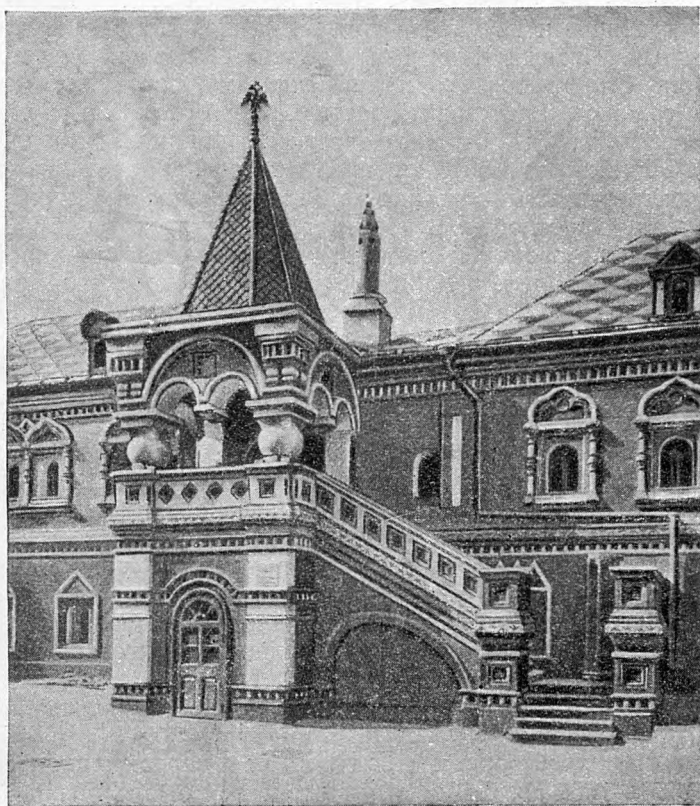
**Печатный двор
(ул. 25 Октября,
д. № 15)**

По правой стороне улицы 25 Октября, под № 15, виднеется необычайного вида здание густого зеленого тона, богато украшенное

лепкой. Стрельчатые готические окна, пышный растительный орнамент, полуколонны, увитые стилизованными листьями, и, наконец, над входом герб со львом и сказочным единорогом. Это здание старого Печатного двора, построенное в 1814 г. архитектором Мироновским. Ныне здесь Историко-архивный институт.

Войдя через ворота во двор, мы увидим древнее строение Государева Печатного двора, сохранившее от старины не только наружные формы, но и внутреннюю роспись стен. Крылечко, оконные наличники, покатая крыша — все это напоминает кремлевские палаты допетровской Руси. Построено здание в 1679 г.

Здесь в XVII веке помещалась Правильная палата, где работали редакторы и корректоры. Здесь же находилась Государственная книгохранительная палата, где в XVIII в. была открыта первая в России публичная библиотека. В начале XVIII века на Печатном дворе работал сам царь Петр I, испытывая созданный по его инициативе русскими мастерами и отлитый в Голландии «гражданский» шрифт, заменивший церковный. Он даже сам набирал и корректировал первую русскую газету «Ведомости», которая, впрочем, сначала печаталась еще церковным шрифтом.

Печатный двор
С фотографии

Другая типография была устроена позднее у Воскресенских ворот, при Московском университете.

**Славяно-греко-
латинская акаде-
мия (ул. 25 Октя-
бря, д. № 7)**

Идя по правой стороне улицы, свернем в ворота дома № 7, во дворе которого некогда находилась Славяно-греко-латинская академия — «Московские новосияющие Афины», как иногда торжественно и витиевато называлась первая русская академия.

Здесь все изменилось. Двор окружен теперь домами, построенными позднее в том же стиле, что и ныне снесенный Старый Гостиный двор на Красной площади. Лишь старая церковь на высоких подклетьях дает нам возможность представить частично тот облик, какой имел этот уголок Китай-города двести с лишним лет назад.

Обойдем эту одряхлевшую церковь. Узенький закоулочек, перекрытый аркой, еще более усиливает ощущение глубокой древности. В конце его, по правую руку, у самой Китайгородской стены, можно увидеть мемориальную плиту, вделанную в стену Заиконоспасского монастыря. Эта плита потемнела; буквы помещенной на ней надписи сильно пострадали от времени. Вначале — традиционное обращение к путнику, проходящему мимо могил: «*Pie viator*» (о благочестивый путник!); этот призыв должен был привлечь внимание проходивших мимо Славяно-греко-латинской академии. Далее сообщалось, что эта плита посвящена памяти украинского философа (т. е. студента философии) Василия Выговского, убитого бандитами в 1718 г. в расцвете лет¹.

Заиконоспасский монастырь, в котором помещалась академия, получил свое название от сохранившегося от той эпохи храма «Спаса на Никольском Хресте, что за иконным рядом» (среди многочисленных торговых рядов Китай-города был и иконный ряд). По имени этого монастыря Славяно-греко-латинская академия называлась также и Заиконоспасской. Монастырь был основан в 1600 г. Борисом Годуновым; перестроили его в 1660—1661 гг. Среди его настоятелей был Симеон Полоцкий — просвещенный монах, приехавший с Украины. Симеон Полоцкий был поэт, писавший силлабическими стихами; его называют первым русским поэтом. Для подьячих Посольского приказа была организована в этом монастыре школа, в которой преподавал Симеон Полоцкий. Проект организации академии принадлежал одному из его учеников — поэту Сильвестру Медведеву. Прах Симеона Полоцкого покоится в стенах Заиконоспасского

¹ Эта плита открыта московским краеведом и художником Б. С. Земенковым.

монастыря. Академия была создана при старшем брате Петра I — царе Феодоре.

Обветшалый храм Спаса перед нами. Здание академии снесено; на его месте — новое здание, также уже успевшее обветшать.

Славяно-греко-латинская академия сделалась в начале XVIII века центром литературной и театральной жизни Москвы.

В стенах этой академии литературное и литературно-драматическое творчество насаждалось по издавней традиции ее профессорами и преподавателями. Оно даже вменялось им в обязанность академическим уставом, входя в программу учебного курса. Профессора писали драмы на сюжеты из библейской и церковной истории; исполнялись же эти школьные «действия» студентами по торжественным дням, на праздничных актах или просто в классе, в часы занятий. Характер и направление пьес были, разумеется, религиозно-дидактические, богословские.

В Петровскую эпоху школьный театр получил, вместе с тем, политическую окраску, пропагандируя пользу государственных реформ и восхваляя успехи русского оружия. Так, во время триумфальных празднеств в честь Полтавской победы Славяно-греко-латинская академия не только участвовала в составлении подходящих к случаю эмблем и надписей, но выступила также с драмой «Божие уничижение гордых уничижение», где библейская легенда о царе Давиде была применена к личности Петра — победителя Карла XII.

Школьный театр служил тогда, таким образом, интересам новой государственной политики, хотя и не разрывал еще прежних связей с церковно-богословской литературой.

Кроме драматических произведений, в «Московских новосияющих Афинах» сочинялись стихотворения, например панегирические «приветства», «трены» — предшественники хвалебных классицистических од. Среди множества стихотворцев, преподававших или обучавшихся в академии и занимавшихся там «пиитикой», назовем только трех, ставших впоследствии знаменитостями: Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова.

Русским учителем Антиоха Кантемира был один из даровитейших студентов Зайконоспасской академии — Иван Ильинский, оказавший на него значительное влияние. Ильинский давал будущему сатирику первые уроки стихосложения. Кантемир некоторое время сам учился в академии; он, кстати, жил в эти годы по соседству с нею, между монастырем и Синодальной типографией, в доме, который был подарен его отцу Петром I. Неудивительно, что первым печатным трудом молодого писателя явилась «Симфония на псалтырь» (т. е. указатель к псалмам; руководитель его Ильинский составлял одновременно «Симфонию на четвероевангелие»). Кантемир вскоре уехал за границу; тело его было погребено в Никольском монастыре, по соседству с Зайконоспасским.

В. К. Третьяковский, чтобы поступить в московскую академию, бежал из Астрахани тайком от родителей. Усвоив академическую ученость и не удовлетворившись ею, он, втайне от своего учебного начальства, опять совершил побег — на этот раз из Москвы в Голландию и Францию, куда влекла его жажда знаний. В Париж он пришел «пеш, за крайнюю уже своею бедностью»...

Известны аналогичные факты из биографии М. В. Ломоносова: в Славяно-греко-латинскую академию он прибыл с обозом из Холмогор (однако с ведома своего отца Василия Дорофеевича), а после пятилетнего ученья в «Спасской школе» поехал продолжать образование в Петербург и за границу (с командировкой на казенный счет). О трудных годах московского ученья Ломоносов вспоминал всю жизнь: «Имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и наук не оставил»¹...

Что же дало Ломоносову пребывание в духовной школе? Несмотря на ее схоластический характер, будущий великий ученый и поэт, сидя в академических классах, вовсе не потерял времени даром: он в совершенстве изучил латынь, бывшую тогда «преддверием всех наук».

¹ П. Пекарский, «История Академии Наук», т. II, стр. 284.

читал по-гречески, рылся в летописях и других рукописных книгах, познакомился с философией и логикой, способствовавшими дисциплине мышления, с большой охотой занимался правилами стихосложения и сам начал, под руководством учителя пиитики, «кропать» стихи по-латыни и по-русски («Услышали мухи—медовые духи...»). Интересно, что изданное им, уже в бытность академиком, в 1748 г., «Краткое руководство к красноречию, или реторика» заимствовано отчасти из школьного учебника, который юноша Ломоносов собственноручно переписывал на ученической скамье.

**Красная площадь.
Спасские ворота**

Продолжая наш путь по улице 25 Октября, выйдем на Красную площадь. Это место, где, по словам Лермонтова, «каждый камень—священное предание поколений», сильно изменилось. Лишь Кремль и храм Василия Блаженного да Лобное место в основном сохранили тот облик, какой имели они в XVIII веке.

Памятник Минину и Пожарскому работы скульптора Ивана Мартоса был поставлен лишь в 1818 г. Здание Верхних торговых рядов выстроено в самом конце XIX века. Давно уже снесен Старый Гостиный двор, или Ряды, с бесчисленными закоулками и тупиками, — скопление крупных и мелких лавок.

Кремль был отделен от Красной площади не только высокими каменными стенами, но и ровом глубиною свыше 8 метров (4 сажени) и шириной около 36 метров (17 сажень); ров был обнесен зубчатой оградой и выложен белым камнем. От Спасских и Никольских ворот через этот ров, наполненный водою, протягивались мосты (такой же мост через речку Неглинную по дороге с Красной площади к Охотному ряду был у Воскресенских, иначе Иверских, ворот).

Остановимся против Спасских ворот (раньше, до середины XVII века, называвшихся Фроловскими). О том, каков был с виду сооруженный на каменных сводах Спасский мост, ясное представление может дать доныне сохранившийся мост на арках от Троицких ворот Кремля (напротив улицы Калинина). Спасский мост просуществовал до 1823 г., а ров, через который он был перекинут, сравняли с землей в 1802 г.

Спасские ворота издавна почитались священными. По обычаю, их полагалось проходить с непокрытой головой; передают, что не снимавших шапки заставляли отбивать перед образом Спаса 50 поклонов.

На мосту, по сторонам его, устроены были «каморы», т. е. небольшие лавки, преимущественно книжные (а по соседству с ними—питейные). Выстроили даже двухэтажную палатку с хорами и галереями, под названием «Библиотека»,—специально для торговли книгами. Здесь, на Спасском мосту и крестце (т. е. городском перекрестке), с давних пор образовался своего рода книжный и даже литературный центр. Сюда приносили для продажи рукописные книги и тетради, лубочные картинки и листы. Праздные священники, дьяконы, пономари, монахи и просто грамотники из народа были не только потребителями, но частью и производителями этой литературы, главным образом церковной и полуцерковной.

Наряду с сочинениями религиозного или поучительного характера появились в обращении также чисто светские повести, сатиры, пародии—в стихах и прозе. Многие из них дали сюжеты для лубочных картин, которые начали печататься с конца XVII века.

О составе популярной литературы, распространенной в первые десятилетия XVIII века, можно судить по сохранившейся от 1720 г. (и еще не опубликованной) описи книг, рукописей, лубков, продававшихся на Красной площади в книжном ряду. Опись была сделана с целью изъятия из продажи вредных и предосудительных произведений. Среди названий книг, перечисленных в указанном документе, попадаются уже и печатные, но больше всего рукописные, духовного, в меньшем количестве—светского содержания; особенно много лубочных листков.

Торговля лубками и книгами все же продолжала процветать здесь в течение всего XVIII столетия. В 1791 г. вышла «Виргилиева Энеида, вызороченная наизнанку» Н. П. Осипова, в которой, между прочим, большой документальностью отличаются следующие строки:

Со Спасского из лавок мосту
Набрали разные листы,
На коих лучшие картины
И размалеванны личины

Цветут, как в рощице кусты.
В одной там небылица в лицах
Чертами изображена;
В другой вся роспись о девицах
В таблицах расположена;
В иной Савоська с Парамошкой,
За винною поссорясь плошкой,
Друг друга рыцарски тузят;
В иной ката хоронят крысы;
В иной прекрасны Милликтрисы
Бову к себе в любовь манят;
В иной там Семика встречают, —
Дежуря дружно в кабаках,
И масляницу провожают
С гудком и дудкой на свиньях,
Досушивая бочки пива.
Коза с бородушкою сива,
Надевши синий сарафан,
Покруче держит кверху роги.
Перед медведем бьет в треноги,
А тот трезвонит в барабан...

Произведения «деревянной печати» (т. е. лубки, гравированные на деревянных досках) расходились в ту пору из Москвы, со Спасского моста, кажется, повсеместно. Вот один бытовой штрих, занесенный А. Копиевым в комедию «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» (1794 г.): «Театр представляет деревенскую горницу... с лежанкой и скамейками, на стенах расставлены картины с Спасскова мосту, как-то: Бова-королевич, Мамаево побоище и проч.».

Г. Р. Державин в своих «Записках» вспоминал, как в молодые годы, живя в Казани, он учился рисовать, раскрашивая лубочные листы; не имея хороших рисунков, он «довольствовался изображением богатырей, каковые деревянной печати в Москве, на Спасском мосту, продаются, раскрашивая их чернилами, простою и жженою вохрою, так что все стены его комнаты были оными обиты и уклеены...»¹.

Лубочная литература Красной площади частью отражала оппозиционные настроения. На листах и миниатюрах, вышедших из консервативной старообрядческой среды, Петра I рисовали в образе антихриста, «лютого

¹ Як. Грот. «Жизнь Державина», т. I, стр. 30.

зверя крокодила», «первого крокодила», а жену его Екатерину I — в виде кривоносой Бабы-Яги, одетой по-чухонски; крокодил и Яга дерутся из-за скляницы вина, а под лапами у них помещен кораблик — символ ненавистных для староверов заморских «неистовств», навигацких «новшеств»¹.

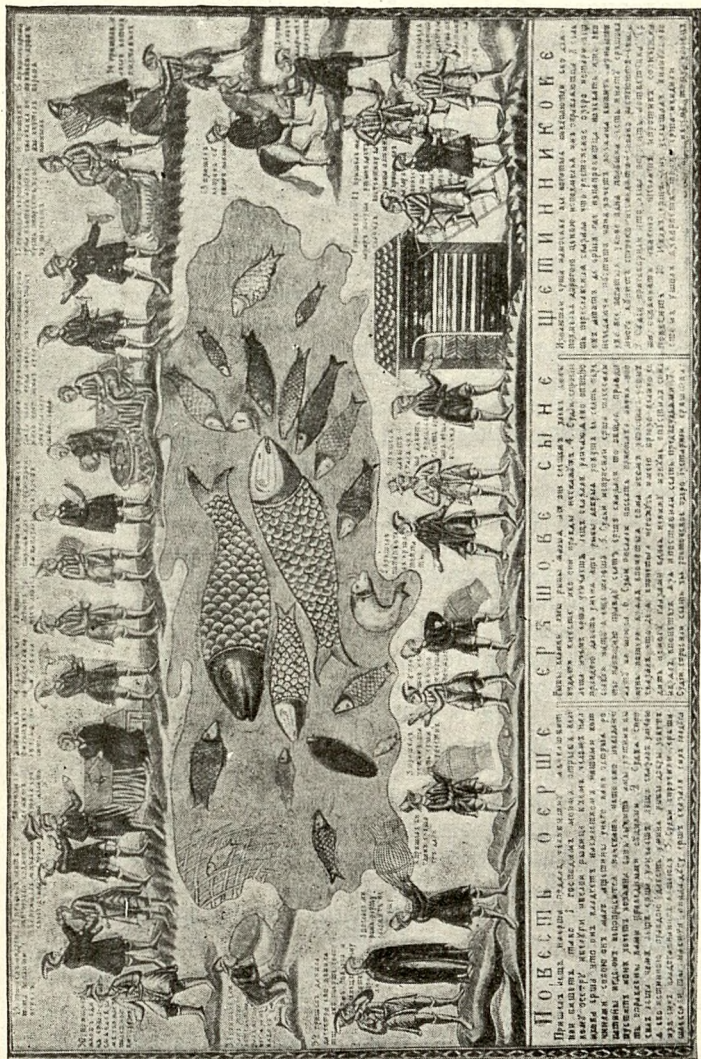
Правительство недаром стремилось установить строгий контроль над книжным торгом на Красной площади, где распространялись такие сатиры. Доставалось в них и иностранцам, особенно немцам, которых изображали на лубочных картинках в самом непристойном виде. Докторов-чужеземцев окрестили «смертодавами». В Москве была сочинена даже целая «шутовская комедия» (в тексте ее фигурирует, между прочим, река Яуза), направленная против шарлатанства докторов, врачующих все болезни с помощью одного «клиштера»; корпорация врачей преподает такое наставление своему начинающему собрату: «Буде тысящи умирают, то ни во что почитай, аще бо они по Гагенову, Гиппократову, Парцелсову предписанному правилу и обычаю умерли...»².

Несколько позднее появились лубочные карикатуры на «щеголей» и «щеголих» с их подражанием французским модам. Щеголь по моде наряжается и убирается, «прутком подпирается», никогда не работает, а только веселится да гуляет. При шпиге, в высоком парике, с косичкой и в треуголке, щеголь просит взаймы двадцать пять копеек и получает отказ: «Удивляюся твоей щегольской одеже, а пуще бесстыдной твоей роже; убравшись в таком дорогом кафтане, надобно иметь пятьдесят рублей в кармане... покинь мою руку, не делай мне скуку, пожалуй больше не хлопочи, на своих тонких ногах поскачи: наши братья давно вас знают: долги платить щеголи забывают...»

Подстать «щеголю» «модная жена», «щеголиха». «Прическа жены» так пышна и громоздка, что парикмахер завивает букли, стоя на высокой лестнице. При

¹ Д. А. Ровинский, «Русские народные картинки», т. I, стр. 166—169, 176, 220 и др.

² В. Н. Перетц, «Памятники русской драмы эпохи Петра Великого». СПб. 1903.

Повесть о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове
 Лубочная картинка XVIII в.
 Из фондов Государственного Литературного музея

виде головного убора хозяйки дома «кошка заворчала, собака завизжала, попугай вострепенулся, а муж от страху перековырнулся, просил прощенья о голове своей чтоб сделала облегченья...»

Лубки впитали в себя, кроме того, многие произведения русской книжно-народной литературы: сказки о Ерше Ершовиче, Шемякинном суде, о Фоме и Ереме, сказочные повести о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче и т. п. Не менее обильно была отражена в картинках также религиозная тематика¹.

Основная масса народа, толпившегося на Красной площади, оставалась в те времена еще неграмотной. Но картинки, размалеванные на славу самыми яркими красками, были и для нее доступным развлечением. Существовала вместе с тем богатая устная литература, которая своим чередом бытовала здесь же, в центре старой Москвы. На Спасском мосту стояли нищие певцы с традиционным репертуаром. Обиходными стали даже пословицы: «Мое счастье на Спасском мосту с чашкой», «Итти в старцы, сесть на мосту со ставцем»²...

По праздникам в самом центре города, на Красной площади или близ нее, устраивались народные гулянья и справлялись обряды, подобные тем, какие в полной форме совершались в деревенской глуши. В Троицын день, например, у Москворецких ворот, «на живом мосту», женщины, ходя с березками, пели песни, плясали и бросали со своих голов в Москву-реку венки³.

В начале XVIII века Петр I построил «для народного полирования» и развлечения публичный театр, расположенный на Красной площади, почти у самой кремлевской стены, между Спасскими и Никольскими воротами. Здание «комедийной хоромины» сначала предполагали построить внутри Кремля, однако, по отзыву занимавшихся этим делом приказных, выбранное место оказалось неудобным: «наношено кирпичу и всякого лому и земли от

¹ Д. А. Ровинский, «Русские народные картинки», т. I, №№ 221, 232, 234 и др.

² Б. Шейдлин, «Москва в пословицах и поговорках», М., 1929, стр. 34.

³ Н. Н. Трубицын, «О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в.», СПб., 1912, стр. 10.

старых палат «великие горы». Тогда было велено строить театр на Красной площади, «близ триумфальных изб».

Замысел царя-реформатора встретил упорное сопротивление, однако Петр I настоял на своем, и не далее как через два месяца «комедийная хоромина» была готова, «а в ней театрум и хоры, и лавки, и двери, и окна; и внутри ее потолок подбит и кровля покрыта, а снаружи обита тесом».

Надо было теперь позаботиться о привлечении «охотных смотрельщиков» в этот театр, который хотели поставить на европейскую ногу. Все места для публики, платные, разделили на четыре разряда: ценою в 10 копеек, 6, 5 и 3 копейки, — чтобы дать возможность посещать представления людям разного достатка. Вывешивались афиши. Печатались на толстой бумаге входные билеты, или «ярлыки», которые продавали сторожа в «чуланах» (кассах) при входе. И все же театр на Красной площади, задуманный как общедоступное и общепольное культурное начинание, не привился. Посещаемость представлений не только не возрастала, а, наоборот, все падала; были дни, когда в зрительном зале собиралось не более 25 человек, а сбор не превышал одного-двух рублей. Театр просуществовал около трех лет и в 1707 г. был ликвидирован; оставшиеся у Никольских ворот стены театрального здания были разобраны лишь в 1733 г.

Впоследствии облик Красной площади совершенно изменился. Не только нет следов бывшей торговли на Спасском мосту, но исчез и театр на площади.

**Красная площадь.
Исторический
проезд**

Обратимся теперь в сторону площади Революции (бывш. Воскресенской). Перед нами высокое красное здание с башенками и узорчатой кирпичной кладкой; его крыльцо напоминает крыльцо старорусских палат. Это Исторический музей. На его месте в XVIII в. находилось живописное здание Земского приказа. В 1755 г. по проекту М. В. Ломоносова был создан здесь первый в России университет. Это здание было снесено в 1873 г.

Ныне между этим музеем и музеем В. И. Ленина пролегает широкий Исторический проезд, соединяющий Красную площадь с площадью Революции (ранее он

назывался Воскресенским). Здесь, в снесенном здании у Воскресенских ворот, помещалась университетская типография, где в 1758 г. было начато издание газеты «Московские ведомости».

С этой типографией связано имя выдающегося русского просветителя XVIII века Николая Ивановича Новикова, который одно время жил по соседству, в университетском доме (в нем впоследствии помещался архив Губернского правления)¹. Издательская деятельность Н. И. Новикова широко развернулась позднее, в 80-х годах XVIII века, когда он обслуживал своими изданиями не только Москву и Петербург, но и провинцию.

На первых порах в «Московских ведомостях» литературных статей помещалось мало. Зато появлялись интересные данные о книгах, поступавших в продажу, об общественных увеселениях, о театре (русском и итальянском), объявления о московских школах и пансионах, а также сведения бытового характера.

Среди университетских деятелей и студентов середины XVIII века мы находим имена писателей, начинавших тогда свою литературную деятельность: Хераскова, Фонвизина, Богдановича, Поповского, Санковского и др. Их общими силами, под руководством М. М. Хераскова, организуются и издаются первые московские литературные журналы: «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение». Публикация всех этих недолговечных изданий относится, однако, уже к 60-м годам XVIII века.

В литературной и академической деятельности Московского университета свято хранились традиции Михаила Васильевича Ломоносова. Можно сказать, что созданная им литературная школа обосновалась не в Петербурге, где жил наш великий поэт и ученый, а здесь, в Москве, в кругу профессоров и литераторов, связанных с университетом. Недаром Поповский, ученик Ломоносова и первый московский профессор элоквиенции (красноречия), поместил следующую подпись

¹ Дом Н. И. Новикова находился на Садовой улице, около Б. Сухаревской (ныне Колхозной) площади, где теперь Спасские казармы.

Красная площадь у Воскресенских ворот
С акварели Д. Кваренги
Музей архитектуры. Москва

под портретом своего учителя, гравированным в 1757 г.: «Московский здесь Парнас изобразил витию...» Поповский подчеркнул связь литературного центра Москвы, возникшего в середине XVIII века, с Ломоносовым и его творчеством.

Другой ученик «первого русского академика», профессор Барсов, много лет занимавший в Московском университете кафедру поэзии и красноречия, был убежденным и ревностным последователем Ломоносова, неустанно развивал его идеи, начиная с своего выступления в день открытия университета, когда именно Барсову было предоставлено с кафедры первое слово. На лекциях он объяснял произведения Ломоносова, комментировал его оды, его героическую поэму, похвальные

слова, впервые введя их в курс академического преподавания. Он же редактировал издание собрания сочинений Ломоносова, предпринятое Московским университетом.

У памятника Ломоносову во дворе университета

Ломоносовские идеи об общенародном значении науки стали заветными для Московского университета в лице лучших его представителей. Со всей прямоотой и принципиальностью Ломоносов, сам человек из народа, требовал в свое время допустить к обучению в высшей школе не только дворян, но и «всякого звания людей, не выключая посадских и крестьянских детей...»¹. Самая Москва в его понимании была прежде всего средоточием жизни всего русского народа,—потому-то он и предложил организовать в Москве первый русский университет.

Постановлением Советского Правительства имя М. В. Ломоносова присвоено университету, основателем которого он по существу был. Заветные мысли Ломоносова о демократизации образования, о всенародном значении науки нашли свое полное осуществление и развитие в Московском университете лишь в советское время.

Перейдем теперь на новую площадь, образовавшуюся после сношения домов между Охотным рядом и Манежем.

Перед нами два величественных здания Московского государственного университета, расположенных по обе стороны улицы Герцена². Во дворе так называемого нового здания установлен памятник М. В. Ломоносову.

Великий русский ученый представлен погруженным в глубокую думу. Он всматривается в свиток, который поддерживает его левая рука; правая опирается на глобус. Перед памятником терраса с балюстрадой.

Памятник этот, работы скульптора Меркурова, поставлен в 1944 г., после того как сброшенная во время

¹ М. Сперанский, «Московский университет XVIII столетия и Ломоносов», М., 1912. Ср. Г. Шторм, «Ломоносов», в серии «Жизнь замечательных людей», стр. 95—96.

² По данным Н. П. Чулкова, близ университета родился Фонвизин. Недалеко—в Брюсовском переулке—жил последние годы А. С. Сумароков. Куратор университета М. М. Херасков в конце XVIII в. проживал на Земляном валу (ныне дом № 53).

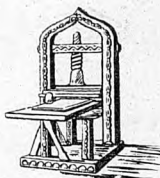

Памятник М. В. Ломоносову перед новым зданием
Московского университета
Скульптор С. Д. Меркуров
Из фототеки Государственного Литературного музея

войны немецкими фашистами фугасная бомба, повредив университетские здания, опрокинула воздушной волной и отбросила в сторону стоявший на постаменте бюст великого русского патриота—ученого и поэта, страстно ненавидевшего врагов «отечественного просвещения», особенно из числа хозяйничавших в Петербургской академии наук немцев. «Я,— говорил Ломоносов,— тому себя посвятил, чтоб до гроба с неприятелями наук российских бороться; стоял за то смолоду, в старости не покину...»¹

Ломоносов является центральной фигурой в истории русского просвещения и литературной жизни Москвы XVIII столетия.

¹ Г. Шторм, цит. соч., стр. 86.

Н. Верховская

МОСКВА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

А. Пушкин.

ВЕЛИКО значение Москвы в биографии и творчестве Пушкина. Пушкин родился в Москве¹, здесь провел свое детство, в Москве пристрастился к чтению и начал писать свои первые стихи. В конспекте «Первых впечатлений» Пушкин отмечает: «Юсупов сад², Землетрясение, Няня», как наиболее значительные впечатления детства, связанные с Москвой. На эти же годы приходится знакомство его с лучшими представителями литературы того времени — Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым и др. и знакомство с театрами — крепостным и государ-

¹ Дом, в котором родился Пушкин, снесен. Место, где он стоял, отмечено мемориальной доской (ул. Баумана, д. № 10).

² Юсупов сад находился в Харитоньевском переулке, против дома Юсупова, ныне № 21. Пушкин жил в этом же переулке в 1803—1805 гг.

ственным. В Москве же пробудилась в Пушкине любовь к народному творчеству (сказки няни и бабушки).

Таким образом, все, что послужило известным фундаментом в формировании творческого сознания поэта, относится к Москве. Уезжая в 1811 г. из Москвы 12-летним мальчиком, Пушкин увозил с собой глубокую и благодарную любовь к городу, любовь, которая никогда не ослабевала даже в длительной разлуке.

В годы войны с Наполеоном Пушкин, находясь вдали от Москвы, сетовал в стихах на свою оторванность от родного города в страшные дни:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни,
Вотще лишь гневом дух пымал!...

(«Воспоминания в Царском Селе»).

Вернувшись в Москву в 1826 г., Пушкин с гордостью пишет в VII главе «Евгения Онегина»:

Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленапреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

Второй период жизни Пушкина, связанный с Москвой, относится к более поздним годам. Пушкин приезжал в Москву между 1826 и 1836 гг. много раз и жил здесь иногда подолгу, иногда лишь по нескольку дней.

Поэт встречался в Москве со своими друзьями, близко был связан с проживавшими в Москве семьями декабристов. В Москве он впервые прочел друзьям трагедию «Борис Годунов».

В Москве Пушкин встретился с Н. Н. Гончаровой, здесь женился на ней и провел первые месяцы своей семейной жизни.

В Москве Пушкину дышалось легче, чем в холодном, светском, казарменном Петербурге николаевской поры. В последние годы своей жизни, окруженный врагами, измученный травлей со стороны высшего света, Пушкин, по воспоминаниям его московских друзей, стремился в Москву.

Значение Москвы в жизни и творчестве Пушкина важно не только потому, что здесь прошла часть жизни поэта. В Москве Пушкиным написан ряд произведений: VII глава романа «Евгений Онегин», «Стансы», «Муза», «Кавказ», «Дорожные жалобы», «Поэту», по всей вероятности «В Сибирь» и другие, где отражены думы поэта, пережитое им в скитаниях, освещены образы людей, с которыми был связан Пушкин, дана характеристика московского общества.

Москва с глубокой скорбью встретила весть о гибели Пушкина. Стихи Лермонтова «Смерть поэта» передавались из уст в уста. В Москве в 1880 г. состоялось торжественное открытие первого в России памятника Пушкину (на Страстной, ныне Пушкинской, площади), а в 1899 г. было отпраздновано столетие со дня рождения поэта.

В 1937 г., когда исполнилось 100 лет со дня гибели Пушкина, советская Москва, вместе со всей страной, горячо вспоминала любимого народного поэта. В Большом театре состоялся торжественный вечер, посвященный памяти этого прославленного сына Москвы, на Пушкинской площади—публичный митинг, открылась Всесоюзная Пушкинская выставка.

Настоящая экскурсия имеет целью познакомить экскурсантов с теми уголками Москвы, которые связаны с посещением Пушкиным старой столицы после возвращения его из ссылки в село Михайловское в 1826 г.

Маршрут экскурсии строится на объектах, расположенных в районе Пушкинской площади и улицы Горького, так как именно в этом районе часто бывал Пушкин, начиная с самого момента приезда; здесь сохранился ряд домов, которые напомним нам о поэте.

Наряду с ознакомлением с сохранившимися домами, а также с местами, связанными с жизнью или творчеством Пушкина, экскурсия знакомит с событиями его московской жизни 1826—1836 гг. и с окружавшим его обществом (попутно привлекается также материал грибоевской Москвы).

Экскурсия включает также те из произведений Пушкина, которые были написаны в Москве или говорят о ней.

В заключение экскурсии знакомит с тем, как любовно чтят москвичи память Пушкина и как память поэта была увековечена в столице СССР в советскую эпоху.

**Улица Горького
против Музея
Революции**

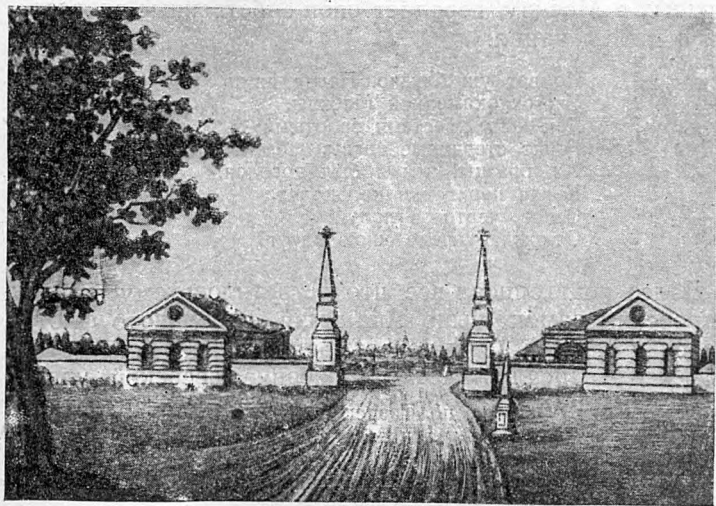
Сейчас мы стоим на улице Горького, одной из самых широких улиц столицы. Но такой она стала всего несколько лет назад, после реконструкции этой части города.

Во времена Пушкина улица называлась Тверской. Это был путь в старую Тверь, а оттуда в Петербург.

У заставы, где еще недавно стояла Триумфальная арка, Тверская переходила в Петербургский тракт, ныне Ленинградское шоссе. Железных дорог тогда не было, ездили на лошадях, и по Тверской то и дело мчались ямские тройки в Петербург и обратно. Рядом с улицей Горького (начиная от площади Маяковского) до сих пор сохранились Тверские-Ямские улицы, напоминающие о ямских слободах, некогда здесь расположенных.

Более ста лет назад по обе стороны Тверской стояли двухэтажные дворянские особняки с мезонинами, колоннами, палисадниками и садами. Но все они исчезли, и по улице Горького в наши дни только кое-где можно увидеть этих свидетелей пушкинских времен.

Летом 1811 г. по Тверской мчалась дорожная тройка, в которой сидели известный в литературных кругах Москвы начала XIX века поэт Василий Львович Пушкин и курчавый 12-летний мальчик, о котором говорили: «это Саша Пушкин, племянник поэта Пушкина». Так уезжал из Москвы в Петербург маленький Пушкин, оставляя за собой все, что было ему дорого: семью, близких, бабушку и няню с их сказками, первые мечты и первые литературные опыты.

Тверская застава

С рисунка начала XIX в.

Из фототеки Государственного Литературного музея

Прошло пятнадцать лет, и по тому же Петербургскому тракту и Тверской улице 8 сентября 1826 г.¹ возвращался в Москву из ссылки уже прославленный поэт Пушкин, автор поэмы «Руслан и Людмила», «Южных поэм» и широко известных стихотворений. К этому времени им были закончены трагедия «Борис Годунов» и шесть глав «Евгения Онегина».

По приказу только что вступившего на престол и жестоко расправившегося с декабристами Николая I Пушкина везли к нему на допрос «свободно, под надзором фельдъегеря». Везли быстро, почти без остановок.

В главе VII «Евгения Онегина», написанной по возвращении из ссылки, Пушкин, рассказывая о приезде

¹ Здесь и в дальнейшем даты до Великой Октябрьской социалистической революции указаны по старому стилю. — *Ред.*

Лариных в Москву, передает свои собственные впечатления и переживания:

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Далее поэт описал все, что встретилось ему на пути: Петровский замок (ныне Академия воздушного флота), Тверская застава (где теперь Белорусский вокзал). Затем следует реалистическое описание Тверской улицы:

... вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

**Здание Английского
клуба (ул. Горького,
д. № 21)**

Перед нами львы, которых видел когда-то Пушкин. Это всем знакомое здание Музея Революции. Типичный для дворца парадный двор охватывает далеко выступающие флигеля. Во время реконструкции улицы Горького решетка со столбами и характерными львами была придвинута к зданию, и таким образом площадь перед ним сократилась.

Этот дом—один из выразительных памятников московской классики. Он построен для графа Л. К. Разумовского в конце XVIII—начале XIX века. Строгое и стройное, с классическим фронтоном и колоннадой, здание почти не изменено позднейшими переделками и в наши дни выглядит так же благородно по своим формам и линиям, как 150 лет назад.

С 1831 г. здесь помещался Английский клуб, до того несколько раз менявший свое местопребывание.

Это был клуб крупного владетельного дворянства, где проводили свой досуг представители этого класса. Члены клуба обменивались мнениями по различным вопросам, входившим в круг их интересов; говорили и о политике. Иной раз даже Николай I, этот «первый дворянин» государства, интересовался тем общественным мнением, которое создавалось в клубе. Тем не менее политический вес Английского клуба был, конечно, ничтожен.

Пушкин бывал здесь в 1831 г. и позднее, о чем сохранились упоминания в его письмах к жене; он являлся членом этого клуба.

В романе «Евгений Онегин» (в отрывках из «Путешествия Онегина») есть упоминание об Английском клубе:

В палате Английского клуба
(Народных заседаний проба)

.

Иронически назвав клуб «палатой», т. е. парламентом, Пушкин высмеивал фрондирование московских бар.

В этой части улицы Горького, прилегающей к Пушкинской площади, и в окружающих ее переулках с их дворянскими дворцами и особнячками, как уже было отмечено, часто бывал Пушкин в свои приезды в Москву. Особенно характерным образцом домов крупной знати является (кроме здания Музея Революции) здание Глазной больницы, бывший дворец графа Дмитриева-Мамонова, а типичным для дворянства средней руки — миниатюрный деревянный особнячок № 5 по Сытинскому переулку. Усадьба с домом, служебные постройки во дворе живо напоминают дворянские гнезда начала прошлого века.

Недалеко от Английского клуба, в Воротниковском переулке, в доме № 12, хорошо сохранившемся до наших дней, но с надстроенным позднее верхним этажом, Пушкин останавливался у своего друга Нащокина в свой последний приезд в Москву, весной 1836 г., за полгода до своей трагической гибели.

*Пушкинская
площадь*

Проехав по Тверской улице мимо Английского клуба и заметив фигуры львов на воротах, Пушкин выехал на площадь, получившую в 1937 г. имя поэта. Во времена Пушкина эта площадь называлась Страстной, по имени женского монастыря, находившегося по левой стороне площади, на том месте, на котором в наши дни организуются красочные праздничные базары.

За высокой оградой монастыря над разноцветными главами церкви летали галки, отмеченные поэтом на страницах «Евгения Онегина»:

И стаи галок на крестах.

Левая часть площади (если обратиться лицом к центру города) очень изменилась. В начале XIX века тут стояли, кроме монастыря, двухэтажные барские особнячки, а больших домов современного типа не было вовсе.

На правой стороне площади отчасти сохранился в прежнем виде Тверской бульвар — и как зеленый массив, и как архитектурный ансамбль, — а также дом на углу бульвара и улицы Горького, относящийся еще к допожарной Москве. На другом углу, на месте современного нового дома с женской фигурой на крыше, но гораздо ближе к центру улицы Горького, находилась церковь Дмитрия Солунского.

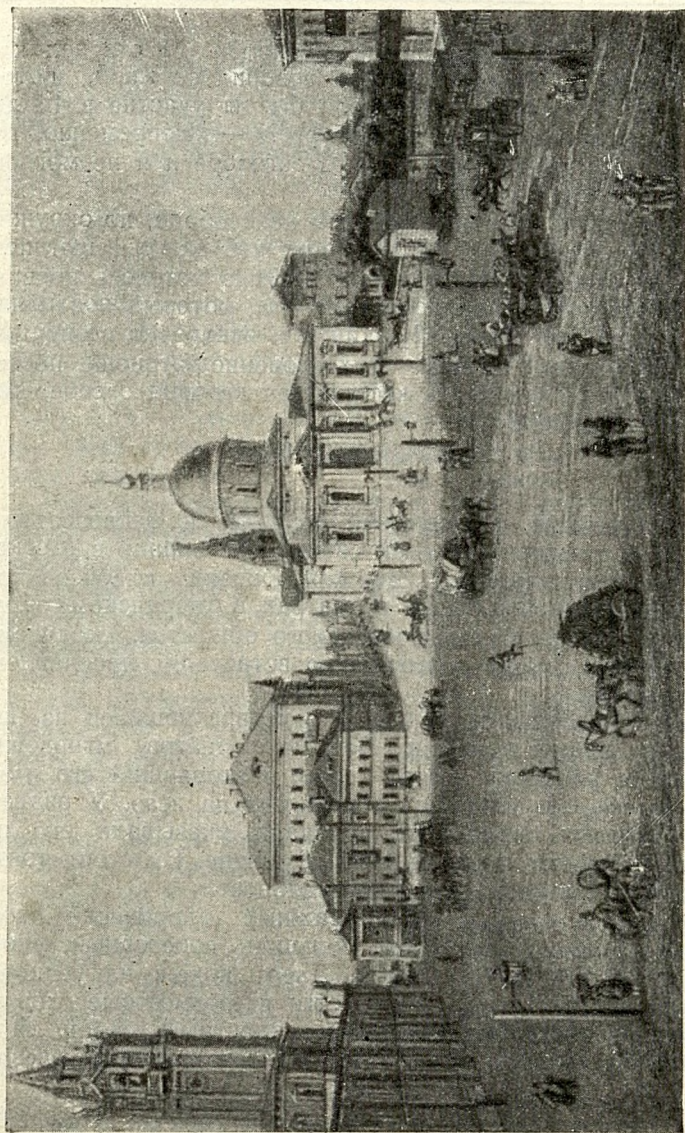
В центре Страстной площади возвышалась триумфальная арка, поставленная еще в 1775 г., во время празднования Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией. Типичная для декоративной архитектуры XVIII века арка была снесена во второй половине прошлого века.

Фельдъегерская тройка, промчавшаяся под аркой Триумфальных ворот, направилась в Кремль¹.

Пушкин вспоминал о допросе его царем:

«Всего покрытого грязью меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин,

¹ Кремль с детства был хорошо знаком и дорог Пушкину. Еще ребенком, живя «у Харитонья в переулке...» (близ Красных ворот), Пушкин любил взбираться в сопровождении своего дядьки Никиты Козлова на колокольню Ивана Великого и оттуда любоваться панорамой Москвы.

Страстная площадь
С литографии середины XIX в.
Из фондов Государственного Литературного музея

доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал как следовало. Государь долго говорил со мной, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если бы был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре и я не мог бы не участвовать в нем»¹.

Николай I оставил Пушкина на свободе, но окружил его настолько жестким надзором, что каждый шаг поэта был известен III отделению. Царю хотелось превратить Пушкина в придворного поэта, который восхвалял бы его царствование, Пушкин же, вскоре по возвращении из ссылки, написал стихотворение «Арион», посвященное декабристам, в котором он говорил о себе, как о поэте декабристов:

А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел...

Измученный шестилетней ссылкой и одиночеством, Пушкин с первых же дней своего пребывания в Москве окунулся в водоворот светской жизни хлебосольной столицы. Пушкин бывал в театрах, в Дворянском собрании, в лучших домах московского общества. Везде ему были рады, всюду восторженно встречали прославленного поэта.

«Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей ступени своей популярности»².

Дом М. И. Римской-Корсаковой (площадь Пушкина, д. № 3) Двухэтажный дворянский особняк, большой, просторный, удобный... Двор похож на усадьбу, виднеются всевозможные хозяйственные постройки (конюшни, каретный сарай, людские). Со стороны фасада дом мало изменился; исчезли

¹ Пушкин в передаче А. Л. Хомутовой. «Русский архив», 1867, стр. 1066.

² Н. Путьга, «Из записной книжки». «Русский архив», 1899, т. II, стр. 350.

только некоторые украшения: герб, вазы в нишах по обе стороны входных дверей. Внутри было до двух десятков комнат. Но мало что здесь уже сможет напомнить о пушкинском времени.

Очень хорошо сохранился вестибюль с лестницей. Широкая, парадная, украшенная колоннами и позолоченными балясинами, эта лестница может служить образцом для декораций последнего акта «Гора от ума».

Дом этот, уцелевший после пожара 1812 г., принадлежал одной из представительниц старой дворянской Москвы — Марии Ивановне Римской-Корсаковой.

К семье Марии Ивановны был близок А. С. Грибоедов. В свои последние приезды в Москву он часто бывал в этом доме и наблюдал беспечно веселившееся московское дворянство, которое позднее показал в своей комедии «Горе от ума».

Неудивительно поэтому, что с целым рядом персонажей грибоедовской комедии можно установить живую параллель.

Мария Ивановна Римская-Корсакова, веселая и беспечная, хлебосольная, властная, типичная представительница сходящего со сцены богатого московского дворянства, проводила жизнь, как все подобные ей московские барыни. Распоряжалась по хозяйству, бранила и наказывала слуг, принимала и отдавала визиты, не пропускала ни одного бала, устраивала замужество дочерей и карьеру сыновей, писала грозные письма в свои имения с требованием денег и, несмотря на очень хорошие средства, всегда была в долгах.

Мария Ивановна была столь заметной фигурой, что Пушкин, не будучи с ней знаком до 1826 г., спрашивал о ней Вяземского в письме из Кишинева:

«Где М. И. Корсакова, что живет или жила против какого-то монастыря (Страстного что ли), жива ли она, где она, если умерла, что Боже упаси, то где ее дочери, замужем ли и за кем, девствуют или вдовствуют и проч.»¹.

¹ М. О. Гершензон, «Грибоедовская Москва», изд. М. В. Сабашникова (2-е, дополн.), М., 1916, стр. 138.

Знакомство Пушкина с М. И. Римской-Корсаковой произошло осенью 1826 г., вскоре после приезда его в Москву. Подружившись с одним из ее сыновей—Григорием, Пушкин начал часто посещать ее дом. Некоторые даты посещений им этого дома известны; например, Пушкин был 26 октября 1826 г. на обеде, специально для него устроенном.

На вечерах Марии Ивановны всем было весело и свободно. Молодежь устраивала игры и шарады, в которых с заразительным весельем принимал участие Пушкин.

Частые посещения Пушкиным дома Корсаковой скоро стали приписывать увлечению поэта ее дочью Александрой. На этом определенно настаивает и такой близкий Пушкину человек, как П. А. Вяземский. По его свидетельству, 52-я строфа VII главы «Евгения Онегина» относится к Александре Римской-Корсаковой:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве,
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жен и дев блестит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

Бывая в доме Марии Ивановны Римской-Корсаковой, а также в некоторых других домах старого ушедшего дворянства, Пушкин чувствовал себя разочарованным в этом «грибодовском» московском обществе.

В VII главе «Евгения Онегина» он дает характеристику отжившему московскому барству, которая своей остротой и меткостью перекликается с комедией «Горе от ума»:

Но в них не видно перемены;
Все в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец;
Все белится Лукерья Львовна,

Все то же лжет Любовь Петровна,
 Иван Петрович так же глуп,
 Семен Петрович так же скуп,
 У Пелагеи Николавны
 Все тот же друг мосье Финмуш,
 И тот же шпиц, и тот же муж;
 А он, все клуба член исправный,
 Все так же смирен, так же глух,
 И так же ест и пьет за двух.

Это словно отрывок из саркастических речей Чацкого.

Но не вся Москва, которую застал Пушкин в 1826—1828 гг., была такова. Прав был Вяземский, писавший о «светлой, образованной Москве», которая возвышалась над Москвой грибоедовской.

Из донесений шефу жандармов Бенкендорфу следившего за Пушкиным полковника Бибикова мы знаем, в каких домах чаще всего бывал поэт. Одним из первых упоминается салон кн. Зинаиды Волконской.

Дом кн. З. А. Волконской (ул. Горького, д. № 14)

Ни своим внешним видом, ни внутренней отделкой этот дом не напоминает теперь особняка князей Белосельских-Белозерских, в котором в 20-х годах XIX века был литературный салон кн. Зинаиды Александровны Волконской¹. Во времена Пушкина всей культурной Москве был хорошо известен этот дом, в котором сейчас расположен музей-квартира писателя Н. А. Островского.

Это был большой, вместительный особняк-дворец, построенный еще до пожара Москвы, т. е. на рубеже XVIII—XIX вв., в стиле русского классицизма. Над первым этажом господствовал второй — парадный бельэтаж, а наверху находились антресоли. В центре здания — широкие ворота, фасад был украшен изящной колоннадой, поддерживавшей легкий фронтон.

Хозяйка салона Зинаида Волконская, музыкантша и поэтесса, обладала прекрасным контральто и славилась большим вкусом в области литературы и изобразитель-

¹ З. А. Волконская была дочерью кн. А. М. Белосельского-Белозерского, дипломата и писателя. Его произведения, написанные по-французски, получили одобрение Вольтера,

ных искусств. В ее салоне собирались лучшие представители образованной Москвы.

По отзыву П. А. Вяземского, «...дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты... Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатление, которое производила она своим полным и звучным контральто»¹.

Приехав в Москву в 1826 г., Пушкин очень скоро посетил Зинаиду Волконскую и начал часто бывать в ее салоне. В первый день знакомства с Пушкиным Волконская пропела поэту его элегию «Погасло дневное светило».

Посылая Волконской в 1827 г. свою поэму «Цыганы», Пушкин сопроводил поэму посвящением, в котором отражен образ Зинаиды Александровны:

Среди рассеянной Москвы,
 При толках виста и бостона,
 При бальном лепете молвы
 Ты любишь игры Аполлона.
 Царица муз и красоты,
 Рукою нежной держишь ты
 Волшебный скипетр вдохновений,
 И над задумчивым челом,
 Двойным увенчаным венком,
 И вьется, и пылает гений...

В салоне Зинаиды Волконской Пушкин встречался с лучшими писателями и поэтами того времени, из которых многие были его близкими и давними друзьями. К числу последних относится и часто посещавший дом Волконской поэт П. А. Вяземский, дружба которого с Пушкиным началась еще в ранние годы жизни обоих поэтов.

Встречался здесь Пушкин и с Д. В. Веневитиновым, молодым даровитым поэтом, рано умершим. Знакомство

¹ Кн. П. А. Вяземский, Полное собр. соч., т. VII, стр. 329.

З. А. Волконская.
С акварели начала XIX в.

с последним отмечено замечательным событием творческой биографии Пушкина—чтением друзьям трагедии «Борис Годунов»¹.

Веневитинов посвятил Зинаиде Волконской стихотворение «Волшебница, как сладко пела ты...». Описал он в стихах и перстень, подаренный ему Волконской при отъезде его в Петербург. Рано угасший поэт был похоронен с этим перстнем; при переносе праха в Новодевичий монастырь перстень этот был снят с его пальца и в настоящее время хранится в Государственном Литературном музее.

Одним из новых для Пушкина знакомых был поэт Е. А. Баратынский², с которым он близко сошелся. Встречался Пушкин с ним у Волконской и в доме самого Баратынского в Чернышевском пер. (ныне ул. Станкевича), № 6³.

В салоне Волконской Пушкин виделся также со своими литературными друзьями, время от времени наезжавшими из Петербурга, — баснописцем И. А. Крыловым и поэтом В. А. Жуковским. Дружба с последним была одной из самых крепких связей Пушкина и прошла через всю его жизнь.

Устраивались у Волконской литературные и музыкальные вечера. Поэты и писатели читали свои произведения, выступали лучшие певцы и музыканты.

Иногда вечера носили интимно-дружеский, веселый характер. Затевались шарады с переодеванием и другие игры. В таких забавах, по отзывам современников, Пушкин был неутомим. Он с невероятной изобретательностью придумывал все новые и новые шутки.

¹ Чтение состоялось 12 октября 1826 г. в доме Д. В. Веневитинова (б. Мясницкая ул., ныне ул. Кирова, Кривоколенный пер. № 4). Присутствовавший на чтении М. П. Погодин рассказывает: «Какое действие произвело на всех нас это чтение—передать невозможно... Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздавался смех, полились слезы, поздравления» («Русский архив», 1865, № 1, стр. 97).

² Зинаиде Волконской Баратынский посвятил стихотворение «Из царства виста и зимы».

³ Дом деревянный, построен в XVIII в.; фасад позднее перестроен. На воротах—доска с надписью: «Свободеи от постоя».

В других случаях приемы в доме З. А. Волконской носили более официальный характер. По своему рождению она принадлежала к родовитой знати, и ее дом посещали и представители большого света.

Однажды в ответ на усиленные просьбы светских гостей Волконской прочесть что-нибудь Пушкин, раздосадованный их высокомерной манерой держать себя, прочел отрывок из только что написанного стихотворения «Чернь»:

В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.
Довольно с вас, рабов безумных!

В доме Волконской Пушкин впервые встретился с польским поэтом Адамом Мицкевичем, который был выслан из родных мест и жил в России в 20-х гг. XIX в.

Мицкевич производил на всех чарующее впечатление. Он был сдержан, воспитан, разносторонне образован, чрезвычайно вежлив, держался с какою-то благородною простотою. Он обладал редким даром импровизации — на заданную тему он тут же сочинял стихи. Польский поэт посвятил З. А. Волконской стихотворение «Греческая комната».

Пушкин, познакомившись с Мицкевичем в 1826 г., часто встречался с ним и очень подружился. Есть сведения, что они беседовали о сен-симонизме. Пушкин был очень высокого мнения о Мицкевиче, о чем свидетельствует К. А. Полевой в своих «Записках»:

«Пушкин оказывал Мицкевичу величайшее уважение».

Благодаря хлопотам Пушкина и его друзей Мицкевич в 1829 г. получил возможность вернуться на родину¹.

¹ В доме приятеля Пушкина С. А. Соболевского (Козицкий пер., д. № 5) друзья Мицкевича устроили ему дружеские проводы 15 июня 1829 г. Позднее Пушкин писал о Мицкевиче:

...Он между нами жил
Средь племени ему чужого...

26 декабря 1826 г. в доме Зинаиды Волконской собрались по необычной причине ее друзья, среди которых был и Пушкин: у Волконской остановилась проездом в Сибирь ее невестка Мария Николаевна Волконская, жена декабриста Волконского, первая из жен декабристов последовавшая за мужем в ссылку.

М. Н. Волконскую, рожденную Раевскую, Пушкин знал еще тоненькой черноволосой девочкой, когда он, сосланный на юг, путешествовал по Кавказу и Крыму со всей семьей генерала Н. Н. Раевского, героя войны 1812 г. Молодой, пылкий поэт увлекался юной Марией Николаевной. В одном из лирических отступлений I главы «Евгения Онегина» есть строки, посвященные ей:

Я помню море пред грозною:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!

Вечер накануне отъезда в Сибирь, проведенный Марией Николаевной в доме ее невестки Зинаиды Волконской среди друзей, она сама описывает так:

«Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, и мысль, что я слышу его в последний раз, делало его для меня еще прекраснее. Я говорила им: «Еще, еще! Подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!»

Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения; он хотел передать мне «Послание к узникам» для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой»¹.

В ночь с 26 на 27 декабря из ворот дома З. А. Волконской выехала Мария Николаевна, спеша к своему мужу в Сибирь.

В 1829 г. Зинаида Александровна Волконская уехала за границу. Ей не было суждено вернуться на родину: она умерла в Риме.

¹ М. Н. Волконская, «Записки», изд. «Прометей», 1911, стр. 61.

М. Н. Волконская. Жена декабриста С. Г. Волконского
С рисунка Н. М. Бестужева

На Тверской улице (на углу нынешней Советской площади) находилась гостиница «Европа», в которой останавливался Пушкин после возвращения в Москву в 1826 г. Недалеко от нее, в переулке им. Немировича-Данченко (бывш. Глинищевский пер.), хорошо сохранился дом, в котором помещалась гостиница «Англия»; здесь Пушкин тоже останавливался в свои приезды в Москву.

Тверской бульвар

Если вернуться назад от дома Волконской к Пушкинской площади и повернуть налево, перед глазами вновь откроется зеленый массив Тверского бульвара. Во времена Пушкина это было любимым местом прогулок высшей знати. Тверской бульвар называли «Зеленым клубом». По дорожкам бульвара между подстриженными липами в определенные часы дня чинно прогуливались московские аристократы, приезжавшие сюда в каретах и других экипажах.

Здесь встречались, как в бальных залах, и вели такой же светский салонный разговор¹.

Позднее, в последующие приезды Пушкина в Москву из Петербурга, характер Тверского бульвара изменился. В одном из писем к жене от 1833 г. Пушкин пишет: «На Тверском бульваре попадаются две-три салонницы, да какой-нибудь студент в очках и фуражке, да князь Шаликов»².

По обе стороны Тверского бульвара тянулись особняки московского высшего дворянства, многие из которых сохранились и поныне. В некоторых из этих особняков бывал Пушкин.

По левой стороне бульвара два дома, под №№ 24—26, уцелели еще с эпохи допожарной Москвы. Они были построены в самом начале XIX века и принадлежали известному фавориту Екатерины II — П. И. Римскому-Корсакову. Пушкин бывал у него в 1830—1831 гг. и слушал его рассказы о придворной жизни. Дома эти очень

¹ О московских бульварах см. подробнее ниже, в экскурсии по гоголевской Москве.

² А. С. Пушкин, «Переписка», т. III, СПб., 1911, стр. 38. П. И. Шаликов — писатель-сентименталист, издатель «Дамского журнала» и редактор «Московских ведомостей».

Тверской бульвар
С литографии 20-х гг. XIX в.
Из собрания Пушкинского музея. Москва

хорошо сохранились. До сих пор на них виднеется характерная для классического стиля лепка; уцелели резные деревянные двери хорошей работы. Несколько растянутые фасады кажутся еще более удлинненными, так как старые дома заметно осели.

Рядом с домами П. И. Римского-Корсакова, на месте круглого здания театра им. Немировича-Данченко, еще недавно стоял двухэтажный особняк с превосходной отделкой в стиле ампир. Этот дом принадлежал Прасковье Юрьевне Колопривовой (приятельнице М. И. Римской-Корсаковой), описанной в «Горе от ума» под именем Татьяны Юрьевны.

С восхищением говорит о ней Молчалин:

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче...

С большим уважением отзывается о ней и Фамусов, ее имя он называет в числе тех, которые могут командовать перед фронтом и заседать в сенате:

Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!

Иначе оценил Кологривову Чацкий—он коротко отозвался:

Слышал, что вздорная.

В ее доме в конце 20-х и начале 30-х гг. известный танцмейстер Иогель, учивший танцам во всех дворянских домах, устраивал платные балы для детей и для взрослых. Рассказывают, что именно на балу у Иогеля Пушкин впервые встретился с Н. Н. Гончаровой.

Напротив домов Римского-Корсакова, по ту сторону бульвара, виднеется барский дом в глубине обширного двора с садом; дом — цвета охры, на нем мягко выделяются лепные украшения в классическом стиле. Этот дом, стоявший еще до пожара Москвы, принадлежал одному из московских «тузов», А. А. Яковлеву. В этом доме родился его племянник А. И. Герцен в памятный 1812 год. Позднее здесь жил сын А. А. Яковлева, упомянутый в «Горе от ума» «чудак», которого с неудовольствием вспоминает старая княгиня:

От женщин бегаёт, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Позднее в этом доме жил Д. Н. Свербеев, у которого собирался литературный салон. Пушкин бывал у Свербеева, возможно, и в этом доме (это не достоверно, так как отсутствуют точные данные, когда именно здесь жил Свербеев). В настоящее время этот дом принадлежит Союзу писателей и носит имя Герцена, рельефным изображением которого дом украшен.

Герцен страстно увлекался творчеством Пушкина с юных лет. Т. П. Пассек в своих воспоминаниях пишет:

«Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидели его спустя года полтора в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один высокий блондин, другой—среднего роста брюнет с черными курчавыми волосами и резко вырази-

тельным лицом. «Смотрите, — сказали нам, — блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин». В конце залы Баратынский с кем-то заговорил и остановился. Пушкин прошел к мраморной колонне, на которой стоял бюст государя, стал подле нее и облокотился о колонну»¹.

Герцену принадлежат замечательные слова о величайшем русском поэте: «Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлого, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему»².

Сквозь деревья Тверского бульвара в конце его можно увидеть очертания храма Большого Вознесенья (на улице Герцена, близ Никитских ворот). Это величественное здание построено М. Ф. Казаковым, а в 40-х гг. было перестроено архитектором Григорьевым. Здесь происходило венчание Пушкина с Натальей Николаевной Гончаровой. Недоверие властей к поэту было таково, что даже свадьба его вызвала опасения. Почтдиректор А. Я. Булгаков писал брату: «Кстати о Пушкине. Филарет так и настоял на своем: их венчали не у кн. Сергия Михайловича, а у старого Вознесенья. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей»³.

Дом родителей невесты поэта находился поблизости: по Б. Никитской (ныне улица Герцена), № 50.

Новобрачные поселились на Арбате. Дом сохранился (№ 53); он отмечен мемориальной доской. Пушкины жили здесь до 15 мая 1831 г.

Всматриваясь в особняки, уцелевшие от тех времен, когда по аллеям Тверского бульвара гулял в своем цилиндре поэт, мы должны вспомнить о том впечатлении от увядающей барской Москвы, которое запечатлел Пушкин в своих заметках «Путешествие из Москвы в Петербург» (1833—1836 гг.).

Уже в те далекие годы обозначился процесс социального перерождения древней столицы, которая к се-

¹ Т. П. Пассек, «Из дальних лет», т. I, СПб, 1878, стр. 221.

² А. И. Герцен, Собр. соч., изд. 1915 г., т. VI, стр. 365.

³ «Русский архив», 1902, т. I, стр. 54.

редине прошлого века превращалась в капиталистический город. От зоркого взгляда Пушкина не ускользнули первые симптомы этого процесса.

«Ныне в присмирившей Москве огромные, боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом горчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бель-этаж нанят мадамой для пансиона--и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается в наймы, и никто его не покупает и не нанимает»¹.

Барская Москва тесно связана у Пушкина с образами бессмертной комедии Грибоедова, и эта «грибоедовская» Москва на глазах у Пушкина резко изменилась; «... Горе от ума, — писал он, — есть уже картина обветшавшая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который всякому, ты знаешь, рад, и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлесова в могиле; Репетилов в деревне. Бедная Москва!..»²

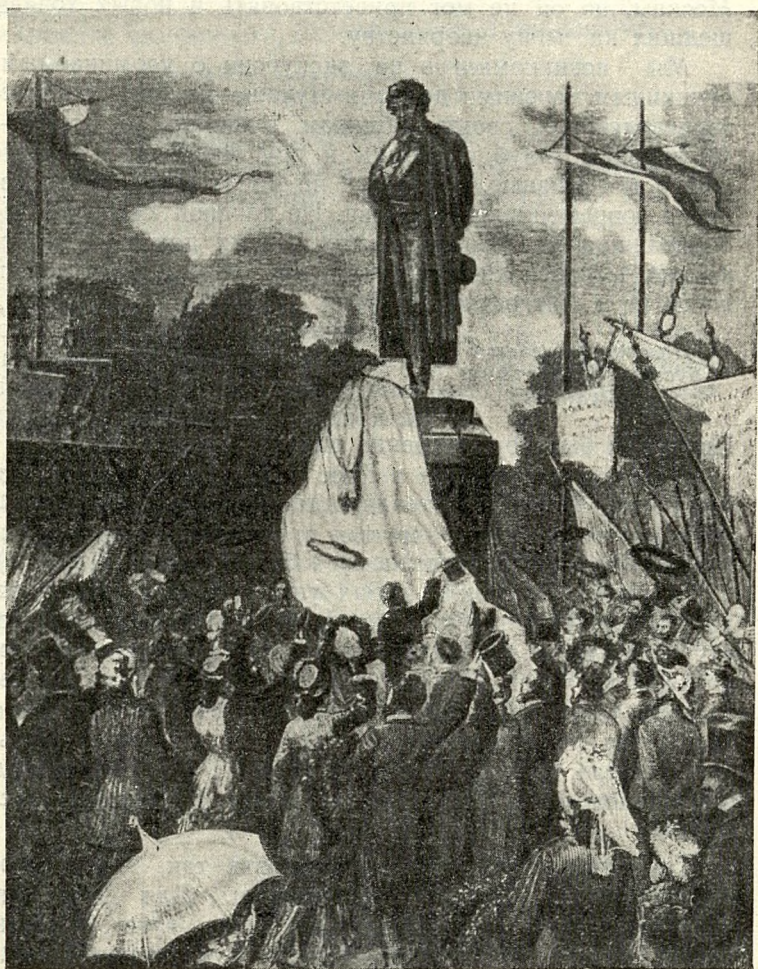
Но не только отмирание грибоедовской Москвы заметил Пушкин, — он увидел тогда же рост новой, купеческой Москвы: «...Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»³.

Пушкин увидел то, что видели не многие из его современников. Он не скорбел об отмирании барской

¹ А. С. Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург», Сочинения, 1936, т. V, стр. 360.

² Там же.

³ Там же.

Открытие памятника А. С. Пушкину на Тверском бульваре
С гравюры на дереве

Москвы, но он не мог приветствовать и новых хозяев, шедших на смену дворянству.

Мы познакомились на экскурсии с упоминаемыми Пушкиным барскими домами. Лучшие из них, наиболее запечатлевшие своим обликом пушкинскую эпоху — Английский клуб с львами и дом Якоелевых, — ныне живут той жизнью, о которой не могли иметь представления современники Пушкина. Не пансион «мадамы», не портняжная мастерская в этих старых домах: в одном из них — Музей Революции, в другом — Литературный институт и Литературный фонд.

*Заключительная
беседа. У памятника
Пушкину*

Заканчивая экскурсию, остановимся у памятника Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина в начале Тверского бульвара.

Памятник был торжественно открыт 6 июня 1880 г.

Мысль о постановке в России большого и хорошего памятника Пушкину подали оставшиеся в живых товарищи поэта по лицу, мечтая приурочить открытие памятника к пятидесятилетнему юбилею лица (1861 г.). Скульпторы Лаврецкий и Бах уже работали над проектом, когда выяснилось, что денег собрано так мало, что их нехватит на задуманное дело. Пришлось все прекратить, но через 10 лет снова возникла эта же мысль. Был объявлен конкурс скульптурных проектов и выбрано место для памятника — в Москве, на Тверском бульваре. После трех туров конкурса в 1875 г. работа над памятником была поручена молодому скульптору Опекушину.

Скульптор хотел изобразить поэта так, чтобы формы памятника были монументальны. Для этого он избрал задумчивую позу: Пушкин, чуть склонив голову и заложив руку за борт сюртука, как бы медленно идет. В основе замысла, можно думать, лежат лирические пушкинские строки: «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

Деньги на памятник собирали среди широких кругов русского общества. Так на народные деньги был воздвигнут монумент народному поэту, который в своем

знаменитом стихотворении «Памятник», высеченном на постаменте скульптуры, сказал о своем творчестве:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа...

И действительно, к столетию со дня гибели Пушкина, в 1937 г., вокруг памятника на Тверском бульваре собрались широкие народные массы. Произошло как бы вторичное открытие памятника. На высоком постаменте скульптуры была водружена мраморная доска с правильной редакцией стихотворения «Памятник», ранее искаженного. Говорились речи, приветствия...

Только в наши дни, когда рухнул строй, с которым боролся вольнолюбивый поэт, «на обломках самовластья» его имя засияло, как засияла и предсказанная им «звезда пленительного счастья».

Прогулка по тем местам, где бывал Пушкин, по тем местам, которые так или иначе отражаются на страницах его бессмертных созданий, сближает нас с любимым поэтом, связывает с ним какими-то новыми нитями. Эту возможность по-новому воспринять давно знакомые слова Пушкина дают нам улицы, площади, бульвары Москвы, того города, в самом имени которого было заключено так много для Пушкина, заключено так много и теперь для каждого русского, для каждого советского человека.

ПО ЛЕРМОНТОВСКОЙ МОСКВЕ

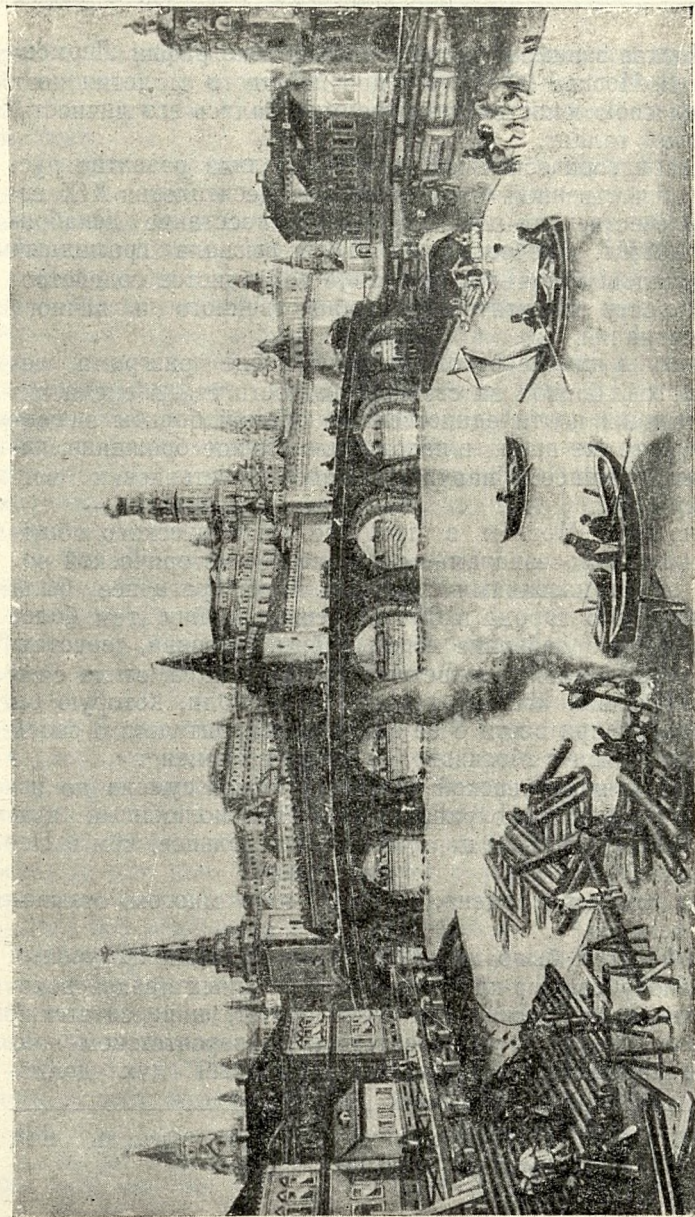
РОГУЛКУ по лермонтовским местам Москвы лучше всего начать от Кремля¹. Москва для Лермонтова — символ России, Кремль — символ Москвы и родины одновременно.

На Большом Каменном мосту, прямо против Кремля, проводим вступительную беседу. Молча любуемся окружающим пейзажем. Прямо перед нами в гранитных берегах несет свои воды Москва-река. На левом берегу высится Кремль, опоясанный зубчатой стеной с высокими и стройными башнями.

Раскрыв томик с поэмами Лермонтова, читаем отрывок из «Сашки»:

Москва, Москва!... люблю тебя, как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы!

¹ Намеченный здесь маршрут для пешеходной экскурсии несколько растянут. Желательно совершать переезды на автомобиле. В случае необходимости сокращения маршрута экскурсию можно начать на ул. Воровского, а кончить на Красной площади перед Кремлем. В этом случае тема вводной беседы явится и темой для заключительной беседы.

Кремль и Каменный мост
С картины неизвестного художника начала XIX в. (масло)

Москва занимает видное место в биографии Лермонтова. В Москве 20—30-х годов прошлого столетия поэт провел свою юность. Здесь формировалась его личность, созревал талант.

Два исторических события определили развитие русской общественной мысли в первые десятилетия XIX века: Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов 1825 г. Отечественная война вызвала громадный национальный подъем, восстание декабристов содействовало росту политического, общественного и личного самосознания.

В годы николаевской реакции, после разгрома декабристов, борьба за свободу личности стала среди интеллигенции почти единственной формой борьбы за свободу. В то же время в народе шло глухое брожение, часто выливавшееся наружу в виде крестьянских восстаний.

Значение Москвы в процессе роста русского общественного самосознания — результат ее исторической роли в обоих названных событиях. Чем трагичнее была судьба этого города в Отечественную войну, тем более возросло его значение после войны. Москва, восставшая из обломков, расцветшая после пожара, стала символом России. «Народ догадался по боли, которую он чувствовал при вести о ее занятии неприятелем, о своей кровной связи с Москвой», — говорит Герцен¹.

В годы николаевской реакции Москва сумела до известной степени сохранить свой вольнолюбивый дух. В Москве, вдали от царя, дышалось вольнее, чем в Петербурге.

По словам Герцена, Москва «обо многом отзывалась вольно»²

У Москвы было два лица. Была Москва Фамусовых и Скалозубов, бар-крепостников и военных аракчеевского типа. Но в Москве были университет, университетский пансион, театр. В университете и университетском пансионе продолжал таиться вольнолюбивый дух декаб-

¹ А. И. Герцен, «Москва и Петербург», Соч., М., 1919, т. III, стр. 12.

² Там же.

ризма. Со сцены московских театров раздавался призыв к человечности и свободе. В Москве второй половины 20-х и начала 30-х гг. происходил расцвет журналистики.

Вместе с памятью о героическом прошлом Москвы всё это создавало тот вольный московский дух, который воспитывал передовую молодежь 20—30-х гг. К этой молодежи принадлежали Герцен, Белинский, Лермонтов.

Москва для Лермонтова — символ России. В «Панораме Москвы» (1833) он пишет: «Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча. Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке: ...нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта...»¹.

Каждый камень Москвы говорит о ее прошлом, героическом прошлом великого русского народа.

Вместе со своим воспитателем А. З. Зиновьевым Лермонтов нередко поднимался по истертой, скользкой витой лестнице на самый верхний ярус колокольни Ивана Великого в Кремле и оттуда любовался необозримой панорамой древней русской столицы. Опершись на узкое окно, он всматривался в даль, на юг, за Москву-реку, куда указывал Зиновьев. Затаив дыхание, Лермонтов слушал его рассказ о том, как Наполеон, стоя на вершине Поклонной горы, «кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидел его вешнее пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение!..»

«Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..»

Он алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества...», —

¹ М. Ю. Лермонтов, «Панорама Москвы», Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 343.

писал в Петербурге юнкер Лермонтов в своем школьном сочинении¹.

С Москвой связаны наиболее патриотические произведения Лермонтова.

Прошлое Москвы, о котором говорят ее исторические памятники, нашло свое поэтическое воплощение в «Песне про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова»:

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается...

«Удалой купец Калашников» запирал свою лавочку в Гостином дворе «дверью дубовую» и отправлялся за Москву-реку — туда, где еще и поныне виднеется волнистый контур легкого силуэта храма в Кадашах.

«Песня, — говорит Белинский, — представляет собою факт о кровном родстве духа поэта с народным духом»². Этот народный дух для Лермонтова неразрывен с Москвой, сердцем России, древней столицей русского народа.

Москвой подсказано «Бородино»:

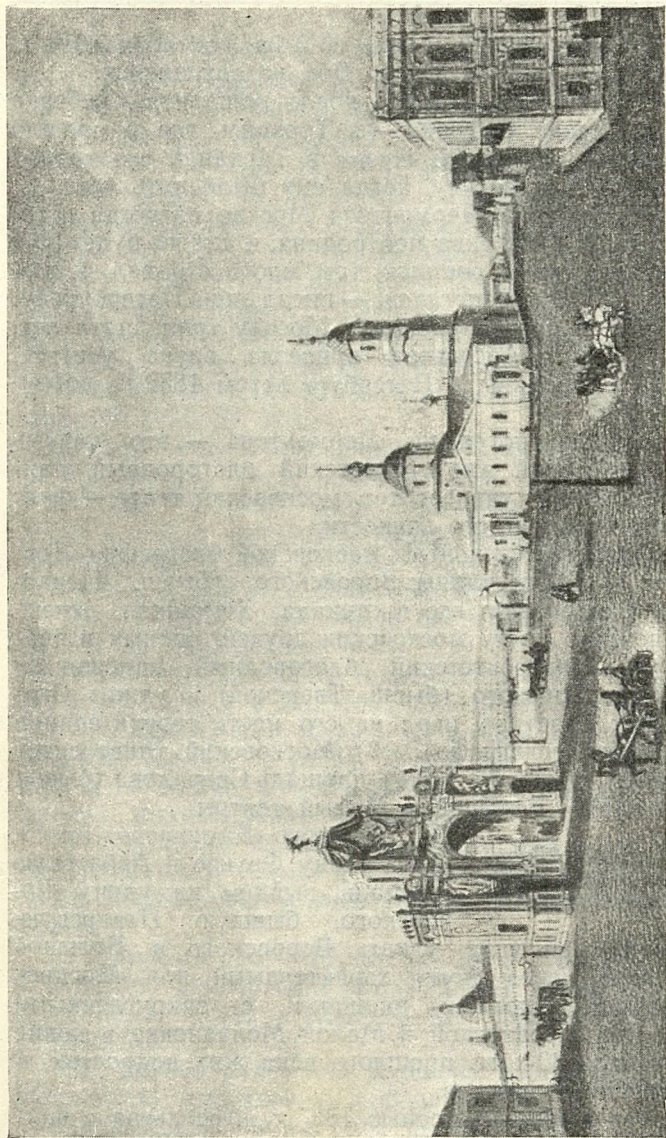
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Прожив столетие, эти строки в дни, когда фашисты угрожали Москве, звучали так, как будто они были только что написаны, и Лермонтов казался нашим современником.

* *
*

¹ М. Ю. Лермонтов, «Панорама Москвы», Соч. М.—Л., 1937, т. V, стр. 346—347.

² В. Г. Белинский, «Стихотворения Лермонтова».

Красные ворота. Налево—дом, где родился М. Ю. Лермонтов

С литографии по рисунку Д. Струкова

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина

Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 г. в Москве, у Красных ворот. Дом не сохранился.

Через несколько месяцев после рождения ребенка увезли в имение бабушки — в Тарханы, где и прошло детство поэта. За время жизни в Тарханах его только раз привозили в Москву, когда ему было пять лет.

В представлении Лермонтова Москва навсегда осталась родиной... «Москва моя родина, и такою будет для меня всегда: там я *родился*, там много страдал, и там же был *слишком счастлив*», — писал он из Петербурга¹.

Лермонтов вновь приехал в Москву тринадцати лет, а осенью 1827 г. Арсеньева привезла внука учиться. Уехал он из Москвы в Петербург летом 1832 г., восемнадцати лет.

Московская биография Лермонтова — это юность поэта. Московский университетский благородный пансион, Московский университет, московский театр — факторы формирования его личности.

Топографические центры московской биографии Лермонтова: 1) район улицы Воровского (бывш. Поварской) и Молчановки, где протекала домашняя жизнь юноши-поэта в кругу московских друзей, родных и знакомых; 2) Университетский благородный пансион на углу улицы Горького (бывш. Тверской) и улицы Огарева (бывш. Газетный пер.; на его месте теперь здание Центрального телеграфа); 3) Московский университет на Моховой улице, № 11; 4) площадь Свердлова (бывш. Театральная) — Большой и Малый театры.

Угол улицы Воровского и Большой Молчановки

От Большого Каменного моста, через улицу Фрунзе и Арбатскую площадь, выйдем на улицу Воровского, бывшую Поварскую. Остановимся на углу улицы Воровского и Большой Молчановки, перед двумя характерными для Москвы, увенчанными куполами зданиями с закругленными углами. На Поварской и Малой Молчановке в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века жил подросток, а затем юноша Лермонтов.

Приехав в Москву осенью 1827 г., Арсеньева с внуком Лермонтовым поселилась временно в Сергиевском

¹ Письмо к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.

переулке на Сретенке у своих родственников Мещериновых (дом не сохранился). Прожив у Мещериновых зиму, она весной перебралась на Поварскую.

За два года на Поварской Арсеньева переменяла две квартиры. Сначала жила с внуком и его товарищем, сыном соседей по Тарханам, мальчиком Давыдовым, в маленьком домике у старушки Лаухиной (на его месте теперь дом № 24 по ул. Воровского). В 1829 г. к ним приехал Павел Петрович Шан-Гирей, муж племянницы Арсеньевой — Марии Акимовны, с сыном Акимом, который был на четыре года моложе Лермонтова. В домике Лаухиной стало тесно, и Арсеньева сняла дом попросторнее у майорской вдовы Костомаровой (на месте нынешнего дома № 26).

Выбор района определялся тем обстоятельством, что на Поварской, почти напротив (где теперь дом № 11), у купчихи Черновой, жила Екатерина Апраксиевна Столыпина, жена покойного брата Арсеньевой — Дмитрия Алексеевича. В том же доме жили ее родственницы Верещагины и хорошие знакомые Бахметевы.

Весной 1830 г. Арсеньева переехала в дом Черновой на Малой Молчановке (ныне дом № 2). Оба владения Черновой соприкасались надворными постройками, имели общий забор, в котором, повидимому, была калитка, так что можно было ходить из дома в дом прямо через двор, не выходя на улицу. Зимой обе семьи жили почти вместе в Москве, а летом вместе же выезжали в Середниково, подмосковную Столыпиных.

У Екатерины Апраксиевны было двое детей от брака со Столыпиным — дочь и сын Аркадий, на два года моложе Лермонтова, и дочь Полина Воейкова от первого брака.

У Верещагиной—19-летняя дочь Alexandrine или Сашенька. Сашенькина приятельница Катя Сушкова — постоянная гостья в доме. В нее был слегка влюблен Лермонтов.

Это легкое увлечение Сушкова изобразила в своих «Записках» как первую любовь поэта.

Александра Михайловна Верещагина — друг Лермонтова. Старше его по возрасту, с острым, насмешливым умом, она имела влияние на юношу.

Софья Александровна Бахметева, приятельница Лермонтова, была веселая, увлекающаяся. Лермонтов немного ухаживал за ней, будучи студентом. Она была гораздо старше его. Юноша-поэт в шутку называл С. А. Бахметеву «Ваше Атмосферичество».

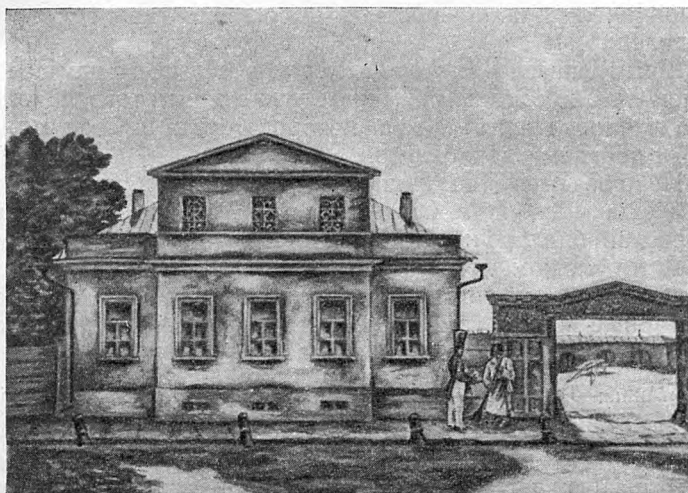
Столыпина приглашала известного учителя танцев Иогеля (см. выше) давать уроки у себя на дому «по билетам». Молодежь очень любила детские балы у Столыпиных. На них бывала будущая поэтесса Ростопчина, а тогда молодая девушка Додо Сушкова, двоюродная сестра Кати Сушковой. Она и в то время уже писала стихи, за что выдерживала семейные бури, так как писать стихи считалось неприличным для девицы. Ее стихотворение, обращенное к декабристам, — «Послание страдальцам», как и пушкинское «В Сибирь», ходило в списках. Много лет спустя, в 1841 г., Лермонтов, вспоминая это далекое прошлое, писал графине Ростопчиной:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одной,
Нас обманули те же сны.

Лермонтов был моложе всех, но тоже танцевал на этих балах у Столыпиных. Он писал стихи по всякому поводу, на чем придется. Измятые, мелко исписанные клочки бумаги со стихами Лермонтова были хорошо знакомы не только девочкам-подросткам, только что надевшим длинные платья, но и взрослым барышням с Поварской и Молчановки. У каждой был свой альбом. Многие стихи Лермонтова переписывались в эти альбомы.

Никитская, Арбат, Поварская, Молчановка — всё это тихие улицы в районе дворянской Москвы. Вдоль поросших травой тротуаров стояли небольшие деревянные дома с зелеными крышами — розовые, желтые, голубые. При каждом доме — двор с погребами, конюшнями, сараями; ко двору примыкал сад. Развесистые липы склонялись над мезонинами и антресолями, а ветви сирени и черемухи свешивались через забор на улицу.

На Поварской и Молчановке, где протекали годы отрочества и юности Лермонтова, можно было видеть

Дом Лаухиной на Поварской ул. (на месте нынешнего дома № 24 по ул. Воровского). Восстановлен по чертежам Строительного архива Моссовета.

С акварели Б. С. Земенкова

Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

типичный пример близости друг к другу дворянских гнезд «грибоедовской Москвы». «Добрососедские отношения» порождали любовь и дружбу среди молодежи. В то же время быт дворянской Москвы полон сплетен и дразг. В этих уютных, красивых домах было совсем не так благополучно, как казалось. Много сложных драм, личных и семейных, разыгрывалось под этими мирными кровлями.

30—40-е годы, по словам Герцена, — годы умствования и рефлексии. Все подвергалось «пытающему взгляду критики». «Встарь было не так, — говорит Герцен, — все отношения, близкие и дальние, семейные и общественные, были определены... От того много думать было нечего: стоило сообразоваться с положительными законами, и совесть удовлетворялась... На всех перепутьях жизни стояли тогда разные неподвижные тени, грозные

привидения для указывания дороги... оставалось жить по-писанному»¹.

В мезонинах и антресолях этих веселых с виду особняков витали затаенные мучительные думы того поколения, лучшие представители которого считали себя младшими братьями декабристов.

Первую весну на Позарской Лермонтов провел совсем еще мальчишкой. Он готовился в Московский университетский благородный пансион, куда поступил осенью.

В маленьком домике Лаухиной Лермонтов учится географии по небесному глобусу, старательно рисует контурные карты, вместе с товарищами устраивает театр, вылепив актеров из воска.

«Милая Тетинька, — пишет он Марии Акимовне Шан-Гирей в Опалиху². — Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам пишу не для похвалы, но собственно оттого, что вам это будет приятно; в географии я учу математическую; по небесному глобусу градусы, планеты, ход их и пр.; прежнее учение истории мне очень помогло. — Заставьте, пожалуйста, Еким³ рисовать контуры, мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако же мне запрещено рисовать свое. Катюше в знак благодарности за подвязку посылаю ей бисерный ящик моей работы... мы сами делаем театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть...

Прощайте, милая Тетинька. Целую ваши ручки; и остаюсь ваш покорный племянник

*М. Лермонтов*⁴

Подготовка Лермонтова в пансион была поручена А. З. Зиновьеву. Один из культурных и образованных людей своего времени, автор многочисленных статей по педагогике, истории и теории литературы, Зиновьев был надзирателем в университетском благородном пансионе и преподавал там русский и латинский языки.

В связи с подъемом национального самосознания в 20—30-х годах очень остро встал вопрос о вос-

¹ А. И. Герцен, «По поводу одной драмы», Соч., П., 1919, т. III, стр. 245, 246.

² Имение Шан-Гирей «Опалиха» находилось по соседству с Тарханами.

³ Еким — Аким Шан-Гирей, двоюродный брат Лермонтова, на четыре года моложе его.

⁴ М. Ю. Лермонтов. Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 361.

питании молодого поколения. Русского человека должен воспитывать только русский—таково было убеждение всех передовых людей. Русский воспитатель должен был прийти на смену гувернеру-иностранцу.

А. З. Зиновьев принадлежал к типу новых русских педагогов. Идеальный образ воспитателя рисует он в своих многочисленных статьях в журнале «Атеней». «По словам Цицерона и Квинтилиана, оратор необходимо должен быть муж справедливости и добродетели—*vir bonus*, с большим правом можно требовать сих свойств от людей, воспитывающих юношество для мудрости и добродетели»¹. Высокие нравственные качества, всестороннее образование, «превосходство умственное»—все это должно сочетаться в воспитателе «с телесной наружностью», важной осанкой и выразительным голосом.

Большое место в воспитании Зиновьев отводил знакомству с произведениями искусства и памятниками прошлого: «Молодому благородному юноше необходимо дать средства наслаждаться зрением изящных произведений и отдавать себе самому или другим отчет в полученных впечатлениях... Тот оказал великую заслугу для молодых людей, кто раскрыл им необходимость сведений (по Эстетике и Археологии) и преподавал их в достаточном количестве»². Прогулки Зиновьева с Лермонтовым по Москве могут в известной степени рассматриваться как опыты применения экскурсионного метода в преподавании истории.

Лермонтову давал уроки на дому известный переводчик, критик и поэт, профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков, который преподавал литературу в том же пансионе. Мерзляков был прекрасный оратор, захватывавший слушателей. Когда Лермонтов был сослан за стихи «Смерть поэта», Арсеньева говорила: «И зачем это я на беду свою еще брала Мерз-

¹ А. Зиновьев, «Домашнее воспитание. О воспитателях». «Атеней», 1828, № 21, стр. 25.

² А. Зиновьев, «О необходимости системы воспитания, приличной юношеству достаточного состояния». Перевод соч. Бонстеттена, «Атеней», 1828, № 17, стр. 23—24.

лякова учить Мишу литературе! Вот до чего он довел его»¹.

Лермонтов поступил в пансион полупансионером осенью 1828 г. Каждое утро он отправлялся туда в сопровождении гувернера и вечером возвращался обратно.

Любимый гувернер Лермонтова Иван Капе вскоре по приезде в Москву умер от чахотки. Ему на смену явился эмигрант Жандро — маленький, розовый, галантный старичок, болтун и танцор. Лермонтов изобразил его в наставнике Сашки. Когда ему отказали от места за легкомысленные принципы поведения, которые он внушал своему воспитаннику, на его место явился англичанин Виндсон.

В апреле 1830 г. Лермонтов ушел из пансиона, и в ту же весну Арсеньева переехала с Поварской на Малую Молчановку.

*Дом № 2 по Малой
Молчановке*

Останавливаемся перед домом № 2. В этом доме, тогда принадлежавшем Черновой, жил Лермонтов-студент. На улицу выходило 9 окон. Крайние два окна слева и часть дома справа с входной дверью — позднейшие пристройки; подъезд был со двора.

Лермонтов жил в мезонине. Если войти во двор, можно увидеть в окно старенькие перильца деревянной лестницы, — по этим ступенькам сто лет назад много раз взбегал Лермонтов. В своей комнатке в мезонине юноша-поэт думал, писал, зачитывался Пушкиным, Байроном, Шекспиром, мечтал о подвиге. Вот характерные лермонтовские стихи этого периода:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

(«1831-го июня 11 дня»).

Здесь он работал над поэмой «Демон», которую начал, еще когда учился в пансионе и жил на Поварской. Образ Демона в дальнейшем станет символом борьбы

¹ П. А. Висковатов, «М. Ю. Лермонтов», М., 1891, стр. 41.

и протеста. Писал поэму «Последний сын вольности» — мысли о трагедии декабристов воплощались в образы из далекого прошлого России. В драме «Странный человек» рисовал картины крепостной действительности, то, что наблюдал вокруг. Кипел негодованием, возмущался жестокостью и тупостью светского общества. Переживал муки неразделенной любви. «Болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. — Source intarissable¹. Много со мной было...» — жаловался он в письме к другу Н. И. Поливанову от 7 июня 1831 г. Н. Ф. Иванова, которая принесла столько огорчений юноше-поэту, — героиня его лирики 1830—1832 гг.² Этот роман нашел свое отражение в драме «Странный человек».

В мезонин на Малой Молчановке приходили к Лермонтову его друзья. Здесь они спорили о судьбах России, говорили о героизме русских в Отечественной войне, о рабстве и несправии крепостной массы, обсуждали последний спектакль «Разбойников», только что вышедший номер журнала. Из окон дома на тихую московскую улицу лились звуки увертюры из оперы «Немая из Портичи». Лермонтов любил играть эту увертюру на фортепиано. Опера была с революционным содержанием. Ее постановка в Брюсселе в 1830 г. послужила сигналом к восстанию.

В этом уютном домике разыгрался последний акт семейной драмы Ю. П. Лермонтова и Е. А. Арсеньевой. Мать поэта умерла, когда Лермонтову было 3 года. Между бабушкой и отцом, который был беден и не мог дать сыну того воспитания, которое тот получал у бабушки, шла многолетняя вражда. Семейная распря мучительно отзывалась в душе ребенка, а потом подростка и юноши. Юрий Петрович приезжал в Москву года за два до своей смерти.

Ужасная судьба отца и сына:
Жить розно и в разлуке умереть, —

писал поэт, обращаясь к покойному отцу.

¹ Неиссякаемый источник.

² И. Андроникосовили, «К биографии М. Ю. Лермонтова», «Труды Тифлисского Гос. университета», 1936, т. I.

На углу Большой Молчановки и Серебряного переул-ка (ныне дом № 11/2) жила семья Лопухиных, которая была в дальнем родстве с Арсеньевой. Лермонтов часто бывал у Лопухиных и однажды нарисовал на стене их дома портрет своего легендарного предка Лермы.

Из семьи Лопухиных Лермонтов был особенно дру-жен с Марией Александровной. Алексей Лопухин был его товарищем.

Младшая дочь Лопухиных Варенька—любовь поэта. Простотой, естественностью, исключительным душевным богатством Варенька Лопухина резко отличалась от мос-ковских светских барышень. До 16 лет она воспитыва-лась в деревне. Варенька относилась к тому типу рус-ских девушек 20-х гг. XIX века, который был воплощен Пушкиным в образе Татьяны Лариной.

Свой коротенький роман с Варенькой Лопухиной весной 1832 г. Лермонтов описал в «Княгине Лигов-ской». Чувство вспыхнуло сразу, во время прогулки большой компанией в Симонов монастырь: «Это было весною: уселись в длинные линии, запряженные каждая в 6-сть лошадей, и тронулись с Арбата веселым караваном. Солнце склонялось к Воробьевым горам, и вечер был в самом деле прекрасен»,—читаем мы в «Княгине Лиговской»¹.

Летом Лермонтов уехал в Петербург, а В. А. Лопу-хина через три года вышла замуж за Бахметева, кото-рый был на 20 лет старше ее. Поэт и Варенька, расстав-шись, продолжали любить друг друга всю жизнь. Эта любовь дала богатую пищу творчеству Лермонтова.

**Угол улицы Герце-
на и улицы Огарева**

Мерзляковским переулком прой-дем к Никитским воротам и по улице Герцена спустимся до угла улицы Огарева. На углу этой улицы и улицы Гер-цена следует рассказать экскурсантам о Московском университетском благородном пансионе, где учился Лермонтов. Этот пансион помещался на углу Тверской и Газетного переул-ка (ул. Горького и ул. Огарева), где теперь здание Центрального телеграфа, в доме в виде большого каре, с внутренним двором и садом.

¹ М. Ю. Лермонтов, Соч., т. V, М.—Л., 1937, стр. 140.

Когда в 1755 г. было создано «святилище науки», как назывался Московский университет (это название сохранялось на торжественных собраниях до 30-х гг. XIX века), слушателей набралось всего 10—12 человек. Для подготовки студентов Шувалов открыл две гимназии: одну для дворян, другую для разночинцев. Дети воспитывались отдельно, но учились вместе. В 1779 г. один из трех кураторов университета, поэт Херасков, открыл для воспитанников-дворян особые классы, а через несколько лет купил по соседству с университетом особое здание (где потом был анатомический театр) и вывел пансион из стен университета. Так было положено основание Московскому университетскому благородному пансиону¹.

Большое внимание обращалось в пансионе на преподавание русского языка и русской литературы. В пансионе издавна существовала литературная традиция: пансионеры издавали свои рукописные журналы и помещали свои стихи в московских журналах. При Лермонтове в пансионе издавались журналы—«Арион», «Улей», «Пчела», «Маяк»; стихотворение Лермонтова «Весна», написанное в пансионе, было опубликовано в сентябрьской книжке журнала «Атеней» за 1830 г.² «Атеней» издавался инспектором пансиона М. Г. Павловым—человеком большой культуры и многостороннего образования, талантливым педагогом. Лермонтов принимал участие в литературном кружке С. Е. Раича, где читали произведения Державина, Пушкина, Баратынского, Козлова и других писателей. В кружке читались и обсуждались также произведения воспитанников.

Экзамен в пансионе проходил в очень торжественной обстановке, при большом количестве приглашенных. На большом столе, покрытом малиновой скатертью, были разложены медали, награды воспитанникам. Воспитанники читали доклады на литературные, исторические, философские темы, декламировали, исполняли музыкальные номера, фехтовали на шпагах. Отчеты об экзаменах

¹ Н. В. Сушков, «Московский университетский благородный пансион», М., 1858, стр. 5.

² Н. Л. Бродский, «М. Ю. Лермонтов», М., 1945, стр. 113 и 146.

Московский университетский благородный пансион (на месте нынешнего здания Центрального телеграфа, угол ул. Горького и ул. Огарева). Реконструкция

С акварели Б. С. Земенкова

Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

помещались в «Московских ведомостях» и в «Дамском журнале».

На одном из экзаменов Лермонтов играл на скрипке аллегро из концерта Маурера, а в другой раз декламировал стихотворение Жуковского «К морю». Как примерный ученик, он получал награды—книги и картины. «Как теперь, смотрю я на милого моего питомца, — вспоминает Зиновьев, — отличившегося на пансионском акте, кажется, 1829 года. Среди блестящего собрания, он прекрасно произнес стихотворение Жуковского «К морю», и заслужил громкие рукоплескания. Он прекрасно рисовал, любил фехтованье, верховую езду, танцы... Это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых годах»¹.

Как и в Московском университете, в пансионе ходили по рукам запрещенные стихи Пушкина и Рыльева.

¹ «М. Ю. Лермонтов», изд. 1873, т. I, стр. XIX.

«Ода на свободу», «Деревня», «Чаадаеву» и другие стихотворения Пушкина, «Войнаровский» и «Думы» Рылеева перечитывались тайком, выучивались наизусть и воспитывали в пансионерах дух вольномыслия.

В стихах Лермонтова, написанных в пансионе, звучат гражданские мотивы, протест против рабства и насилия:

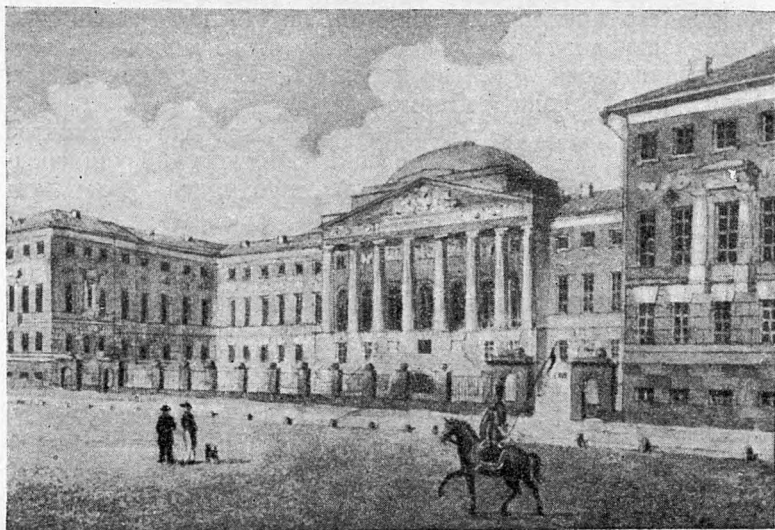
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчина!

(«Жалобы турка» 1829).

Юноша-поэт уже в стенах пансиона чувствовал удручающий гнет николаевского деспотизма:

И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует...

(«Монолог»).

Московский университет

С гравюры 1825 г.

Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

О «неприличном образе мыслей», который господствует в университете, а «наипаче в принадлежащем к оному Благородном пансионе», еще в 1826 г. говорил генерал Дибич.

В 1830 г. о вольнодумстве пансионеров доносил Николаю I шеф жандармов Бенкендорф: «Среди молодых людей, воспитанных за границей или иноземцами в России, а также воспитанников Лицея и Пансиона при Московском Университете... встречаем многих, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революции и верящих в возможность конституционного правления в России»¹.

11 марта 1830 г. Николай I инкогнито посетил пансион. Прежде, чем его узнали, он успел пройти по коридорам, заглянуть в классы. Царь остался недоволен порядками пансиона, который был слишком далек от его идеала казармы.

Последствием этого посещения было лишение пансиона его прежних привилегий, он был превращен в гимназию, вводились розги. После этого многие родители взяли своих детей из пансиона. В апреле 1830 г. ушел из пансиона и Лермонтов.

Московский университет (Моховая ул., дом № 11)

Осенью того же года Лермонтов поступил в Московский университет, где проучился до лета 1832 г.

Старое здание Московского университета на Моховой улице, где помещалась аудитория словесного отделения,—одно из самых красивых зданий старой Москвы. Построенное в 1786—1793 гг. М. Ф. Казаковым, старое здание университета после пожара 1812 г. было восстановлено Д. И. Жилярди. Во дворе университета теперь стоят два памятника бывшим его студентам, современникам Лермонтова, — Герцену и Огареву, — поставленные в наше время, работы скульптора Н. А. Андреева.

Университет разделялся на четыре отделения: нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное. Лермонтов поступил на нравственно-политическое, но скоро перешел на словесное.

¹ «Красный архив», т. XXXVIII, стр. 111.

В годы николаевской реакции Московский университет был центром, где билась живая струя общественной мысли. Передовая часть студенчества считала себя преемниками декабристов. Герцен, который учился в университете одновременно с Лермонтовым, писал: «Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым»¹. Студенческая молодежь выделяла из своей среды все новые и новые жертвы: Полежаев, братья Критские, Сунгуров.

Студенты в аудитории чувствовали себя свободно, открыто говорили все, что думали, критиковали существующие порядки, из рук в руки передавали тетрадки запрещенных стихов, читали запрещенные книги.

Вспоминая университет, Лермонтов писал:

Святое место помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры...²

В условиях того времени университет отличался большим демократизмом. По своему классовому составу студенческая масса была очень разнообразна: здесь были дети дворян, купцов, мещан и даже крестьян. Но в университете их объединяло чувство товарищества. Об общности интересов передовой студенческой молодежи свидетельствует идейная близость юношеских драм двух студентов Московского университета: Лермонтова и Белинского. Лермонтов в драме «Странный человек» и Белинский в драме «Дмитрий Калинин» пишут об ужасах крепостного права.

У Лермонтова был свой кружок³. Его основное ядро составляли: А. Д. Закревский, Н. С. Шеншин и А. А. Лопухин—студенты Московского университета, Н. И. Поливанов и В. А. Шеншин. Все это были развитые, талантливые юноши с разносторонними интересами. А. Д. Закревский — весельчак, страстный театрал, беллетрист, автор научных статей. Блестящий памфлетист, он получил известность благодаря анонимной брошюре о царе Горохе (1834 г.), в которой особенно резко выступал

¹ А. И. Герцен, «Былое и думы», М., 1937, т. I, стр. 201.

² «Сашка», 1839 г.

³ Н. Л. Бродский, «М. Ю. Лермонтов», М., 1945.

против главных представителей реакционной прессы—Булгарина и Греча. Н. С. Шеншин и В. А. Шеншин—авторы серьезных переводных статей в «Атенее» 1830 г. Н. С. Шеншину Лермонтов посвятил свою поэму «Последний сын вольности». Н. А. Поливанов— талантливый художник, впоследствии товарищ Лермонтова по юнкерской школе («Лафа» в поэме «Уланша»).

Студенческая жизнь Лермонтова нашла отклик в его юношеской драме «Странный человек», в повести «Княгиня Лиговская» и в поэме «Сашка». В повести «Княгиня Лиговская» Лермонтов описал «la bande joyeuse»¹— группу своих студенческих товарищей.

В 1830 г. в русском обществе было заметно некоторое оживление, подъем настроения. «Какое-то горячее революционное дуновение началось в прениях, в литературе»², — говорит Герцен об этом времени. В то же время в народе было несколько холерных бунтов.

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет... —

пишет Лермонтов осенью 1830 г. Перед юным поэтом рисуется образ народного мстителя:

И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож...

(«Предсказание»).

К заглавию поэт делает приписку: «Это мечта».

Лермонтов участвовал в «маловской истории», о которой рассказывает Герцен в «Былом и думах»³. Грубого и необразованного профессора Малова студенты, сговорившись, прогнали из аудитории и выгнали за ворота университета. Университетский совет поступил очень тактично и спас студентов, посадив зачинщиков в карцер, т. е. представив царю дело уже законченным. Иначе Николай прислал бы для расследования флигель-адью-

¹ Веселая ватага.

² А. И. Герцен, «Былое и думы», М., 1937, т. I, стр. 231.

³ Там же, стр. 206.

ганта, который мог изобразить случай в виде заговора или восстания. Студентов могли осудить на каторгу, а царь в виде милости отдал бы их в солдаты.

Ожидая своей участи, Лермонтов ночью в комнате своего друга Поливанова писал ему в альбом 23 марта 1831 года:

Послушай — вспомни обо мне,
 Когда законом осужденный
 В чужой я буду стороне —
 Изгнанник мрачный и презренный. —
 И будешь ты когда-нибудь
 Один, в бессонный час полночи,
 Сидеть с свечой... и тайно грудь
 Вздохнет — и вдруг заплачут очи;
 И молвишь ты: когда-то он,
 Здесь, в это самое мгновенье,
 Сидел тоскою удручен
 И ждал судьбы своей решенье! —

В альбоме — приписка рукой Поливанова с поправками Лермонтова: «Москва. Михайло Юрьевич Лермонтов написал *эти строки* в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью, когда вследствие какой-то университетской шалости *он ожидал строгого наказания*. Н. Поливанов»¹.

Преподавание стояло в университете на низком уровне, студенты неаккуратно посещали лекции, успеваемость была невысокая. Но среди профессоров были и такие, как бывший инспектор пансиона М. Г. Павлов, на лекции которого собирались студенты со всех отделений. Его университетские курсы по физике были, в сущности, курсом введения в философию. «Павлов, — пишет Герцен, — стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студентов вопросом: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?»²

Лекции многих профессоров Лермонтова не удовлетворяли.

¹ М. Ю. Лермонтов, «Послушай, вспомни обо мне», Соч. М., 1930, т. I, стр. 172 и 471.

² А. И. Герцен, «Былое и думы», М., 1937, т. I, ч. IV, гл. XXI.

Однажды профессор Победоносцев задал Лермонтову вопрос, на который Лермонтов ответил гораздо полнее, чем можно было почерпнуть из скучных элементарных лекций. Победоносцев остался недозолен: «Я вам этого не читал... Откуда могли вы почерпнуть эти знания?» — «Я пользуюсь научными пособиями из своей собственной библиотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранных языках», — ответил Лермонтов¹.

В 1832 г. Лермонтов покинул Московский университет, не окончив его.

Площадь Свердлова

Через Охотный ряд пройдем на площадь Свердлова. Охотный ряд времени Лермонтова был очень непохож на теперешний широкий проспект с громадными зданиями гостиницы «Москва» и Дома Совета Министров СССР.

Охотный, или Птичий, ряд был загроможден палатками, где торговали разнообразными съестными припасами.

Оживленная, суетливая толпа сновала взад и вперед, наполняла лавки, харчевни, «пирожные». Этот своеобразный уголок представлял яркий контраст тихим улицам дворянского района Москвы, где жил Лермонтов.

На углу улицы Пушкина (бывшая Большая Дмитровка) в здании, где теперь Дом Союзов, помещалось Московское Благородное собрание. Дом построен М. Ф. Казаковым; его фасад сильно изменен переделками конца XIX и начала XX вв. На концертах и балах в Благородном собрании бывал и Лермонтов. А. П. Шан-Гирей рассказывает, что Лермонтов-студент был здесь на новогоднем балу. Он явился в костюме астролога, с огромной книгой судеб подмышкой. Вместо кабалистических знаков на каждой странице наклеены были вырезанные из черной бумаги китайские буквы, а под ними — новогодние эпиграммы и мадригалы знакомым барышням.

Площадь Свердлова называлась при Лермонтове Петровской. Она была оформлена в казарменном стиле

¹ П. А. Висковатов, «М. Ю. Лермонтов», М., 1891, стр. 133.

николаевской эпохи. Сквера не существовало. На площади высились здания Большого и Малого театров.

Малый театр был открыт 14 октября 1824 г. в доме купца Варгина.

Ловкий делец, поставщик русской армии в 1812 г., Варгин построил дом так, чтобы он мог быть использован как для торговых предприятий, так и для сдачи под концерты и вечера. Это наложило сильный отпечаток на его архитектуру.

Большой театр построен в 1824 г. архитектором О. И. Бове. Фасад здания значительно изменен после пожара 1853 г.

«На широкой площади возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями...»¹. Так описывает вид Большого театра Лермонтов в «Панораме Москвы».

В Малом театре шли комедии, небольшие оперы. В Большом давали оперы, балеты, трагедии. Здесь шли драмы Шиллера, которыми увлекалась студенческая молодежь.

Один из студентов, товарищей Арбенина, рассказывает о том, как он был накануне в театре, где играли «общипанных «Разбойников» Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию»².

Этот отрывок отражает московскую театральную жизнь 30-х гг. «Общипанные» «Разбойники» — намек на цензурные искажения, которым подвергались драмы Шиллера. Мочалов — любимый актер московской молодежи.

¹ М. Ю. Лермонтов, «Панорама Москвы», Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 344.

² М. Ю. Лермонтов, «Странный человек», Соч., М.—Л., 1935, т. IV, стр. 201.

П. С. Мочалов — актер огромной эмоциональности, умевший, как никто другой, заражать аудиторию и сам от нее заразиться. Но ему нехватало техники, и в его блестящем исполнении бывали провалы. В сценических образах Мочалова выливалась скорбь поколения 30-х гг.

Спор Москвы и Петербурга, кто лучше — Мочалов или Каратыгин, — отражает письмо Лермонтова к М. А. Шан-Гирей 1829 г. Лермонтов отстаивает преимущества Мочалова: «Помните ли, милая тетинька, вы говорили, что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видели здесь «Игрока»¹, трагедию «Разбойники». Вы бы иначе думали. Многие из петербургских господ соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина»².

Письмо Лермонтова к Шан-Гирей, написанное в 1831 г., тоже является откликом на театральную жизнь. Оно посвящено Шекспиру: «Ma chère tante. Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете, если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то-есть неподражаемый Шекспир — то это в Гамлете...»³.

По стилю письмо резко отличается от предшествующих (всего сохранилось четыре письма Лермонтова к тетке М. А. Шан-Гирей). Спокойный, выдержанный тон; «Ma chère tante» сменило «Милую тетиньку». Письмо пишет уже не ребенок, не подросток, а юноша-студент.

**Заключительная
беседа в сквере
против Большого
театра**

После своего отъезда в 1832 г. из Москвы Лермонтов несколько раз бывал здесь проездом.

В январе 1836 г. поэт останазливался в Москве по дороге в Тарханы. Здесь он встретился с Варенькой Лопухиной, вышедшей в мае 1835 г.

¹ Мелодрама Дюконже «Тридцать лет, или жизнь игрока».

² М. Ю. Лермонтов, Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 364.

³ Там же, стр. 364. «Гамлет» шел в то время не в переводе с английского, а в переводе с французских переделок Дюсиса. Лермонтов читал Шекспира по-английски. Перевод с подлинника был сделан Полевым только в 1836 г. Первым исполнителем роли подлинно шекспировского Гамлета был Мочалов.

замуж за Бахметева. Прежнее чувство вспыхнуло с новой силой. Под этим впечатлением, приехав в Тарханы, Лермонтов написал драму «Два брата».

В январе 1839 г., на возвратном пути из первой ссылки на Кавказ, Лермонтов много веселился в Москве и приехал в Петербург после «многих плясок в Москве»¹.

В следующий раз Лермонтов был в Москве по пути во вторую ссылку на Кавказ, в мае 1840 г. В этот раз у Погодина он встретился с Гоголем. На именинах Гоголя, 9 мая, Лермонтов читал отрывки из «Мцыри». Дом Погодина (Погодинская улица, № 12) уничтожен немецкой бомбой.

Лермонтов уезжал от Павловых (Рождественский бульвар, дом № 14), у которых в те годы был известный литературный салон — «...Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце», — пишет в своем дневнике Ю. Ф. Самарин².

Последний раз Лермонтов был в Москве в конце апреля 1841 г. Он останавливался у Розена, где часто встречался с Самариным, показывал ему свои рисунки и рассказывал о сражении при Валерике. Почти каждый день он бывал у Самарина и перед отъездом, в 9 часов вечера, занес ему стихотворение «Спор». Дом, где жил Самарин (Тверская ул., № 22), не сохранился. В этом доме помещалась Малая сцена МХАТ, а сейчас на его месте, на углу улицы Горького и проезда Художественного театра, выстроен большой новый дом.

В этот последний свой приезд Лермонтов бывал также у Анненковых на Неглинной (теперь Манежная ул., дом № 7). Вера Николаевна Анненкова, урожденная Бухарина, старая московская знакомая Лермонтова, — одна из тех барышень, к которым были обращены эпиграммы в его книге астролога на новогоднем балу в Благородном собрании.

«Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо — и мне довольно весело... от здешнего

¹ Из письма Лермонтова к П. И. Петрову 1 февраля 1838 г. Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 394.

² Ю. Ф. Самарин, Соч., М., 1911, т. XII, стр. 56.

воздуха потолстел в два дни»¹, — писал он бабушке Е. А. Арсеньевой в апреле 1841 г.

Гладкие белокурые, слегка выющиеся по обеим сторонам волосы оставляли совершенно открытым необыкновенно высокий лоб Лермонтова. Большие, полные мысли глаза вовсе не участвовали в насмешливой улыбке, игравшей на губах. «Серьезная мысль была главною чертою его благородного лица», — так рисуют Лермонтова те, кто встречался с ним в этот его последний приезд в Москву².

После этого посещения Лермонтову уже не суждено было побывать в родном городе, который он любил «как сын, как русский, сильно, пламенно и нежно». Его ждал, по его собственному выражению, «довременный конец».

Лермонтов, характеризуя подлинного поэта, сравнивал его голос с вечевым колоколом, который звучит «во дни торжеств и бед народных».

Так и звучал голос поэта-москвича в годы Великой Отечественной войны. Когда враг угрожал Москве, в «окнах ТАСС» появились плакаты, посвященные теме «Бородино» Лермонтова. В окопной газете защитники Москвы, вспоминая слова любимого поэта: «Умремте ж под Москвой, как наши братья умирали!» — писали:

Так победимте ж под Москвой,
Как наши деды побеждали!

¹ М. Ю. Лермонтов, Соч., М.—Л., 1937, т. V, стр. 408—409.

² Л., «Заметка о Лермонтове», «Современник», т. XXXV, 1861, отд. II, стр. 326—328.

ГОГОЛЬ В МОСКВЕ

НИКИТСКИМ бульваром в Москве навсегда соединилось имя того писателя, который был органически связан с Москвой, — имя Гоголя. Если писатель всегда стремился вырваться из Петербурга (за исключением юношеских лет, когда Петербург рисовался ему в дымке романтических мечтаний), то к Москве его всегда тянуло. Мотив в «Москву» звучит в его

письмах неоднократно, определенно нарастая к концу жизни.

Последний период жизни великого писателя связан с Никитским бульваром.

Здесь, недалеко от Арбатских ворот, в доме Талызина (ныне д. № 7), который занимал граф А. П. Толстой¹, жил Гоголь. Из письма М. П. Погодина к М. А. Максимо-вичу дату переезда Гоголя в этот дом можно установить довольно точно: «Гоголь в Москве жил у меня два месяца, а теперь переехал к графу А. П. Толстому, ибо я сам переезжаю во флигель», — пишет М. П. Погодин².

Письмо датировано 24 декабря 1848 г., следовательно, декабрь этого года и можно считать месяцем переезда Гоголя.

¹ В 50-х гг. XIX в. обер-прокурор Синода.

² Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IX, стр. 476.

Какие наиболее значительные моменты жизни и творчества писателя связаны с этим домом? В каком окружении протекала его жизнь здесь и в какой связи была она с той уличной жизнью, которая непосредственно подступала к стенам дома, где писатель нашел свое последнее пристанище? Вот вопросы, на которых мы сосредоточим внимание.

Величайший наблюдатель жизни Гоголь и великий ценитель этих наблюдений Белинский — оба подошли к определению особенностей Москвы, как города, через один и тот же художественный прием: сравнение Петербурга с Москвой.

«Петербургские записки 1836 года» Гоголя и статья Белинского «Петербург и Москва» (1845 г.) посвящены характеристике обеих столиц. Остановимся на совпадающих моментах этих высказываний и постараемся, при посредстве окружающего нас пейзажа, восстановить образ той Москвы, об облике которой так выразительно сказано и у писателя, и у критика.

«Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург!» — так начинает Гоголь, сразу же определяя основное различие в облике двух городов: огромное пространство древней Москвы, ее широкий, свободный ландшафт, и подтянутость, сжатость европеизированного Петербурга. Но Гоголь подчеркивал в Москве не только территориальную обширность города, окружность которого, по П. Вистенгофу, к 1840 г. достигала 40 верст. Мысль Гоголя, несомненно, шла глубже, схватывая самую сущность Москвы как русского города: ее стремление к широкой, свободной жизни, отвечающей широкому размаху русского человека, не любящего сжиматься.

То же самое отмечает и Белинский, когда пишет о московской жизни.

Посмотрим же, как это стремление москвичей к широкой жизни увязывалось, прежде всего, с окружающим их городским ландшафтом.

Для того чтобы как можно конкретнее воспринять Москву Гоголя (а это и есть задача экскурсии), нам нужно представить себе на основе зрительных впечатлений Москву гоголевских времен.

Мы находимся в бульварном кольце, опоясывавшем всю тогдашнюю Москву, в полосе бульваров, из которых первое место в то время принадлежало Тверскому. Туда стекалась для прогулок «аристократическая Москва», там в определенные дни и часы играла музыка. Обернувшись к Арбатским воротам, восстановим мысленно элементы ландшафта того времени. Для этого представим себе вместо обступающих нас теперь каменных громад одноэтажные и двухэтажные дома первой половины прошлого столетия, о которых образно сказано у Белинского: «...Один дом выбежал на несколько шагов на улицу... а другой отбежал на несколько шагов назад»¹. Кривизна, срез углов, тупики — вот что характерно для тогдашней московской улицы.

Мы находимся в определенном районе Москвы времен Гоголя — дворянском. К нему относятся ближайшие улицы: Тверская (ныне ул. Горького), Никитская (ул. Герцена), Поварская (ул. Воровского) и Арбат, застроенные в прошлом «господскими домами». Один из них, возвышающийся по внутренней стороне Никитского бульвара (д. № 12), дает яркое представление об излюбленном облике дворянских домов первой половины XIX в. Этот дом в стиле ампира принадлежал известному московскому барину Лунину и был выстроен знаменитым зодчим Доменико Жилярди. Колоннада с пышными коринфскими капителями и балкон с узорчатой решеткой, фриз с мотивом лиры и рога изобилия, богато украшенные ниши тройных окон, крупная рустика нижнего этажа и тяжелые русты над воротами, широкие каменные ступени подъезда — все исключительно парадно. Обращает на себя внимание одна декоративная деталь дома — повторяющийся мотив лиры. Мотив не случайный: дом Лунина славился вокальными вечерами; дочь Лунина, обладавшая хорошим голосом, была замужем за итальянским певцом гр. Риччи; в доме царил музыкальная атмосфера.

Небольшой изящный правый флигель напоминает о тех помещичьих ампирных домах, которыми изобиловали

¹ В. Г. Белинский, «Петербург и Москва». Сборник «Физиология Петербурга», СПб., 1844, стр. 43.

глубины российских губерний. Но рядом с ним — и это очень характерно для Москвы того времени — мог примоститься бок о бок и тот простенький особнячок из «города N», откуда выпорхнула гоголевская «дама приятная во всех отношениях». Линию деревянных домиков с мезонинами, серых, оранжевых и голубых, можно вытянуть как типичную по обеим сторонам Никитского бульвара. Но в эту линию должны вступить в качестве полноправных составных частей пейзажа и длинные заборы, которые Белинский отмечает как отличительную черту Москвы. Все дома живут особняком. «Во всем и на всем печать семейственности: и удобный дом, обширный, но тем не менее для одного семейства... каждый живет у себя дома и крепко отгораживается от соседа»¹. Отгораживается прежде всего забором, оградой, за которой в глубине обычно тянулся обширный сад, засаженный липами, кустами сирени, яблонями, грушами. В раннее весеннее утро он заполнялся шумным птичьим гомоном, и, сидя на том же Никитском бульваре, можно было даже услышать трель соловья.

Но если дворянская Москва любила жить обособленно в своих домах, то это не исключало в то же время и склонности москвичей к общению. И можно было наблюдать, как в известный час дня ворота широко распахивались и из них выезжали те самые кареты и коляски с откидными ступеньками, которые описаны у Гоголя.

Рядом с блестящими экипажами с их показной роскошью московские улицы видели и иного рода выезды. Двигались «...огромные полинялые кареты на высоких рессорах и возки вроде курятников; в этих-то ковчегах вваливались в Москву иногородние помещики... для залога и перезалога своих имений... для отдачи в ученье детей, для вывоза дочек в большой свет»².

Наконец, для седоков иного рода — приказных, экономок и т. д. — существовали извозчики. Так называемые

¹ В. Г. Белинский, «Петербург и Москва». Сборник «Физиология Петербурга», СПб., 1844, стр. 45.

² П. Вистенгоф, «Очерки московской жизни», М., 1842, стр. 153—154.

«ваньки» за гривенник проедут длиннейшую «диагональ по городу».

Обратимся теперь непосредственно к бульварам.

*Между домами
№ 12 и № 7 по
Никитскому
бульвару*

Различие между столицами, о чем мы уже говорили раньше, сказывалось и на облике гуляющей публики. В известные часы (от 12 до 4) эта публика заполняла бульвары Москвы так же, как Петербург свою «всеобщую коммуникацию» — Невский проспект.

Петербург не любит пестроты и отступлений от моды, а «...Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней как сарайные двери»¹.

Поразит московская публика и контрастами. Рядом с московскими денди, в их сверхмодных фраках и сюртуках и с черепаховыми лорнетками, рядом с модной красавицей в щегольском салопе среди той же толпы можно увидеть пожилую женщину с платком на голове и в одежде без всякого намека на моду, девушку в нанковом капоте и с большим узлом.

И в пеструю толпу, конечно, замешаются старые знакомые Москвы, те, которые были показаны московской публике на подмостках сцены еще 24 мая 1836 г. (первое представление «Ревизора»). Шопотом негодования и презрения встретило их тогда высшее общество, не признав их своими. «Хлестаковы, Анны Андреевны... Тяпкины-Ляпкины пошли под руку с Фамусовым, Молчалиным, Чацким... Посмотрите: они, эти господа и госпожи, гуляют по Тверскому бульвару», — так писал тогда критик «Молвы»².

По Никитскому бульвару Гоголь, отдыхая от работы, гуляет перед обедом в своем испанском плаще и серой пуховой шляпе, с палкой в руке. По бульварам он возвращается к себе домой из гостиницы «Дрезден» (на

¹ П. Вистенгоф, «Очерки московской жизни», М., 1842.

² «Молва», иллюстрированное приложение к «Телескопу», 1836, № 9.

Тверской), где навещает своего большого друга А. О. Смирнову-Россет, приехавшую из Калуги¹. По вечерам часто его провожает Л. И. Арнольди — сводный брат А. О. Смирновой. Один из таких вечеров Арнольди описал: «Ночь была чудная, светлая, теплая. Г[оголь] шел очень скоро и все повторял какие-то звучные стихи. На Тверском бульваре мы встретили стройную женщину, закутанную с ног до головы в черный плащ. На лицо опущен был черный вуаль»². Ночной бульвар показывал свою скрытую от дневного света жизнь, обнажая те страшные социальные противоречия большого города, от которых Гоголь буквально содрогался. «Не правда ли, что все это очень страшно?» — тревожно бросил он вопрос сопровождавшему его Арнольди, быстро идя по направлению к своему дому. К этому дому направимся и мы.

*Против бокового
фасада дома № 7
по Никитскому
бульвару*

Остановимся против бокового фасада дома № 7 по Никитскому бульвару. Мемориальная доска на нем свидетельствует о том, что Гоголь жил и умер в этом доме.

Высокая железная решетка ограды, обсаженная раньше зеленью, отгораживает владение от улицы. Через характерные, в усадебном стиле, каменные ворота со столбами по бокам входим во двор. Направо от ворот, перпендикулярно бульвару, — длинный двухэтажный особняк типичной архитектуры, напоминающий усадебный дом помещика среднего достатка. В облике дома нет ничего нарядного: ни колонн, ни пилястр, ни рельефных украшений, но средняя часть отмечена фронтоном и балконом на массивных столбах с арками. Верх дома занимал граф А. П. Толстой, внизу жил Н. В. Гоголь. Направо от входной двери была расположена его приемная (3 окна

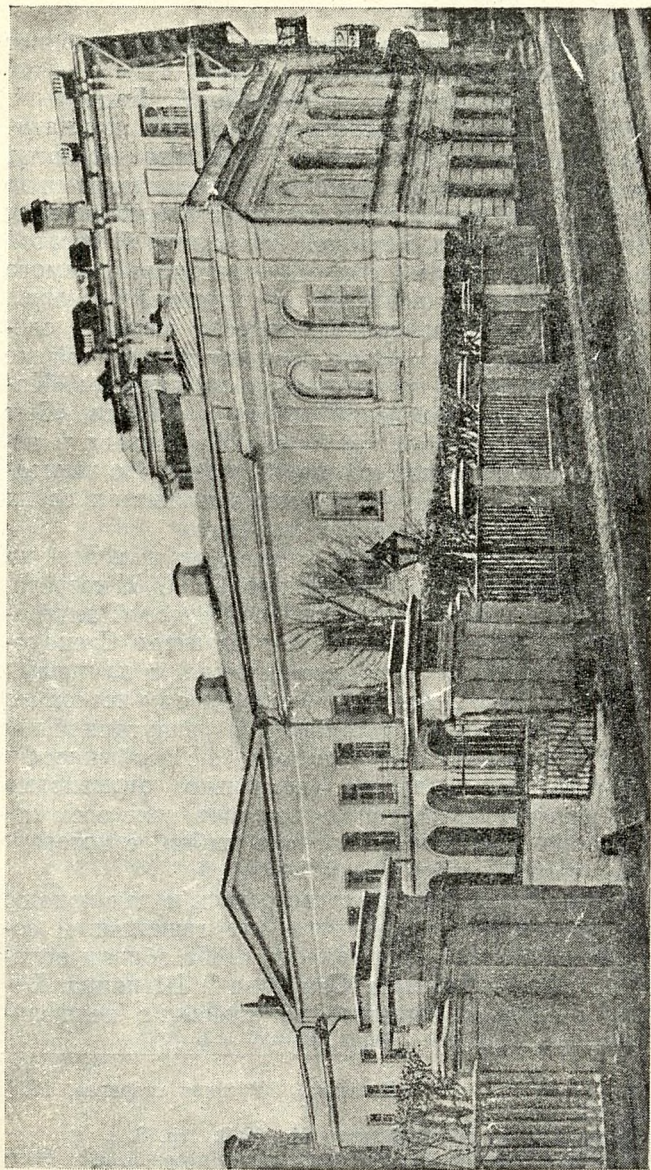
*Двор дома № 7,
против окон правого
крыла дома*

перпендикулярно бульвару, — длинный двухэтажный особняк типичной архитектуры, напоминающий усадебный дом помещика среднего достатка.

В облике дома нет ничего нарядного: ни колонн, ни пилястр, ни рельефных украшений, но средняя часть отмечена фронтоном и балконом на массивных столбах с арками. Верх дома занимал граф А. П. Толстой, внизу жил Н. В. Гоголь. Направо от входной двери была расположена его приемная (3 окна

¹ Жена калужского губернатора Н. М. Смирнова. Блестящая красавица, дружившая с Пушкиным, Жуковским, Лермонтовым, кн. Вяземским.

² Л. И. Арнольди, «Мое знакомство с Гоголем», «Русский вестник», 1862, т. XXXVII, стр. 59.

Дом № 7 по Никитскому бульвару, где жил и умер Н. В. Гоголь
Из фотогекки Государственного Литературного музея

во двор), переходившая дальше в угловой кабинет (2 окна во двор и 2 на бульвар).

Один из друзей Гоголя, славист О. М. Бодянский, дает довольно точное описание приемной комнаты. Подойдем к окнам и представим себе эту комнату, всю устланную «...зеленым ковром, с двумя диванами по двум стенам (первый от дверей налево, а второй за ним, по другой стене); печка с топкой, заставленной богатой гардинкой зеленой тафты в рамке; рядом дверь у самого угла к наружной стене, ведущая в другую комнату... стол, покрытый зеленым сукном, поперек входа к следующей комнате, перед первым диваном тоже такой же стол». На столах книги «кучками одна на другой»: «Начертание церковной библейской истории», библия, «Быт русского народа», словари, сочинения Батюшкова в издании Смирдина («Русские авторы»), только что вышедшие и проч.»¹. В этой комнате Гоголь принимал своих друзей — писателей, профессоров, актеров.

Здесь можно было услышать «несколько певучую, но складную, изящную речь» профессора С. П. Шевырева, читавшего в университете курс древней русской литературы; встретить главу славянофилов Алексея Степановича Хомякова, «маленького черненького... с длинными всклокоченными волосами, придававшими ему несколько цыганский вид»², всегда готового на запутаннейший спор; увидеть высокого роста старика «...с необыкновенно энергичным, умным лицом, несколько отрывистой речью»³ — Сергея Тимофеевича Аксакова, уже всем известного автора «Записок об уженье рыбы», с которым Гоголь был связан многолетней дружбой.

Здесь, конечно, можно было встретить и так хорошо знакомую москвичам фигуру того, кто гениальным сотворчеством с Гоголем раскрывал на сцене образы великого драматурга, — Михаила Семеновича Щепкина. Величайшему создателю «правды на сцене», с исключи-

¹ О. М. Бодянский, «Дневник», «Русская старина», 1888, ноябрь, стр. 409.

² «Воспоминания Б. Н. Чичерина», М., 1929, стр. 8.

³ Д. М. Погодин, «Воспоминания», «Исторический вестник», 1892.

тельной любовью относившемуся к Гоголю, удается вызвать самого автора на чтение «Ревизора» в этом доме.

Чтению предшествовало знакомство Гоголя с И. С. Тургеневым, о котором Гоголь еще в 1847 г. писал П. В. Анненкову: «Талант в нем замечательный и обещает большую деятельность в будущем». Знакомство произошло в этом доме 20 октября 1851 г. О нем рассказывает сам И. С. Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Я увидел Гоголя, стоявшего перед конторкой с пером в руке. Он был одет в темное пальто, зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны... Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми». Мы сели. Я рядом с ним, на широком диване; Михаил Семенович — на креслах, возле него. Я попристальнее взгляделся в его черты. Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покато, гладкого белого лба попрежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость — именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд их казался усталым... Маленький подбородок уходил в широкий бархатный черный галстук. В осанке Гоголя, в его телодвижениях было что-то... учительское»¹. Перед И. С. Тургеневым стоял человек, творения которого он знал чуть ли не наизусть. «Нынешним молодым людям,—писал И. С. Тургенев там же,—даже трудно растолковать обаяние, окружавшее тогда его имя».

Тургеневский портрет Гоголя образно дополняет Г. П. Данилевский, схвативший нечто очень своеобразное в облике Гоголя: «Длинный, сухой нос придавал этому лицу и этим, сидевшим по его сторонам, осторожным глазам что-то птичье, наблюдающее и вместе добродушно-горделивое. Так смотрят с кровель украинских хуторов, стоя на одной ноге, внимательно-задумчивые аисты!»²

¹ И. С. Тургенев, Соч., СПб., 1884, т. X, стр. 65—66.

² Г. П. Данилевский, «Знакомство с Гоголем», Соч., изд. 9-е. 1902, т. XIV, стр. 92—100.

В это свидание Гоголя с И. С. Тургеневым разговор сосредоточился на вопросах литературы, искусства, театра и закончился высказанным Гоголем недовольством игрою актеров, потерявших, как он говорил, тон. М. С. Щепкину удалось воспользоваться этим недовольством и тут же получить согласие Гоголя лично прочесть пьесу актерам. Чтение было назначено на 5 ноября. Оно происходило в одной из зал нижнего этажа.

*Двор дома № 7
против окон левого
крыла дома*

Г. П. Данилевский, присутствовавший на чтении, дает краткое описание обстановки, в которой происходило это чтение: «Стол, вокруг которого на креслах и стульях уселись слушатели, стоял направо от двери, у дивана, против окон во двор. Гоголь читал, сидя на диване. В числе слушателей были: С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырев, И. С. Тургенев, Н. В. Берг и другие писатели, а также актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский и Шумский»¹.

В истории театрального искусства чтение Гоголем «Ревизора» должно бы быть отмечено как исключительный момент. Величайший драматург, крупный режиссер (об этом свидетельствуют все указания и замечания Гоголя актерам) и, несомненно, сам актер читает свое творение крупнейшим мастерам сцены, славе и гордости русского театра — Михаилу Семеновичу Щепкину, великому русскому актеру — Прову Садовскому, о котором наблюдательный современник, писатель П. Д. Боборыкин писал так: «От игры Садовского испытал я впечатление чего-то могучего. Чувствовался кряж натуры, прирожденного богатейшего таланта. Все тут было свое, ниоткуда не заимствованное»². Здесь находился также С. В. Шумский, очень тонкий актер, с глубоким дарованием, но игра которого в роли Хлестакова не удовлетворяла Гоголя: не было, по выражению Боборыкина, «той особой ноты в создании наивно-пустейшего хлыща», той искренности, когда «Хлестаков и знает, что

¹ Г. П. Данилевский, «Знакомство с Гоголем», Соч., изд. 9-е, 1902, т. XIV, стр. 104—107.

² П. Д. Боборыкин, «За полвека», «Русская мысль», 1906, февраль, стр. 35.

врет, — и верит своему вранью»¹. И вот С. В. Шумский слушает, как изображает эту наивность Хлестакова сам автор, вместе с другими поражается гениальной художественной простоте чтения Гоголя.

Вот как передает свое впечатление от чтения Гоголя И. С. Тургенев в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»: «Гоголь поразил меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают. Кажется, Гоголь только и заботился, как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный... С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу городничего о двух крысах: «Пришли, понюхали и пошли прочь!» — Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия. Я только тут понял, как вообще неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорей насмешить обыкновенно разыгрывается на сцене «Ревизор»².

Когда чтение кончилось, потрясенные слушатели еще долго не расходились, вполголоса делясь друг с другом впечатлениями. При прощании Гоголь задержал Г. П. Данилевского, прося его передать в Петербурге посылку П. А. Плетневу. Посылка заключалась в свертке бумаг и запечатанном сургучом пакете; в нем оказалось денежное пособие, которое Гоголь посылал беднейшим студентам Петербургского университета. Так свидетельствовал писатель об исключительном своем отношении к тому учреждению, где в качестве преподавателя он когда-то начинал свою «службу государству».

Описанное чтение «Ревизора» было исключительным событием в жизни Гоголя. Обычно же писатель вел замкнутый образ жизни, отдаваясь исключительно работе. Об этом интересно свидетельствует граф А. П. Толстой, который, живя в одном доме с Гоголем, естественно, мог наблюдать его работу.

¹ П. Д. Боборыкин, «За полвека». «Русская мысль», 1906, февраль, стр. 35.

² И. С. Тургенев, Соч., СПб., 1884, т. X, стр. 71.

*В вестибюле дома
№ 7*

Через дверь, которая была и во времена Гоголя, входим со двора в вестибюль. Широкая деревянная лестница с перилами, на два марша, ведет наверх, в комнаты гр. А. П. Толстого. Над площадкой, где лестница делится на два крыла, в простенке место для большого зеркала в раме. В центре потолка — железный крюк; оттуда спускался висячий многогранный фонарь. В вестибюле, или, как тогда говорили, в сенях, — большая, хорошо нагревавшая печь. Печами и каминами дома заполнялись вообще в большом количестве. Для Гоголя же, всегда мерзнувшего, это тепло имело исключительное значение.

В повседневной жизни писатель был окружен большим вниманием. Обычно в доме было очень тихо, так что в этой тишине можно было даже услышать, как работает Гоголь. Об этом свидетельствует А. П. Толстой, рассказывавший, что ему приходилось слышать, как Гоголь пишет свои «Мертвые души». Направляясь к себе наверх и проходя мимо двери Гоголя, он не раз слышал, как писатель, будучи один, изменив свой голос, как будто с кем-то разговаривал. Читать самому себе вслух написанное — было обычным приемом Гоголя. Писатель неоднократно подчеркивал, что для окончательной художественной отделки ему надо слышать самое звучание слов. Быть может, этой окончательной отделке подвергался уже второй том «Мертвых душ», творение, которое Гоголь начинал выносить уже на суд своих друзей, читая им разные главы.

Все современники нетерпеливо ждали появления в печати труда, где Гоголь обещал раскрыть «несметное богатство русского духа». Сам писатель 15 июля 1851 г. сообщал в письме П. А. Плетневу, что поспешил в Москву «с тем, чтобы заняться делами по части приготовления к печати «Мертвых душ», второго тома»¹. В это же самое время в глубине творческого сознания Гоголя все мучительнее, неотступнее билась мысль: все, что выливается у него на бумагу, все это не то, «все никуда не годится». Великий гражданин земли своей, проникно-

¹ Н. В. Гоголь, «Письма», т. IV, стр. 391

венно слышавший «воплъ всей земли против бесчинств и неправды», Гоголь стал призывать всех и прежде всего самого себя, как писателя, ринуться в бой с этим злом. «...Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пиროваний. На битву мы сюда призваны...»¹, и никто не имеет права отклониться от участия в этой битве, — так понимал Гоголь дело служения родине.

Трагический акт сожжения Гоголем труда, не отвечающего безмерной требовательности «писателя-гражданина», был в представлении писателя, находившегося уже во власти душевной болезни, одним из актов этой битвы.

Он совершился в ночь на 12 февраля 1852 г., а через восемь дней — 21 февраля, в 7 час. 45 минут утра, Гоголь умер.

Тело писателя было поставлено в его приемной комнате. На другой день при огромном стечении народа двери дома широко распахнулись, чтобы пропустить тело писателя, голова которого была увенчана лавровым венком.

В некрологе «Московских ведомостей» от 23 февраля 1852 г. было написано: «Тело покойного, как почетного члена Московского университета, перенесено было вчера в университетскую церковь. Вынос происходил в 8 часов пополудни. Друзья покойного и ценители его высокого дара несли гроб на руках до самой церкви».

*Во дворе дома № 7
(вне экскурсионного материала)*

Современники свидетельствовали, что в течение всего времени, пока тело Гоголя находилось в университетской церкви (в старом здании университета на Моховой ул.), стечение народа на улицах было невероятное. По Никитской улице (теперешней ул. Герцена) не было проезда совершенно. В народе шли многочисленные толки о том, кто был покойный.

Больше всего интересовались вопросом, какого чина он был. Важный граф или князь — предполагали жандармы. «Писарь при университете, который знал, к кому

¹ Н. В. Гоголь. «Выбранные места из переписки с друзьями» «Напутствие». СПб, 1847.

как писать — и к государю, и к генералу какому»¹, — уверял извозчик. Среди всевозможных догадок не было только одного предположения: что хоронят писателя. Но зато об этом слишком хорошо знал официальный представитель власти, генерал-губернатор граф Закревский. «В день погребения народу было всех сословий и обоего полу очень много, а чтобы в это время все было тихо, я приехал сам в церковь»², — писал Закревский шефу жандармов А. Ф. Орлову 29 февраля 1852 г.

Но если все было тихо на похоронах, то без шума смерть Гоголя все-таки не прошла.

«Гоголь умер! какую русскую душу не потрясут эти два слова?» Этими словами начиналась статья И. С. Тургенева о Гоголе («Письмо из Петербурга»), не пропущенная в Петербурге, но напечатанная в «Московских ведомостях» 13 марта 1852 г.

За эту статью И. С. Тургенев из Петербурга был «отправлен на жительство в деревню» (свою усадьбу). Николаевское правительство, придравшись к случаю якобы неповиновения И. С. Тургенева, ссылало писателя, на которого было давно раздражено за «Записки охотника».

Еще в 1836 г. Гоголь в полном сознании своего значения сказал: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня» (письмо к В. А. Жуковскому от 12 ноября).

*Гоголевский бульвар,
у памятника Гоголю*

Встанем в начале Гоголевского бульвара так, чтобы перед нашими глазами был весь перекресток выходящих на площадь улиц:

Арбата, улицы Воровского, Никитского бульвара, улицы Калинина, улицы Фрунзе. Представим себе в самых общих очертаниях Арбатскую площадь того времени. В отличие от переулков, здесь нет никаких заборов и оград. Два сохранившихся еще от николаевской эпохи дома дадут нам представление о типе тех зданий, которые оформляли собою площадь. Длинный двухэтажный палевый дом между Филипповским переулком и Арбатом и такой же окраски двухэтажный дом с мезонином на углу

¹ Н. Бельчиков, «Похороны Н. В. Гоголя». «Красный архив», 1925, т. IX, стр. 303.

² Там же, стр. 300.

улицы Фрунзе (бывш. Знаменка). Все те же знакомые нам дворянские особняки.

На углу улицы Фрунзе и Арбатской площади высился и величественный ампирный дом с пышной колоннадой. Это надстроенный и перестроенный особняк графа С. С. Апраксина. В 20-х гг. дом был известен своим театром, здесь играла итальянская труппа. В креслах театра можно было встретить Пушкина, жадно вбиравшего в себя, после ссылки, горючие впечатления. Сюда водил своего племянника Сашу Герцена сенатор Л. А. Яковлев.

Но, за исключением этого большого дома, здания, окружавшие площадь, были невысоки. Возглавлялся же архитектурный ансамбль обычной в то время вершиной — церковным куполом с крестом. Здания церквей вообще входили органической частью в пейзаж города, и даже на такой небольшой площади, как Арбатская, было две церкви. Из них одна была темнокрасная, с белыми рельефными украшениями, это церковь Бориса и Глеба, выстроенная в 1763 г. в стиле барокко архитектором К. И. Бланком. Она связывается с памятью о Гоголе.

Славянофилы, собравшись на квартире покойного, решили добиваться отпевания Гоголя в приходской церкви Бориса и Глеба, дабы все желающие могли почтить память писателя, принадлежавшего всему народу. Западники в лице Т. Н. Грановского настаивали на отпевании в университетской церкви, так как великий писатель был профессором истории. Грановский добился своего, но при условии, что в университетскую церковь будет открыт доступ и простонародью.

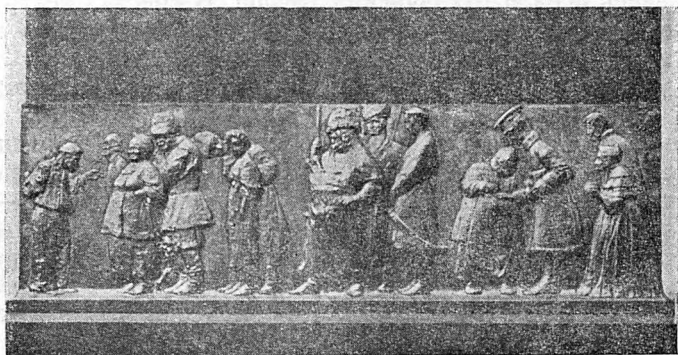
В церкви Бориса и Глеба через одиннадцать лет после смерти Гоголя, в июне 1863 г., Москва прощалась со своим великим артистом и другом Гоголя — Михаилом Семеновичем Щепкиным. И здесь же в 1859 г. происходило отпевание и другого ближайшего друга Гоголя — Сергея Тимофеевича Аксакова.

* * *

Заключительная тема нашей экскурсии — памятник Гоголю.

Открытие памятника было приурочено к столетию со дня рождения Гоголя. Но, учитывая возможность холодной погоды, его перенесли с 20 марта (день рождения писателя) на 26 апреля 1909 г.

Церемония открытия была назначена на 12 часов. Но уже к 10 часам утра вся площадь была заполнена

Барельеф на памятнике Н. В. Гоголю
Скульптор Н. А. Андреев. Фото Д. Шварцмана
Из флотекки Государственно-о Литературного музея

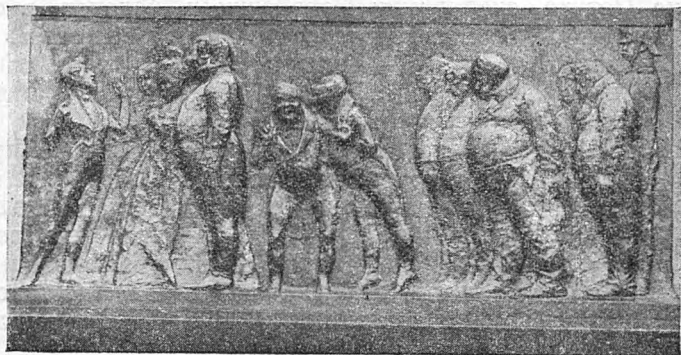
народом. В 12 час. 30 мин. завеса с памятника была сдернута. Над толпой, отлитая из темной бронзы, появилась фигура Гоголя, сидящего на скамье, с наброшенной на плечи широкой «альмавивой» (плащом). С низко опущенной головой, словно склоняясь к толпе, зорким и скорбным взглядом всматривается писатель перед собой. Гоголь предстал не как великий писатель, бичевавший в своих произведениях неустройство и зло жизни, — скульптор Н. А. Андреев изобразил Гоголя в последний период его жизни, период душевного надлома¹.

¹ В настоящее время разрабатывается новый проект памятника Гоголю, отображающий первый период творчества великого писателя. Это будет Гоголь жизнерадостный, молодой, страстно любящий свой народ, свою родину...

Прежний памятник работы Андреева найдет себе достойное место. Возможно, что он будет перенесен во двор дома, где умер Гоголь.

**Обход вокруг
памятника**

Острый рисунок барельефов скульптора Н. А. Андреева передает по существу всю историю творчества великого писателя. В рельефе к «Вечерам на хуторе близ Диканьки» мы как бы слышим искристый, задорный смех. Голова, похожая «на редьку хвостом

Барельеф на памятнике Н. В. Гоголю
Скульптор Н. А. Андреев. Фото Д. Шварцмана
Из фототеки Государственного Литературного музея.

вниз», и голова, похожая на «редьку хвостом вверх», воскрешают в нашей памяти образы знаменитых двух друзей, поссорившихся из-за названия «гусак»¹.

Могучая фигура Тараса Бульбы с сыновьями вызывает представление о том «гнезде, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы!»².

Рельеф с образами «Петербургских повестей» напоминает нам о драмах романтиков-мечтателей и о прекрасной незнакомке³, о художниках, погубивших дар свой из-за золота⁴, о маленьких чиновниках — винтиках огромной бюрократической машины. Среди них — бунтарь

¹ «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

² «Тарас Бульба».

³ «Невский проспект».

⁴ «Портрет».

и безумец Поприщин¹ и трагичный в своей жизненной беспомощности Акакий Акакиевич².

Дальше идут персонажи «Мертвых душ», персонажи, о которых Гоголь писал, что они вовсе не злодеи, но «пошлость всего вместе испугала читателей». Эту пошлость скульптор увековечил в позе «сахарного» Манилова, в образе человека-медведя Собакевича, чревоугодника Петуха, скопидомки Коробочки и, наконец, в образе скряги Плюшкина — «прсрехи на человечестве».

На переднем плане — исключительно выразительный, театрализованный рельеф типов «Ревизора». Он полон реализма и жесточайшего сарказма.

Тоненькой, «поджаристой» фигурке Хлестакова противостоит грузная, монументальная фигура городничего с семейством. «Сосулька», «щелкопёр во всех отношениях» изображен в момент, когда он упивается своей ложью. И в упоении же, сгорая желанием скорей разнести по городу весть, жадно ловят слова Хлестакова классические сплетники Бобчинский и Добчинский — две «сороки короткохвостые».

В раболопной позе, почтительно склонив головы, слушают и чиновники, беспокоящиеся за свою судьбу. И, наконец, — группа квартальных во главе с Держимордой, всегда готовым... «для порядка всем ставить фонари под глазами — и правому и виноватому».

Метод работы скульптора Андреева был аналогичен методу Гоголя: оба художника для своих героев искали прежде всего «натуру» в окружающей жизни. Сближение Андреева с Художественным театром в период его работы над памятником Гоголю имело в этом смысле свое значение: скульптор лепил в это время маску Ивана Михайловича Москвина в роли Бобчинского, которую затем перенес на барельеф.

*Заключительная
беседа на скамьях
около памятника*

Рельефы Н. А. Андреева образно раскрывали великое дело писателя, то дело, за которое его навсегда полюбил русский народ, писателя, которого В. Г. Белинский назвал одним из великих вождей родной страны на пути прогресса.

¹ «Записки сумасшедшего».

² «Шинель».

В день открытия памятника Гоголю, 26 апреля 1909 г., в 4 часа дня, в актовом зале Московского университета состоялось торжественное заседание университета и Общества любителей российской словесности. На этом памятном заседании на различных языках, голосами представителей различных стран и разных славянских народностей, Гоголь прославлялся как величайший выразитель русского национального гения.

С глубочайшей верой в силу своего народа жил и умер Гоголь. И эту веру русский народ полностью оправдал. Великая Отечественная война уже раскрыла «несметное богатство русского духа», показала всему миру, что «нет на свете таких огней, мук и такой силы, которая бы пересилила русскую силу»¹.

С прозорливостью гениального художника Гоголь почуял в русском народе те «доселе не бранные струны», торжественный звон которых стал слышим далеко за пределами нашей родины.

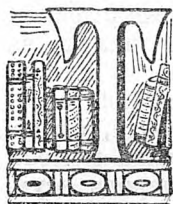
В гениальном предвидении великого движения своей страны создал Гоголь образ несущейся тройки, олицетворяющей это движение. Настал исторический момент, когда перед могучим движением русского народа изумленным государствам и народам действительно пришлось посторониться и дать ему дорогу, как сказал Гоголь в «Мертвых душах». Художественное слово писателя сомкнулось с действительной жизнью, и таким образом подтвердилась правильность глубочайшего убеждения Гоголя, что дело писателя — это и есть его «служба государству».

¹ «Тарас Бульба».

Н. Анциферов

ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА 30-40 ГОДОВ XIX ВЕКА

ТРИДЦАТЫЕ — СОРОКОВЫЕ годы прошлого века были временем кипучей литературной жизни Москвы. Пушкин, посетивший древнюю столицу в начале этого периода, писал, сравнивая ее с Петербургом: «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы». Об этом времени напоминают нам имена

Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Герцена, Тургенева и многих других.

С какими же районами Москвы была наиболее связана литературная жизнь того времени? Наша литература этого периода была преимущественно дворянской — не в смысле защиты интересов дворянства, а в том смысле, что корифеи ее были выходцами из этого класса, социальная сила которого приходила уже в упадок. Дворянство заселяло главным образом кварталы, прилегавшие на западе и северо-западе к бульварному кольцу.

Одним из наиболее известных центров бывшей дворянской Москвы был район, где находилась Старая Конюшенная слобода, расположенная между Пречистенкой (ныне ул. Кропоткина) и Арбатом. Дворцовые слободы размещались на запад от т. н. Белого города. На левом берегу Москвы-реки находились заливные луга, которые снабжали сеном Конюшенную слободу. Старое

название Метростроевской улицы — Остоженка — напоминает о тех стогах, которые некогда располагались вдоль «бровки» (начало ската к реке).

За дворцовыми конюшнями по ту сторону Арбата находилась Охотничья слобода, память о которой сохраняется в названиях «Собачья площадка» и «Кречетников переулочек». Далее — Поварская (ныне ул. Воровского); здесь жили в XVI в. дворцовые повара. С царским столом связаны и названия переулочков: Столовый, Скатертный, Хлебный. После переезда царского двора в новую столицу — Петербург старые дворцовые слободы опустели. На месте их начали возникать одна за другой дворянские усадьбы.

Таким образом этот район превратился в излюбленное урочище московского дворянства и стал играть главную роль в жизни литературной Москвы.

Глядя в сторону строительства Дворца Советов, легко заметить, что правая сторона Гоголевского (бывш. Пречистенского) бульвара значительно ниже левой.

Здесь некогда протекала речка Черторый, впадавшая в Москву-реку. Все урочище носило название Чертолье; близлежащий переулочек и поныне называется Чертольским. В Черторый впадала речка Сивка, протекавшая по оврагу. Отсюда и название улицы, которая против нас, — Сивцев Вражек. Черторый был границей Белого города. На его высоком берегу возвышались крепостные стены, искусно возведенные к 1593 г. выдающимся русским зодчим Федором Конем.

Дом № 10 по Гоголевскому бульвару

Среди домов, расположенных ныне на высокой стороне бульвара, на месте стен, снесенных в 70—80-х гг. XVIII века, выделяется здание с портиком, не похожее ни на современную постройку, ни на барский особняк московского ампир. Дом № 10 по Гоголевскому бульвару — это большой дом «казенного» типа, напоминающий институты и казармы старого Петербурга. Его низ рустован; в центре — колоннада, увенчанная фронтоном, на котором сохранилась цифра — 1830. Здесь помещалась Удельная контора¹.

¹ Удельное ведомство управляло поместьями царской фамилии.

И. С. Тургенев писал 18 января 1860 г. к Е. Е. Ламберт: «я... поселился в Удельной конторе на Пречистенском бульваре, у управляющего этой конторой, моего старинного приятеля, некоего Ивана Ильича Маслова»¹. Здесь больного Ивана Сергеевича навещал поэт А. А. Фет. Наш район всегда привлекал внимание Тургенева и нашел место в его творчестве. Действие рассказа «Муму», имеющего автобиографический характер, разыгрывается на Остоженке, близ Крымского брода; мать рассказчика (прототипом ее была Варвара Петровна — мать самого Тургенева) жила «в сером доме с белыми колоннами, антресолюю и покривившимся балконом»². На той же Остоженке в «большом зале частного дома» услышал впервые Аратов прославленную певицу Клару Милич (в дворянской среде культивировалась музыка, и в частных домах выступали выдающиеся музыканты и певицы).

На Остоженке жила также тетушка рассказчика повести «Несчастливая». Она занимала «большой деревянный дом на Остоженке, теплый-претеплый, каких, я полагаю, кроме Москвы, нигде не найдешь». А отчим «несчастной» проживал близ того места, где находится экскурсия: «жил он в деревянном доме с большим двором и садом, в Кривом переулке, возле Пречистенского бульвара». В основу рассказа «Несчастливая» (со зловещей фигурой Раича-немца, выдававшего себя за чеха) положена студенческая история, взволновавшая как кружок Герцена, так и кружок Станкевича³.

С этим районом связан и роман «Накануне». Здесь обитала семья Елены. Ее мать Анна Васильевна переселилась в Москву (лето проводила она в Кунцеве)

¹ Письма И. С. Тургенева к Е. Е. Ламберт, М., 1915, стр. 70.

² Мать И. С. Тургенева жила на Остоженке. Дом сохранился (ныне № 37). Это типичный особняк с портиком.

³ Мнимая дочь музыканта Гебеля покончила жизнь самоубийством. Гебель стал распространять клевету, жертвой которой сделался студент Почека, якобы виновник гибели Эмили. Возмущенный слухами о поведении Почека, Герцен потребовал от него объяснений. За Почеку вступился Станкевич, будучи уверен в невиновности своего товарища. Погибшей девушке Станкевич посвятил стихотворение «Эмили».

«в свой большой деревянный дом возле Пречистенки, дом с колоннами, белыми лирами и венками над каждым окном, с мезонином, службами, палисадником, огромным зеленым двором, колодцем на дворе и собачьей конуркой возле колодца»¹ (и теперь вы видим еще немало таких домов, но они уже не кажутся нам большими). Недалеко от дома, где жила Елена, поселился Инсаров — в одном из переулков Поварской улицы.

Чрезвычайно характерна семья князей Осининых (роман «Дым»).

«То были настоящие, не татаро-грузинские, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя их часто встречается в наших летописях... Проживало оно (семейство Осининых. — Н. А.) около Собачьей площадки в одноэтажном деревянном домике с полосатым парадным крылечком на улицу, зелеными львами на ворстах и прочими дворянскими затеями...»²

Наконец, связан с районом, о котором идет речь, и роман «Дворянское гнездо». Здесь началась неудачная любовь Лаврецкого и Варвары Павловны. Ее отец, «скрепя сердце, решил переехать в Москву на дешевые хлеба; нашел в Старой Конюшенной крошечный низенький дом с саженным гербом на крыше и зажил московским отставным генералом»³.

На Арбате имела свой дом семья героя «Первой любви».

Все приведенные здесь адреса свидетельствуют о том, насколько этот район был близок Тургеневу. Писателем схвачены разного рода детали: как черты, которыми отмечен облик домов, так и черты, характеризующие дворянские семьи, обнищавшие и захудалые. Все это так же четко воспроизводит былое Старой Конюшенной.

В «Гамлете Щигровского уезда» Тургенев дал ироническую характеристику тех кружков 30—40-х гг., которые собирались в этих особнячках, чтобы спорить ночи напролет обо всем, что связано с выработкой мирозозерцания, — «вчера на Арбате, сегодня на Трубе,

¹ И. С. Тургенев, Соч., 1898, т. V, стр. 324.

² Там же, стр. 40.

³ Там же, стр. 233.

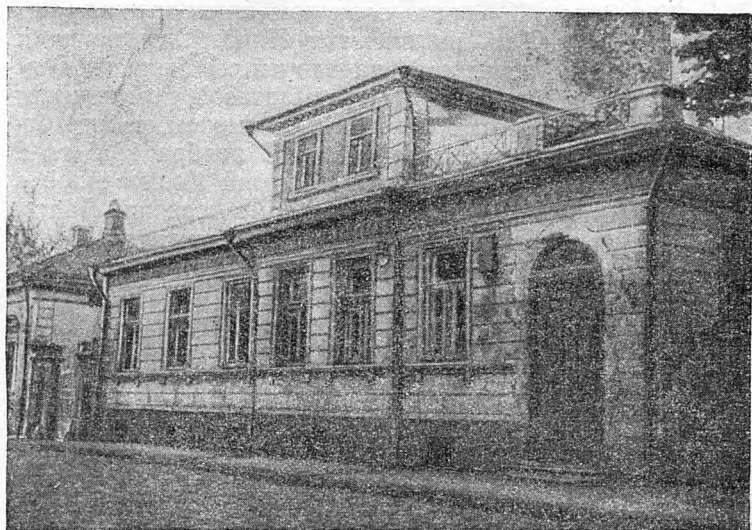
завтра на Сивцевом Вражке». Эти три места названы Тургеневым не случайно: на Арбате жил Н. П. Огарев, «на Трубе» — Т. Н. Грановский, в Сивцевом Вражке — А. И. Герцен.

Другой кружок этой же эпохи описан Тургеневым с чрезвычайным сочувствием в романе «Рудин». В данном случае Тургенев описывал ту группу молодежи, которая собиралась у Станкевича (он проживал в Б. Афанасьевском переулке).

По Сивцеву Вражку недалеко дойти до того маленького домика с мезонином, в котором встречались юноши 30-х гг., преемники «любомудров».

**Б. Афанасьевский
переулок, между
Сивцевым Вражком
и Гагаринским
переулком**

Дом, где жил Станкевич, находится в центре переуллка, до некоторой степени еще сохранившего свой старый облик. Дома под №№ от 7 до 13 создают комплекс, который позволяет и в наши дни разглядеть облик Старой Конюшенной, какой она была более ста лет назад. Это впечатление усиливается от того разительного контраста, который ощущается при сопоставлении перечисленных здесь домов с домом № 6 и возвышающимся над ним огромным строением в глубине участка. Первая группа домов живо напоминает нам те особнячки, которые были описаны Тургеневым. Богатая лепка с античными мотивами стиля ампир, чугунные решетки, фронтоны с гербами... Особенно характерен дом № 13 с полукруглым окном в глубокой амбразуре, украшенной лепкой, с крыльцом, выходящим во двор, с кронштейнами, на которых рельефы с крылатыми львами. Здесь все говорит о Старой Конюшенной. И вот здесь же мы видим домик № 6, шоколадного цвета, с причудливо изломанным силуэтом фасада, с вычурной лепкой и с женской головкой в декадентском вкусе, — все это слабое отражение стиля модерн. Домик этот выделяется на фоне мрачного «капитального» дома в пять этажей с длинейшим фасадом в 37 окон. Характерна эта причуда богатого человека, строившего себе особняк по последней моде рядом с огромным доходным домом эпохи развивающегося капитализма,

Дом Лаптевой в Б. Афанасьевском пер., № 8

Фото Н. Киселева

Из фототеки Государственного Литературного музея

Нам нужно, поняв этот новый характер стройки начала XX в., выключить ее из нашего внимания и целиком сосредоточиться на остатках изучаемой нами эпохи.

Дом, где жил Станкевич (Б. Афанасьевский пер., д. № 8)

Теперь обратимся к дому № 8, представляющему исключительный интерес для нашей темы.

Этот небольшой домик с мезонином, ныне окрашенный в зеленый цвет, сохранился от старых времен в измененном виде. Судя по тому, что мезонин сдвинут, можно предположить, что правая сторона дома расширена. Дверь на улицу — позднейшего происхождения. Фриз из удлиненных розеток, украшающий дом, по всей вероятности, должен быть отнесен к более позднему времени. Со стороны, выходящей во двор, — следы террасы, которая была окружена садом. Во дворе сохранилось несколько старых деревьев,

В 30-х годах XIX века этот дом принадлежал Софии Лаптевой. Судя по письмам Н. В. Станкевича к М. А. Бакунину, перед тем владелицей его была кн. Горчакова. «Пиши мне, вместо дома Лаптевой, дом княгини Горчаковой, на воротах билетик с ее именем, скорее будут приносить», — писал Станкевич 8 ноября 1835 г., а перед тем, 17 октября: «Живу в Старой Конюшенной в приходе Пятницы Божедомской в доме госпожи Лаптевой». Станкевич занимал мезонин. Это явствует из его письма к тому же Бакунину в связи с поисками новой квартиры для матери. Он писал 22 октября 1836 г.: «Мы все еще заключены на мезонине до будущего воскресенья».

Домик Лаптевых играл немалую роль в истории русской культуры. В этом мезонине собирался прославленный кружок Станкевича, ставший очагом философской мысли 30-х гг. и вместе с тем центром литературной жизни. Здесь встречались талантливые юноши, объединенные общими умственными интересами, спаянные едино такой обаятельной личностью, какой являлся Н. В. Станкевич. За круглым столом Николая Владимировича сидели: Белинский¹, Бакунин, поэты Ключников и Красов, будущий вождь славянофилов К. Аксаков², публицист, сперва либерал-англоман, а впоследствии реакционер — Катков. Но в те годы эти столь различные люди были объединены высокими общими интересами.

К. Аксаков в своих «Воспоминаниях студентства» описал эти собрания в мезонине дома Лаптевой. «На вечерах у Станкевича выпивалось страшное количество чаю и съедалось страшное количество хлеба. Станкевич любил и знал музыку. Иногда мы певали всем хором; общей нашей студенческой песнью были стихи Хомякова

¹ В. Г. Белинский, по данным известного знатока литературной топографии Москвы Н. П. Чулкова, жил одно время с Бакуниным на Остоженке. Дом сохранился (ныне № 49). В 1837 г. он жил в Басманной части, в доме Межевого института, принадлежавшем кн. О. Э. Козловскому; в 1839 г. — в сереньком доме на Арбате, на углу Голенновского пер.

² В 1832 г. К. С. Аксаков проживал в семье отца в Б. Афанасьевском пер. (ныне дом № 12). Здесь Аксаковых впервые посетил Гоголь.

из его трагедии «Ермак» — «За туманною горою...» Свое описание К. Аксаков заканчивает словами: «Кружок Станкевича был замечательное явление в умственной жизни нашего общества. В этом кружке вырабатывалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу»¹. Автор «Воспоминаний» подчеркивает трезвенный характер этих собраний, отличавший кружок Станкевича от других студенческих кружков того времени, где пламенные речи сопровождались выпивкой, где занимал не последнее место «пунша пламень голубой».

Сохранилось описание этого кружка в одном из писем самого Станкевича, сделанное со свойственным ему мягким юмором. Он писал из-за границы своим родным и друзьям 29 октября 1837 г.: «Внимайте все, некогда собиравшиеся к круглому столу в доме Лаптевой за самоваром высказывать все события прекрасных душ ваших — Иван Осторожный (поэт И. П. Ключников. — Н. А.), опускающий гардины, Виссарион Неистовый (В. Г. Белинский. — Н. А.), посмеивавшийся этим мудрым мерам², ты, Михаил (М. А. Бакунин. — Н. А.) — подражатель Архангела, горько плачущий, что чорт перестал странствовать по земле и что тебе не в кого бросить копье свое и не на ком потешить бранную десницу, — внимайте и вы, которые делили с нами душу, споры, веселье и скуку — внимайте»³.

И. С. Тургенев, познакомившийся за границей со Станкевичем и сошедший с ним в Италии, высоко ценил этого прекрасного человека. В романе «Рудин» в образе Покорского изображен, по признанию самого автора, Станкевич. Тургенев писал: «Когда я изобразил Покорского (в «Рудине»), образ Станкевича носился предо мною, но все это только бледный очерк»⁴.

В романе «Рудин» подробно описано собрание кружка Покорского — Станкевича, которое интересно сопоставить с двумя предшествующими описаниями. Лежнев

¹ К. Аксаков, «Воспоминания студентства 1832—1835 годов», стр. 27.

² Собрания молодежи вызывали подозрения III отделения

³ Переписка Н. В. Станкевича, М. 1914, стр. 158.

⁴ «Русские Прописки», М., 1916, т. III, стр. 137.

вспоминает: «Вы представьте: сошлись человек пять-шесть мальчиков, одна сальная свеча горит, чай подается прескверный и сухари к нему старые-престарые, а посмотрели бы вы на все наши лица, послушали бы речи наши! В глазах у каждого восторг, и щеки пылают, и сердце бьется, и говорим мы о боге, о правде, о будущем человечества, о поэзии, — говорим иногда вздор, восхищаемся пустяками; но что за беда!...» Далее следует, как и у Станкевича, описание отдельных членоз кружка. Заканчивается оно словами: «А ночь летит тихо и плавно, как на крыльях. Вот уже и утро сереет, и мы расходимся, тронутые, веселые, честные, трезвые (вина у нас и в помине тогда не было), с какой-то приятной усталостью на душе... и даже на звезды как-то доверчиво глядишь, словно они и ближе стали, и понятнее»¹.

Так «рыцари круглого стола», собиравшиеся в мезонине дома Лаптевой, расходились по пустынным и тихим переулкам Старой Конюшенной.

В заключение можно привести несколько отзывов о самом Станкевиче и его кружке.

«Круг Станкевича... свое сделал, и сделал самым блестящим образом, влияние его на всю литературу и на академическое преподавание было огромное...», — утверждал Герцен².

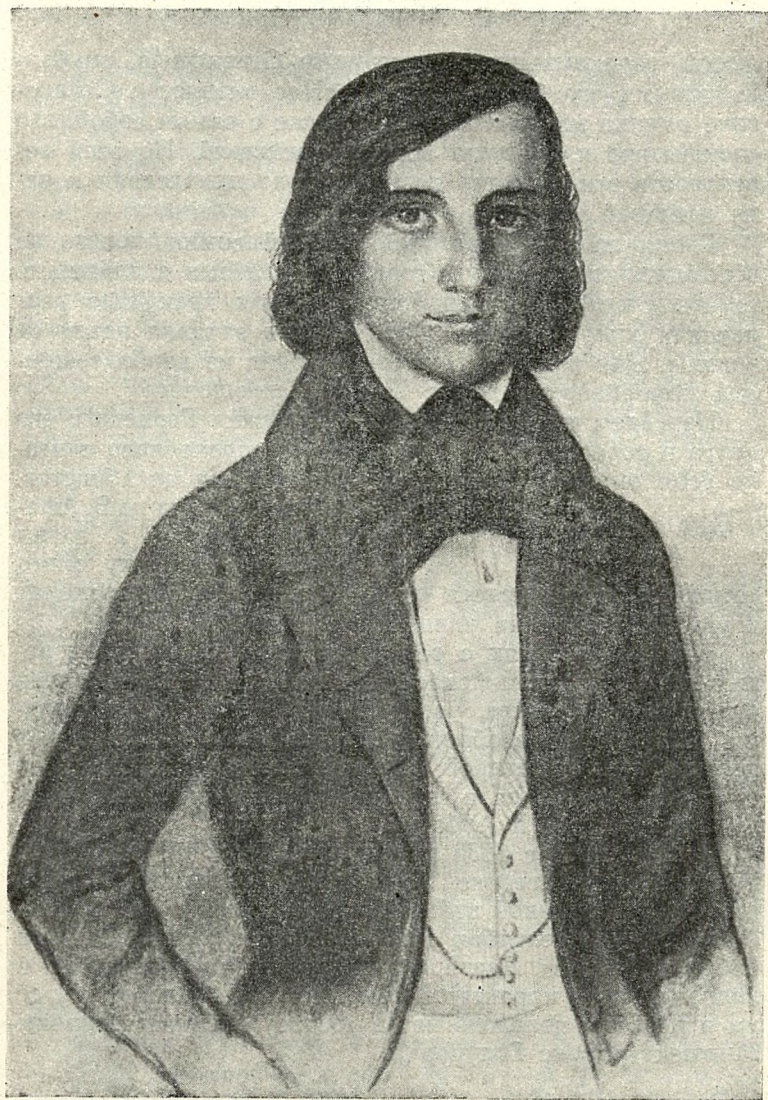
Грановский писал о смерти Станкевича: «Он унес с собой что-то необходимое для моей жизни».

Высоко оценили значение Станкевича и его кружка и революционные демократы — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Первый из них писал: «Из тесного дружеского кружка, о котором мы говорим и душою которого был Н. В. Станкевич, скончавшийся в первой поре молодости, вышли или впоследствии примкнули к нему почти все те замечательные люди, которых имена составляют честь нашей новой словесности от Кольцова до Тургенева. Без сомнения когда-нибудь этот благороднейший и чистейший эпизод истории русской литературы будет рассказан публике достойным образом»³. Добро-

¹ И. С. Тургенев, Соч., 1898, т. IV, стр. 364—365.

² А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 345.

³ Н. Г. Чернышевский. «Очерки гоголевского периода русской литературы», М., 1930, стр. 203.

Н. В. Станкевич
С акварели Л. Беккера
Из собрания Пушкинского музея. Москва

любов, ознакомившись с письмами Станкевича, опубликованными его братом, писал: «Нас пленяет в Станкевиче именно это постоянное согласие с самим собой, это спокойствие и простота всех его действий. По всей вероятности эти качества весьма сильно привлекали к нему и друзей его»¹.

Глядя на этот скромный зеленый домик, нельзя не вспомнить того юношу с горящими глазами и длинными темными кудрями, жизнь которого так прекрасно расцвела в этом мезонине и так быстро зачахла вдали от родины. Для нас дом Лаптевой — один из наиболее ценных мемориальных домов Старой Конюшенной².

Перейдем к смежной теме — к кружку Герцена и его друга и соратника Огарева, которые справедливо считали себя вместе с Белинским преемниками декабристов.

*Дом № 10 по улице
Кропоткина*

Экскурсионная группа по Б. Афанасьевскому переулку, а затем по Чертольскому переулку, мимо домика, сохранившегося от XVII в. (д. № 3), подходит к угловому дому на улице Кропоткина (д. № 10).

Большой особняк с остатками сада за чугунной решеткой, с балконом-фонарем на углу, с внушительными пилястрами в центре, увенчанными пышными капителями. Дворянский особняк, поместившийся на одной из главных артерий старой столицы, заметно отличается от скромных особняков в переулках, расположенных между Пречистенкой и Арбатом.

В этом доме с 1839 г. жил декабрист М. Ф. Орлов, женатый на Екатерине Николаевне Раевской, дочери героя Отечественной войны. Пушкин писал о ней Вяземскому 13—15 сентября 1825 г.: «Моя Марина славная баба: настоящая Екатерина Орлова». Пушкин имел в виду властный характер жены Михаила Федоровича, ее ум и крассту, положенные в основу образа Марины Мнишек («Борис Годунов»).

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., 1936, т. III, стр. 67.

² Во время экскурсии можно ограничиться (по выбору) несколькими из приведенных здесь текстов. Желателен показ портрета Станкевича.

В этом доме посещал М. Ф. Орлова Герцен, запечатлевший портрет этого выдающегося человека в «Былом и думах».

«Михаил Федорович Орлов был одним из основателей знаменитого Союза благоденствия, — пишет Герцен. — Благодаря заступничеству брата он избежал кары, постигшей декабристов. Первоначально его послали в деревню, а потом разрешили вернуться в Москву. Но М. Ф. Орлов был парализован во всех своих действиях... Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стучался он в решетку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его съедала... Лев был осужден праздно бродить между Арбатом и Басманной, не имея даже возможности давать волю своему языку»¹. Герцен с грустью видел, как этот «лев» угасал на его глазах.

«Болезненное выражение, задумчивость и какая-то некая угловатость» поразили Герцена.

Так в Старой Конюшенной сходило с исторической сцены то поколение, из рядов которого вышли декабристы.

В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена»².

В нашей экскурсии, таким образом, затронут один из пластов сменяющихся представителей революционной традиции — пласт дворянский. В нем нужно различать два наслоения: первое — поколение декабристов, второе — поколение Герцена.

Прощаясь с домом, где угасла жизнь М. Ф. Орлова, следует отметить, что на Пречистенке, кроме Михаила Федоровича, жило еще 4 декабриста. В доме № 7 — Н. В. Всеволожский, в доме № 14 — А. П. Вяземский, в доме № 17 — И. Г. Бибииков, в доме № 21 — А. А. Тучков.

¹ А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 145.

² В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 462.

Особняк Хрущевых
(ул. Кропоткина,
д. № 12)

Для конкретизации представления об обиталищах людей той эпохи, об их дворянских гнездах, трудно найти в Москве более

подходящий объект, чем дом, принадлежавший некогда Хрущевым — тамбовским помещикам, разбогатевшим на откупах. Их имя носит близлежащий переулочек — Хрущевский. Перед нами роскошный особняк послепожарной Москвы, построенный в 1814 г. лучшими архитекторами того времени Жилярди и Григорьевым.

Усадьба ограничена улицей Кропоткина и переулками Хрущевским и Чертольским. Барский дом занимает угол, где смыкается улица Кропоткина с Хрущевским переулком. Один из его великолепных портиков выходит на улицу, другой обращен к переулку.

Деревянный дом оштукатурен и украшен так, что производит впечатление каменного. Лишь низ его облицован белым камнем, что придает особую торжественность зданию, как бы воздвигнутому на цоколе. Дом декорирован в стиле ампир. Ионические колонны двух портиков, роскошные фризы над ними, львиные головы в оконных замках, рустовка между окон, лепные рельефы из голов медуз, тигров, грифонов, пересекающие друг друга лавровые венки и, наконец, прекрасный барельеф на мифологический сюжет (работы Витали). На фронте — родовой дворянский герб. Все это в своем сочетании создает впечатление исключительной праздничности. С обеих сторон дома — террасы с ажурной чугунной решеткой; здесь некогда были цветники. Со стороны Чертольского переулочка к дому примыкает сад. В углу — прекрасный павильон, завершающий ансамбль усадьбы.

Дом Хрущевых производит впечатление барского дома под Москвой, перенесенного на улицу столицы. Усадебному барскому дому пришлось приспособиться к городу, и вместе с тем он как бы замкнулся от городской суеты, «ушел в себя». Здесь нет широкого *cour d'honneur* (парадного двора), гостеприимно раскрывающего вход внутрь дома. Вход в усадьбу отнесен в глубь переулочка, — там ворота в центре ограды, построенной полукругом и украшенной полуколоннами. В обширном дворе — мно-

гочисленные службы; налево от ворот — конюшни и каретный сарай.

Таким образом, мы видим, что помещичий дом, перенесенный в город, видоизменился. Там, среди полей и лесов, фасад барского дома обращен к парадному двору, а другая архитектурно украшенная сторона его обращена к парку, будучи расположена по той же оси на противоположной стороне здания. Здесь же наиболее богатые по архитектурной декорации стороны дома не связаны ни с садом, ни с двором — они обращены к улице и к переулку. Город предъявил свои права; усадебный дом подчинился им, но вместе с тем по возможности замкнулся, раскрыв вход в свои покои с той стороны, которая отвернулась от улицы.

Герцен писал о московских барских домах: «Вообще, в Москве жизнь больше деревенская, чем городская, только господские дома близко друг от друга»¹. Действительно, переулки Старой Конюшенной представляли собою маленькие подмосковные усадьбы, которые срослись вместе и образовали сплошную ткань города. В другом месте Герцен писал о Москве своего времени, что она является «гигантским развитием богатого села»².

Дом Хрущевых на Пречистенке своей пышностью значительно превосходил другие дворянские гнезда, расположенные в переулочках. Но он может дать представление о домах Старой Конюшенной слободы ввиду того, что сохранил все типические черты той эпохи. Нужно значительно упростить его облик, и мы получим типичный образец тех домов, в которых в 30—40-х гг. прошлого столетия была сосредоточена литературная жизнь Москвы.

Старо-Конюшенный переулочек

От дома Хрущевых наш путь лежит к тому переулку, который сохранил имя былой слободы, — Старо-Конюшенному. К нему можно пройти сначала по Хрущевскому переулку, а затем, свернуть налево, по Гагаринскому.

¹ А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 446.

² А. И. Герцен, «Москва и Петербург», Соч., 1915, т. III, стр. 11.

Здесь, в доме № 4, останавливался А. С. Грибоедов, когда его везли на допрос в качестве причастного к делу декабристов. Этот дом принадлежал Д. Н. Бегичеву, брату друга Грибоедова — С. Н. Бегичева. Хозяин дома Дмитрий Никитич был писателем; ему принадлежит некогда известная повесть «Семейство Холмских». Дом этот, несколько модернизированный, все же еще сохраняет черты своего времени (в лепных украшениях, в чугунной решетке балкона). Грибоедов избрал для своей остановки этот дом, так как он, видимо, боялся бросить тень на свою семью или на своего ближайшего друга Степана Никитича. Таким образом, этот старый домик возвращает нас к теме декабристов.

Итак, мы в центре Старой Конюшенной слободы, память о которой сохранилась в этом тихом переулке, носящем то же название.

Характеристику этого исконного района дворянских особняков мы найдем в «Записках революционера» П. А. Кропоткина, имя которого носит главная улица этого района, бывшая Пречистенка: «Из всех московских частей, быть может, ни одна так не типична как лабиринт чистых, спокойных улиц и извилистых переулков, раскинувшихся за Кремлем между Арбатом и Пречистенкой, и известный под именем Старой Конюшенной».

Далее автор дает характеристику социальной физиономии района: «...тут жило и медленно вымирало старое московское дворянство, имена которого часто упоминаются в русской истории до Петра I. Эти имена исчезали мало-помалу, уступив место именам новых людей, «разночинцев», призванных на службу основателем Российской империи. Чувствуя, что его оттеснили при петербургском дворе, родовитое дворянство удалилось на покой либо в Старую Конюшенную, либо в свои живописные подмосковные. Оттуда оно глядело с некоторым презрением и с тайной завистью на пеструю толпу, занявшую высшие правительственные должности в новой столице на берегах Невы»¹.

¹ П. А. Кропоткин, «Записки революционера», 1920, стр. 1—2.

Действительно, в этом районе жили некогда князья: Кропоткины, Вяземские, Долгоруковы, Шаховские, графы Орловы, а также Гагарины, Горчаковы, Тургеневы, Яковлевы и другие семьи, имена которых «блистали и под пером Карамзина», которые прозвучали «в родных преданьях».

Герцен, также описывавший преимущественно дворянскую Москву Старой Конюшенной, писал: «В ней не приходит все к одному знаменателю, а живут себе образцы разных времен, образований, слоев, широт и долгот русских. В ней Ларины и Фамусовы спокойно оканчивают свой век, но не только они, а и Владимир Ленский, и наш чудак Чацкий, Онегиных было даже слишком много»¹.

Теперь ландшафт Старо-Конюшенного переулка мало напоминает изучаемую нами эпоху. Здесь, на углу Сивцева Вражка, высится дом-новостройка; большинство домов—позднейшего происхождения. Лишь дома №№ 29 и 31 в некоторой степени могут перенести нас в далекое прошлое.

Малый Власьевский переулок

Близлежащий Малый Власьевский переулок в большей степени дает представление об облике Старой Конюшенной. Здесь сохранилось немало небольших деревянных особняков с садиками.

Один из лучших образцов стиля ампира в деревянной архитектуре, встречающихся в переулочках столицы, — небольшой, обветшалый домик в 7 окон с мезонином (д. № 5, вход со двора). Низ рустован, как в домах каменной архитектуры. Над окнами типичные для ампира «замки» с львиными головами, рельефы с изображением листьев аканфа и грифонов. На фронтоне — следы исчезнувшего венка. Сопоставление такого дворянского домика с дворцом-домом Пашковых (ныне Библиотека им. Ленина) — яркое свидетельство об имущественных различиях внутри дворянского класса.

Менее сохранил типичные черты эпохи дом № 8/10. Все же и в этот особняк вход со двора, и здесь бельэтаж доминирует над другими этажами. В этом доме

¹ А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 447.

провел свои отроческие годы и годы ранней юности П. А. Кропоткин. Живя здесь, он наблюдал быт Старой Конюшенной.

Вернемся к его описанию в «Записках революционера». «В этих тихих улицах, лежавших в стороне от шума и суеты торговой Москвы, все дома были очень похожи друг на друга. Большею частью они были деревянные, с яркозелеными железными крышами; у всех фасад с колоннами, все выкрашены по штукатурке в веселые цвета. Почти все дома строили в один этаж, с выходящими на улицу семью или девятью большими светлыми окнами. Второй этаж допускали лишь в мезонине, выходящем на просторный двор, обстроенный многочисленными службами. Во двор вели широкие ворота, и на медной доске над калиткою обыкновенно значилось: «Дом порутчика или штабс-ротмистра и кавалера такого-то». С различными оговорками к типу этого дома можно отнести ряд осмотренных нами домов, утративших уже те или другие характерные черты.

Но не только неподвижный ландшафт Старой Конюшенной воссоздает Кропоткин, — он оживляет его и бытовыми картинами. «Лавки в эти улицы не допускались, за исключением разве мелочной или овощной лавочки, которая ютилась в деревянном домике, принадлежавшем приходской церкви. Зато на углу наверно уже стояла полицейская будка, у дверей которой днем показывался сам будочник с алебардой в руках, чтобы этим безвредным оружием отдавать честь проходившим офицерам. С наступлением же сумерек он вновь забирался в свою полицейскую будку, где занимался или починкой сапог, или изготовлением какого-нибудь особенного забористого табака, на который предьявлялся большой спрос со стороны пожилых слуг из соседних домов».

Далее в «Записках революционера» мы находим описание дня на Старой Конюшенной. «Жизнь текла тихо и спокойно в этом Сен-Жерменском предместье¹ Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гу-

¹ Аристократический район в Париже. Здесь — в ироническом смысле.

Фрагмент фасада деревянного дома по М. Власьевскому пер., № 5
Первая половина XIX в.
Музей Академии архитектуры. Москва

вернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Позже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках, а то в старомодных — громадных и просторных, на высоких висячих рессорах — каретах, запряженных четверкой, с форейтором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено, а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими. В те дни «идеи» еще не были в ходу; еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась драмой или же ночным посещением жандармов.

Усадьба № 8/10 принадлежала графине А. И. Толстой — прабабушке Л. Н. Толстого и бабушке Федора Толстого. Во время пожара 1812 г. дом ее сгорел, и лишь к концу 30-х гг. был построен новый — ныне существую-

щий. В этом доме у Толстых побывал Пушкин. В 1838 г. дом купила Семенова — знаменитая трагическая актриса, вышедшая замуж за Гагарина. В 1842 г. здесь жил со своей семьей А. И. Герцен по возвращении из ссылки. Герцен был арестован в 1834 г. в доме своего отца на той же Старой Конюшенной и сослан в Пермь. Наступила уже та эпоха, когда в особняки Старой Конюшенной начали заглядывать жандармы.

Кропоткин здесь жил в 50-х годах.

По Малому Власьевскому и Гагаринскому переулкам проходим в Большой Власьевский переулок.

**Большой Власьевский переулок.
Церковь Власия**

Церковь Власия построена в классическом стиле второй половины XVIII века.

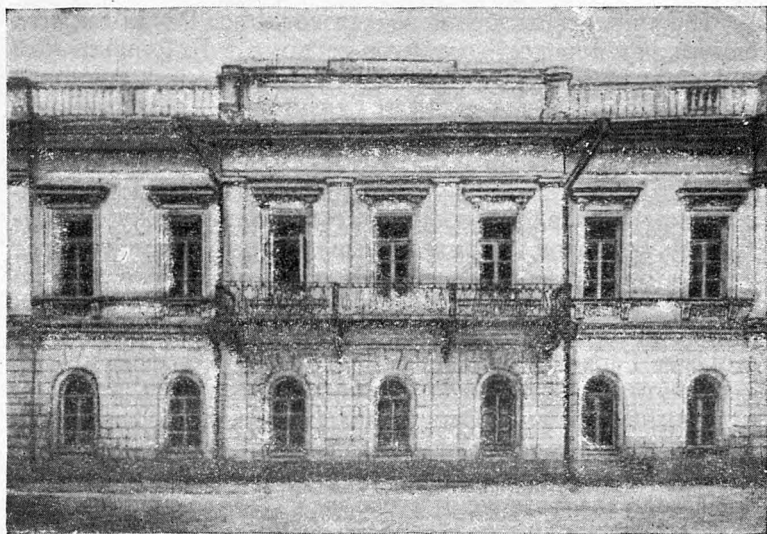
Это одна из многочисленных приходских церквей Старой Конюшенной. В те времена церковь являлась центром, к которому тяготел весь быт ее прихода. Даже в адрес-календарях место жительства определялось по названию приходской церкви, как мы уже видели на примере адреса дома Лаптевой, указанном Н. В. Станкевичем. Часто улицы и переулки получали названия от находившихся на них церквей.

С церковью Власия связано воспоминание о Герцене: его отец, несмотря на то, что был вольтерьянец, заставлял своего сына посещать церковь Власия. «Каждый год отец мой приказывал мне говеть». Старик делал это не из религиозных убеждений, а приличия ради, для соблюдения традиций Старой Конюшенной.

Двор дома И. А. Яковлева (Б. Власьевский переулок, д. № 14)

Большой многоэтажный дом новой стройки (д. № 14) построен на месте усадьбы, где протекли отроческие и юные годы Герцена.

Войдем в его большой двор, где находится каменный жилой дом. При внимательном осматре бросится в глаза, что дом этот надстроен. Ясно выделяются два первых этажа, над которыми виднеется декоративный пояс из «сухарики» — излюбленное украшение старых домов. Может возникнуть мысль, что перед нами дом, где жил Герцен, дом, искаженный перестройкой, — но это неверно. В действительности дом Герцена, согласно плану, хранящемуся в архиве Моссовета, находился ближе к

Дом И. А. Яковлева по Б. Власьевскому переулку, № 14
Из собрания Института литературы. Ленинград

улице, посреди двора. Этот дом был снесен вскоре после юбилея Герцена—столетия со дня его рождения (1912 г.).

Сохранилось несколько описаний исчезнувшего мемориального дома. Он был куплен отцом Герцена в 1824 г. у А. П. Румянцева, который, в свою очередь, приобрел его в начале XIX века у князя П. П. Шаховского. Семья Герцена сюда переехала из Путинок (район за Страстным монастырем). «Новый дом был печален, он напоминал тюрьму или больницу; нижний этаж был со сводами; толстые стены придавали окнам вид амбразур; кругом дома со всех сторон был ненужной величины двор»,— так характеризует новый дом сам Герцен («Былое и думы»). Т. П. Пассек в своих мемуарах пишет, что дом «наружностью походил на фабрику или скорее тюрьму; в нижнем этаже были окна с железными решетками»¹.

¹ Т. П. Пассек, «Из дальних лет», 1931, стр. 133.

Сохранилось изображение этого дома. Глядя на этот снимок, трудно понять сравнение дома в Б. Власьевском с фабрикой или тюрьмой. Его нижний этаж рустован во вкусе эпохи; над окнами бельэтажа — декоративные выступы. Вместо обычного фронтона дом был украшен аттиком¹, окруженным балюстрадой. Центральная часть несколько выступала. В углах выступа находились скромные пилястры, вдоль протянулась веранда с ажурной чугунной решеткой. Приведенные выше отрицательные оценки очень любопытны, — на нас этот строго классический стиль производит уже совершенно иное впечатление. В чем же дело? Чем вызвана такая оценка со стороны Герцена, человека, прекрасно умевшего ценить архитектуру? Ответ будет ясен, если сравнить этот дом с домом Хрущевых. Отсутствие колонн, рельефов, мезонина — всех тех привычных особенностей домов той эпохи — создавало впечатление суровости и скучной простоты. А ведь впечатление от этого дома относится к юным годам Герцена, когда декоративные элементы особенно ценятся.

Т. П. Пассек в упомянутых уже мемуарах дает описание интерьеров этого дома. «В верхнем этаже — длинная зала, выходящая окнами на две противоположные стороны, разделялась поперек широкими ширмами. Узкая часть образовала род коридора, с дверью в переднюю. В широкой — подле ширм стоял диван, перед ним крутой раздвижной стол красного дерева; на нем обедали, пили чай, вокруг него собирались вечером посетители. Из зала одна дверь вела в небольшой кабинет Саши, там он спал на широком турецком диване, а днем, сидя на нем перед открытым ломберным столом, брал уроки, читал, занимался. Карельской березы шкаф с книгами, три плетеных стула, парусиновые шторы на окне составляли все убранство комнаты, в которой прошли последние годы отрочества и первые годы юности Саши. Под окном его комнаты рос тополь, такой высокий, что ветвями затемнял часто окна. Рядом с кабинетом Саши,

¹ Архитектурная деталь, помещающаяся над фризом. Атик представляет собой стенку, предназначенную для надписей и рельефов.

в крошечной комнатке, помещались его электрические и пневматические машины, глобусы — небесный и земной, на стенах висели ланд-карты, у стола стоял железный столик, весь исчерченный перочинным ножичком»¹.

Эта выдержка дает нам редкую радость — представить так конкретно, так детально обстановку, окружавшую юные годы великого человека. Здесь он слушал рассказы о французской революции своего учителя «якобинца» Бушо, здесь он с увлечением вслушивался в строки первой главы «Онегина», которую читал ему его любимый учитель «с теплой человеческой душой» — Протопопов. Здесь он зачитывался свободолюбивыми драмами Шиллера.

Маленький Шушка (домашнее имя Герцена) уже давно задумывался над участью крепостных. Часто забегал он к дворовым своего отца. Все, что он слышал и наблюдал, заставляло его все более проникаться ненавистью к их рабскому состоянию. «Я довольно нагляделся, как страшное сознание крепостного состояния убивает, отравляет существование дворовых, как оно гнетет, одуряет их душу», — говорил он.

Особенно потрясло маленького Герцена самоубийство крепостного, принадлежавшего его дяде Льву Алексеевичу, — К. Д. Толочанова. «Я слышал потом, — вспоминал он в «Былом и думам», — его стон и страдальческий голос, повторявший: «Жжет, жжет! огонь»... Тело лежало на столе в том виде, как он умер... черты его были страшно искажены и уже почернели. Это было первое мертвое тело, которое я видел»².

Когда Герцен вспоминал свои юные годы, «мрачные образы мучеников, безнадежных страдальцев» печально проходили в его памяти.

В эти же годы трогательно и искренно прозвучала клятва, произнесенная Сашей Герценом и Ником Огаревым, клятва на Воробьевых горах. Перед лицом всей Москвы мальчишки поклялись посвятить свою жизнь борьбе за освобождение народа.

¹ Т. П. Пассек, «Из дальних лет», 1931, стр. 134.

² А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 34 и 37.

В этом доме «весть о казни декабристов разбудила младенческий сон» души Герцена. Вместе со своим другом Огаревым, спутником всей его жизни, он считал себя преемником дела декабристов. Ненависть ко всему строю крепостнической России, к ее «самодержцу» Николаю I с холодными, «зимними глазами» уже тогда овладела душой будущего издателя «Полярной звезды» и «Колокола».

Так в этом особняке, окруженном «ненужной величия» двором, уже определился путь того, о ком писал В. И. Ленин: «Он поднял знамя революции»¹.

В студенческие годы, когда Герцен уже не жил в старом доме, он писал: «В 1830 г. отец мой купил возле нашего дома другой, больше, лучше и с садом; дом этот принадлежал графине Ростопчиной, жене знаменитого Федора Васильевича. Мы переехали в него»².

Герцен сохранил о старом доме самые теплые воспоминания. По возвращении из ссылки он первым делом посетил дом своего детства. «Одна из самых замечательных статей для меня был наш старый, забытый каменный дом,—писал он 6 сентября 1839 г.—Я бродил по пустым комнатам его, и сердце билось: в этот дом я переехал ребенком (1824 г.) и прожил 9 лет. Тут родилась первая мысль, первый восторг, тут душа распустилась из почки; тут я был юн, неопытен, чист, свеж. Я всматривался в стены, черты карандашом остались, разные нарезки, как было 10 лет тому назад... примеривая комнаты к душе, вижу, сколько душа переменялась»³.

Этот дом стал местом паломничества не только для Герцена, но и для его неизменного друга Огарева. Поэт

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 467.

² М. К. Лемке приводит другую дату покупки этого дома — 1835 г. (см. Собр. соч. Герцена под ред. М. К. Лемке, т. XII, стр. 181). Возможно, что купчая крепость была оформлена позднее, а семья Герцена переехала до ее оформления. Но на данные Лемке положиться нельзя, так как в отношении покупки третьего дома (Тучковского) Лемке в XII т. называет 1839 г., а в III т. — 1843 г. Но и сам Герцен забыл дату покупки дома гр. Ростопчиной: в другом месте он приводит другую.

³ А. И. Герцен, Собр. соч., т. II, стр. 328.

побывал здесь в том же 1839 году и в связи с этим написал стихотворение «Старый дом»:

Старый дом, старый друг, посетил я
 Наконец в запустенья тебя,
 И былое опять воскресил я,
 И печально смотрел на тебя.
 Двор лежал предо мной неметенный,
 Да колодец валился гнилой,
 И в саду не шумел лист зеленый,
 Желтый, тлел он на почве сырой.
 Дом стоял обветшалый уныло,
 Штукатурка обилась кругом.
 Туча серая сверху ходила
 И все плакала, глядя на дом.
 Я вошел. Те же комнаты были.
 Здесь ворчал недовольный старик¹;
 Мы беседы его не любили —
 Нас страшил его черствый язык.
 Вот и комната: с другом, бывало,
 Здесь мы жили умом и душой;
 Много дум золотых возникало
 В этой комнатке прежней порой.
 В нее звездочка тихо светила,
 В ней остались следы на стенах:
 Их в то время рука начертила,
 Когда юность кипела в душах.
 В этой комнатке счастье былое,
 Дружба светлая выросла там...
 А теперь запустенье глухое,
 Паутины висят по углам.
 И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
 На кладбище я будто стоял,
 И родных мертвецов вызывал я,
 Но из мертвых никто не восстал.

Эта привязанность к местам, с которыми сроднилась душа, привязанность к «милому пределу» — чрезвычайно характерная черта людей 30—40-х годов прошлого века. Здесь можно вспомнить и посещение Пушкиным с Михайловского («Вновь я посетил...»), и Лаврецкого, заглянувшего в «дворянское гнездо» Калитиных спустя много лет после того, как из него ушла Лиза. Этот мягкий лиризм воспоминаний, это стремление через общение с местом воскресить прошлое весьма характерны и для самого Герцена.

¹ Отец Герцена. — Н. А.

Теперь покинем опустевший двор, застроенный новым зданием, и перейдем к тем домам, которые были приобретены отцом Герцена по соседству.

*Тучковский дом
(Сивцев Вражек,
д. № 27)*

Дом № 27 по Сивцеву Вражку—типичный дом Старой Конюшенной: с мезонином (в три окна), с фронтоном и десятью окнами

по фасаду. Подвального этажа нет. Лепные украшения (позднейшего происхождения) представляют собою гирлянды, подвешенные на гвоздиках, — излюбленный мотив стиля Людовика XVI. В настоящее время дом окрашен в желто-зеленый цвет. Выхода на улицу нет, вход со двора — через выступающее крылечко. К дому прилегает небольшой садик, в котором весной цветет сирень. Внутри дом сильно изменен: комнаты разделены перегородками; лестница, которая некогда вела в мезонин, исчезла — туда теперь поднимаются по ступенькам наружной лестницы.

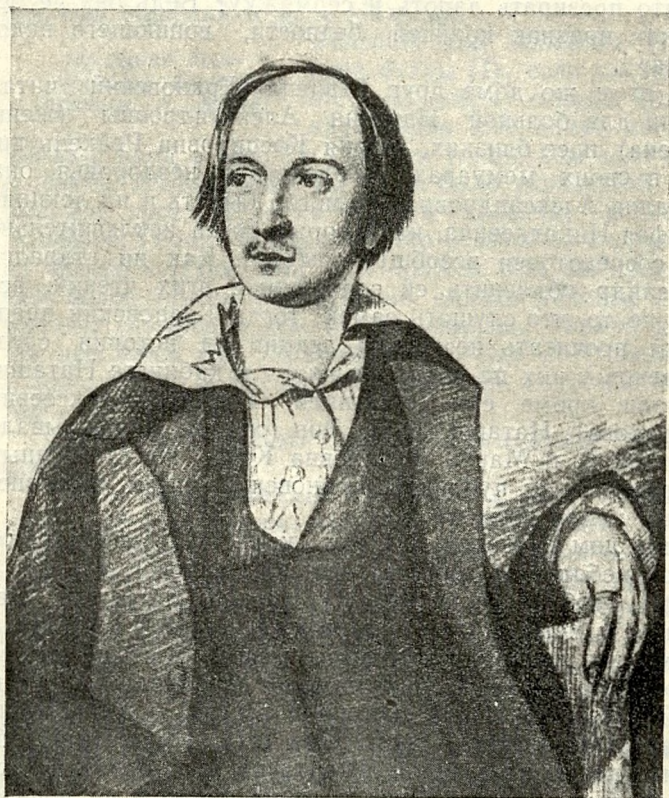
Это не тот дом с садом, куда переехал Герцен в студенческие годы. В этом уютном и скромном домике жил он много позднее—с осени 1843 г. до начала 1846 г.

Здесь протекали самые лучшие годы московской жизни великого человека. В эти годы он написал «Письма об изучении природы»; в ряде блестящих очерков автор показал поступательный ход развития человеческой мысли. В. И. Ленин дал высокую оценку этому труду, наравне со статьями Герцена «Дилетантизм в науке». Ленин писал: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»¹.

Здесь писал Герцен свои повести «Доктор Крупов» и «Сорока-воровка», а также социальный роман «Кто виноват?» Во всех своих художественных произведениях он развил общие идеи, изложенные в его философских трактатах.

П. В. Анненков (петербургский литератор, близкий к московскому кружку западников) в статье «Замечательное десятилетие» писал: «В одно из утренних моих посещений Герцена (в мезонине его дома на Сивцевом

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 464.

А. И. Герцен

С рисунка А. Рейхеля. 1842

Из собрания Государственного Исторического музея. Москва

Вражке, где помещался его кабинет) он заговорил о презрении... «к мужицкому быту». Герцен возмущался: «за что презирать лапоть и сермяжку? Ведь они не более как признак крайней бедности, вопиющего недостатка»¹.

В этом же доме друг Герцена—Грановский читал лекции для больной Наталии Александровны (жены Герцена) и ее близких. Мария Каспаровна Рейхель писала в своих мемуарах: «Вследствие нездоровья она (Наталия Александровна) не могла бывать и на лекциях Тимофея Николаевича, на которых тогда исключительно был сосредоточен всеобщий интерес. Как ни старался Александр объяснить ей содержание этих чтений, все было не то, что слушать самой; тогда Грановский предложил прочесть несколько лекций из истории средних веков у них на дому. Он читал в кабинете Наташи; слушали, кроме его товарищей, Татьяна Алексеевна (Астракова), Наташа, М. К. Эрн (она же и записывала эти лекции) и Мария Федоровна Корш. Не стесненный ни цензурой, ни публикой, Грановский читал серьезно, сильно, полно поэзии»².

Этот дом сделался центром кружка «западников». «Наш небольшой кружок,—писал Герцен в «Былом и думах»,—собирался часто то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядом с болтовней, шуткой, ужином и вином шел самый деятельный, самый быстрый обмен мыслей, новостей и знаний; каждый передавал прочитанное и узнанное, споры обобщали взгляд, и выработанное каждым делалось достоянием всех. Ни в одной области веденья, ни в одной литературе, ни в одном искусстве не было значительного явления, которое не попало бы к кому-нибудь из нас и не было бы тот час сообщено всем»³.

Таким образом, этот дом в Сивцевом Вражке, приобретенный для Герцена его отцом у Тучкова⁴, сделался

¹ П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», 1928, стр. 333—334.

² М. К. Рейхель, «Отрывки из воспоминаний», 1909, стр. 33.

³ А. И. Герцен, «Былое и думы», т. I, стр. 410—411.

⁴ Тучков принадлежал к семье, связанной с движением декабристов и прославленной еще в Отечественную войну.

очагом русской культуры 40-х гг. Но не только этим он был дорог Герцену,—здесь протекали особо счастливые годы его семейной жизни, здесь родились и дети его: сын Николай и дочь Наталия.

**«Большой дом»
Герцена (Сивцев
Вражек, д. № 25)**

Большой дом «покоем» (т. е. в виде буквы П), если смотреть на него со двора, откуда (как это характерно для домов того времени) и вход в дом. Со стороны улицы дом серо-желтого цвета, лишен каких бы то ни было украшений, типичных для эпохи, если не считать скромных оконных наличников. Герцен очень нелестно отзывался о старом доме своего детства; этот дом должен был бы произвести еще более унылое впечатление, однако никаких отрицательных отзывов о нем не сохранилось. Можно думать, что дом имел ряд украшений, которые уничтожены, но, к сожалению, в архиве Моссовета не сохранилось чертежа его фасада.

С «большим домом» связаны студенческие годы Герцена.

В том саду, который примыкал к дому и ныне отрезан забором, поздно вечером 24 июля 1834 г. Герцен сидел со своими друзьями Огаревым, Сазоновым и Наташей Захарьиной (его будущей женой). Молодые люди не подозревали, какая над ними нависла угроза. В этот памятный вечер была устроена провокатором Скареткой вечеринка, где пелись песни на слова Соколовского, направленные против царя. Начались аресты в кругу знакомых Соколовского. Сперва был арестован Огарев, вслед за ним Герцен. По существу оба друга были привлечены к делу о пении «возмутительных песен» лишь формально. Царские жандармы были обеспокоены распространением в русском обществе идей утопического социализма. Огарев в своей автобиографической поэме «Юмор» писал:

Пророки сильным языком
Уже вещали между нами,
И Charles Fourier и Saint-Simon¹
Чертили план иных времен².

¹ Шарль Фурье и Сен-Симон.

² Н. П. Огарев, Соч., 1938, ч. II, стр. 43.

Арестованный Герцен был сперва помещен в «дом под Каланчой» на Пречистенке (ныне ул. Кропоткина, д. № 22). Отсюда водили его на допрос в дом обер-полицмейстера на Тверском бульваре (д. № 22), наискось от того дома, где родились и Герцен и его будущая жена (д. № 25). Через некоторое время Герцен был переведен в тюрьму, устроенную в Крутицких казармах, на высоком берегу Москвы-реки. Приговор по делу Герцена и его друзей был объявлен им в доме градоначальника на Тверской улице (ныне дом Моссовета). Началась скитальческая жизнь автора «Былого и дум».

В отсутствие Герцена его отец Иван Алексеевич, угрюмый старик, жил в этом доме, пряча свою безысходную тоску за едкой иронией. Он умер уже после возвращения сына из новгородской ссылки, устроив его по соседству в уже знакомом нам тучковском доме. Умер отец Герцена в 1846 г. В Новодевичьем монастыре близ трапезной можно видеть черную могильную плиту с именем Ивана Алексеевича Яковлева. Рядом — могилы его отца, брата Льва (сенатора) и сестры Марии («грозной княгини»).

После смерти отца Герцен переехал из тучковского дома в этот «большой дом». Но жил он здесь уже не долго. Он рвался за границу, чтобы хоть на время избавиться от гнета николаевского режима. Покидая этот дом, ни Герцен, ни его близкие не думали, что это будет вечная разлука.

19 января 1847 г. «большой дом» опустел.

На чужбине добровольный изгнанник постоянно вспоминал родину и дорогие ему места в Москве и подмосковных. Он писал Марии Каспаровне Рейхель в 1855 г.: «Когда же мы с вами на старости лет сядем у печки в Старой Конюшенной?»¹

В январе 1870 г. Герцена посетил московский старожил Д. Н. Свербеев (живший одно время на Тверском бульваре в том доме, где родился Герцен). 10 января Герцен писал своему другу Огареву: «Свербеев для меня наполняет целый квартал фимиамом Арбата и Пре-

¹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. VIII, стр. 187.

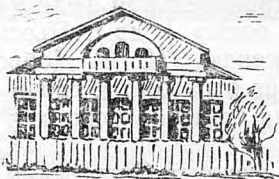
чистенки»¹. Это были последние дни жизни изгнанника. 21 января 1870 г. Герцена не стало. Итак, когда угасала эта замечательная жизнь, она была согрета воспоминаниями о незабвенной Старой Конюшенной.

Экскурсия окончена. Подведем итоги.

Обойдя переулки между Арбатом и улицей Кропоткина, мы убедились, как богаты они воспоминаниями о людях «замечательного десятилетия», о людях эпохи русского романтизма, из которых многие стали выдающимися представителями русского реализма. Всматриваясь в старые, столь характерные дома, выделяя их из общего ландшафта современной столицы, мы вспомнили людей двух поколений: поколения декабристов и поколения Герцена и Белинского. Мы могли убедиться, что Старая Конюшенная была для своего времени центром, где сосредоточилась в 30—40-х гг. жизнь передовой русской интеллигенции, о которой писал «западник» Герцен: «Где, в каком углу современного Запада найдете вы такие группы отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждения, у которых седеют волосы, а стремления вечно юны? Где? Укажите. Я бросаю смело перчатку»². Перчатку, брошенную Герценом, никто не решился поднять.

¹ А. И. Герцен, Собр. соч., т. VIII, стр. 552.

² А. И. Герцен, «Былое и думы», 1932, т. I, стр. 350.

С. Липеровская

МОСКВА А. Н. ОСТРОВСКОГО

ВЕЛИКИЙ драматург реалистического направления А. Н. Островский — продолжатель гоголевской школы. Следуя манере своего учителя Гоголя, он показывает картины современной ему эпохи — середины XIX века — с необычайной точностью и правдивостью, любовно останавливаясь на мельчайших подробностях, на описании внешности, поведения отношений героев, всегда глубоко раскрывает психологию своих героев (пьесы «Бедность не порок», «Гроза», «Бесприданница», «Без вины виноватые», «Лес» и др.).

В основе творчества Островского заложено смелое выражение антидворянских и антикрепостнических тенденций автора. Дворяне, помещики всегда изображаются им в резко отрицательном виде («Бешеные деньги», «Лес», «Волки и овцы» и др.). Пьесы Островского, по удачному выражению Н. А. Добролюбова, — «пьесы жизни». Драматург отражает в своем творчестве то, что можно видеть и на больших улицах и в узких переулочках.

Полнее всего раскрыт Островским мир купечества и чиновничества. Наиболее яркие и удачные образы его — купцы, взятые им из мира провинциального и из среды Замоскворечья той поры. Они еще не порвали с бытом крестьянским, но, испытывая на себе влияние городской культуры, восприняли лишь внешнюю ее сторону. Отсю-

да—борьба старого и нового быта, которая нашла себе яркое воплощение в образах комедии «Бедность не порок».

Задача нашей экскурсии—углубить понимание образов Островского, связав их с тем материалом, на основе которого они созданы автором, показать значение произведений Островского в русской литературе.

Для этого мы и пришли сюда, в Замоскворечье. Не так важно нам воспринять самый дом, в котором родился Островский. Главное—в том, что Замоскворечье знакомит нас с той обстановкой, которая породила и воспитала в Островском писателя, отразилась в его драматических произведениях. Если взглянуть внимательнее в Замоскворечье, можно увидеть, что даже в нынешнее время оно сохранило еще много свидетельств далекого прошлого. Вот дома по Малой Ордынке: одноэтажные с мезонинами, словно в провинциальном городе; двухэтажные каменные дома с дворами, садами, пристройками, длинными заборами, крепкими воротами. Это все купеческие особняки начала прошлого столетия.

Сам Островский по происхождению своему к этому классу не принадлежал. Отец писателя Н. Ф. Островский был сначала на казенной службе, но вскоре отказался от нее, предпочитая стать частным ходатаем среди местного купечества. Отец Н. Ф. Островского—протоиерей, мать—просвирня. Семья писателя—типично разночинная, в которой чиновничий быт переплетается с бытом духовенства. Семья эта пробуждалась с колесным звоном, усердно посещала все церковные службы, с рвением выполняла все предписываемые церковным уставом правила.

*Во дворе дома № 9
по Малой Ордынке*

Подойдем к дому, где прошли детство и юность Островского. Это дом во дворе церкви Покрова, принадлежащий диакону этой церкви; отец писателя снимал у него квартиру. Низенький, двухэтажный домишко с маленькими гляделками-окошками. Низкие, тесные комнаты, разделенные тоненькими перегородками. Дом стоит против церкви, в нескольких шагах от нее.

Зайдем в глубину двора. Дома все повернуты фасадом на улицу, а со стороны двора видны многочислен-

ные, деревянные пристрочки со старыми дверьми на ржавых петлях, с чуланами и чуланчиками. Проходим дальше по двору: все те же палисадники и калитки, за ними погребка, курятники и даже собачьи конуры.

Перед нами крыльцо дома Островского, служившее парадным входом. Островские жили в верхнем этаже этого дома. Деревянная пристройка, ветхое крылечко, узкая лестница с пошатнувшимися ступеньками и деревянными перилами... По этой лестнице часто бегают маленький Саша вверх и вниз. По этой же лестнице поднимаются к отцу его клиенты-купцы, сапоги у них бутылками, поддевки со сборами. Скрипят дряхлые ступени под тяжестью их дородных тел.

Но заглядывали сюда также и купцы европеизированные. Сюртук (редингот), светлые панталоны—все по последней моде, а лицо самое русское: окладистая борода и волосы острижены в скобку, на прямой пробор.

В праздничные дни можно было наблюдать оживление в этом уединенном дворе. Масса народа сует по дорожкам к церкви и от церкви, к калитке и к воротам. У церкви—пестрая шумная толпа: дорогие салопы, цветные шали и платки, темные поддевки со сборами, картузы и меховые шапки, изредка военные шинели и фуражки. На пасху в прозрачном весеннем воздухе над всем Замоскворечьем — колокольный звон.

Живым и впечатлительным ребенком представляем мы себе маленького Сашу (руководитель экскурсии даст эти сцены «живым словом»), воспитывавшегося без гувернеров и учителей, предоставленного самому себе. Главным воспитателем маленького Саши была улица, вот этот двор, сады и дворы соседей, улицы и переулки, прилегающие к дому.

В таком бытовом окружении проходили гимназические годы Островского. Наступают годы студенчества. Учение не привлекает Островского; после двухлетнего пребывания в университете он получает увольнение «за непонятие наук». Что же отвлекает Островского от академических занятий? Университету он предпочитает Печкинскую кофейню и погребок Зайцева у Каменного моста, где приобретает круг друзей. Но этим его интересы не ограничиваются: с юных лет у него развивается

Дом № 9 по Голицовскому пер., в котором родился
А. Н. Островский

Из фототеки Государственного Литературного музея

страсть к театру. Театр водевилей, мелодрам и комедий Шаховского, Грибоедова, Гоголя, так же как и любимая книга, довершает воспитание молодого писателя.

Мы можем представить себе здесь юного Островского возвращающимся из театра поздно вечером по скрипучим, шатким ступеням деревянной лестницы в эти низенькие маленькие комнатки. Усталый, но полный неясных еще ему самому восторгов и надежд, он вновь переживает здесь впечатления от постановки комедий Гоголя (40-е гг.), может быть «Ревизора», «Женитьбы», или комедии Грибоедова в исполнении Мочалова и Щепкина.

Эта страсть к театру разгорелась еще больше у Островского-чиновника (1843 г.), должность которого была не столько выгодна, сколько интересна. «Выгоды довольно большие, а главное—что ни дело, то комедия» («Тяжелые дни», д. 1, явл. 1).

После поступления на службу в Совестьный суд (1843 г.), а затем в Коммерческий (1845 г.), с окладом в 4 руб., потом 7 руб. в месяц, Островскому открылось

широкое поле для наблюдений над типами и бытом чиновников и купцов. Если с детства еще его внимание привлекали частые посетители и клиенты отца, то тем более интереса проявляет он к подобным типам теперь, и очень скоро портфель его оказывается туго набитым всякими заметками и записями портретов, характеров, эпизодов, характерных словечек.

Вот какова внешность писателя в это время. Модный костюм: темный сюртук, светлый жилет, серые брюки, цилиндр в одной руке, изящная тросточка в другой. Бритое русское лицо: крупные черты, небольшие серые глаза, русые волосы, зачесанные на косой пробор. Этот модный европейский костюм и русское простое лицо можно было часто встретить в купеческих кругах того времени.

С конца 40-х гг. Островский выходит на дорогу писателя.

Он сам считает самым памятным днем в его жизни 14 февраля 1847 г., когда он читал у профессора русской словесности С. П. Шевырева в присутствии А. С. Хомякова и Ап. Григорьева свою комедию «Картина семейного счастья». С этого дня А. Н. Островский «стал себя считать русским писателем и уже без сомнений и колебаний поверил в свое призвание»¹.

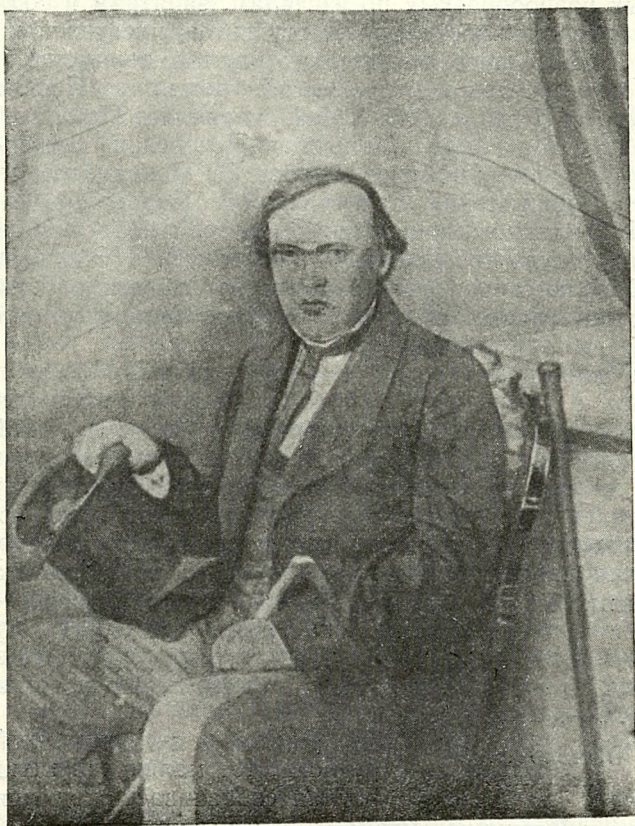
Окружающая Островского среда диктует молодому писателю тематику его произведений, облик действующих лиц и характерность речи, которую он берет из живого фольклора.

Замоскворечье—подлинная родина Островского-писателя: отсюда взяты им и живописный материал, и типологические и индивидуальные прообразы, здесь же завязались дружеские и литературные его связи.

Связь с народным творчеством и интерес к прошлому выросли у Островского под влиянием Замоскворечья. Прежде всего нужно отметить здесь любимую Островским народную песню.

Самым близким другом молодого Островского был поэт и критик Ап. Григорьев. Дом Ап. Григорьева на

¹ Н. М. Мендельсон, «А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах», изд. Думнова и Салаева, М., 1923, стр. 17.

А. Н. Островский
Фотография 50-х годов

Из собрания Государственного театрального музея
им. А. А. Бахрушина

М. Полянке № 12 был центром; где собиралась, как говорили Островский и Иван Горбунов, «наша компания»¹. Ап. Григорьев, как и Островский, вышел из замоскворецкого чиновничества.

Тонкое понимание народной поэзии и любовь к народной песне объединяли в кружке «Молодой Москвитянин» самых разнообразных по взглядам, занятиям и социальной принадлежности людей: студентов, писателей, критиков, актеров, рассказчиков, музыкантов, торговцев и людей неопределенных профессий: романист Писемский, драматург Потехин, поэт Мей, журналист Погодин, беллетристы Максимов, Мельников-Печерский, актер-рассказчик И. Ф. Горбунов, критик Б. Н. Алмазов, музыкант Рубинштейн, артист Пров Садовский, певец Т. И. Филиппов, приказчик Соболев, гитарист Николка Рыжий, скульптор Рамазанов, критик Е. Н. Эдельсон.

Обратимся теперь к той стране, открытие которой, по собственному признанию Островского, принадлежит ему, — к Замоскворечью.

«Милостивые государи и государыни! Спешу поделиться с вами моим открытием, — этими словами начинаются «Записки замоскворецкого жителя», — 1847 г. апреля 1 дня я нашел рукопись. Рукопись эта проливает свет на страну, никому до сего времени не известную и никем еще из путешественников не описанную. До сих пор известно было только положение и имя этой страны; что же касается до обитателей ее, т. е. образа жизни их, язык, нравы, обычаи, степень образованности, — все это было покрыто мраком неизвестности. Страна эта, по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москва-реки, отчего, вероятно, и называется — Замоскворечье»².

**Голиковский
переулок**

Направляемся в Голиковский переулок. Этот маленький тихий переулок сворачивает под прямым углом к Пятницкой улице, а другой конец его теряется у церкви Климента (XVIII век). Прямо — кирпичная гро-

¹ И. Ф. Горбунов, Собр. соч., СПб., 1907, т. III, стр. 171.

² А. Н. Островский, Собр. соч., 1896, изд. «Просвещение», стр. 463—464.

мада доходного дома предреволюционных годов. А рядом с ним сохранились дряхлые скромные особнячки — свидетели давно отошедшего мира: деревянный желтый домик с мезонином и серый особнячок, окруженный небольшими остатками когда-то существовавшего сада с нарядными железными воротами. В простенках дома раньше были колонны.

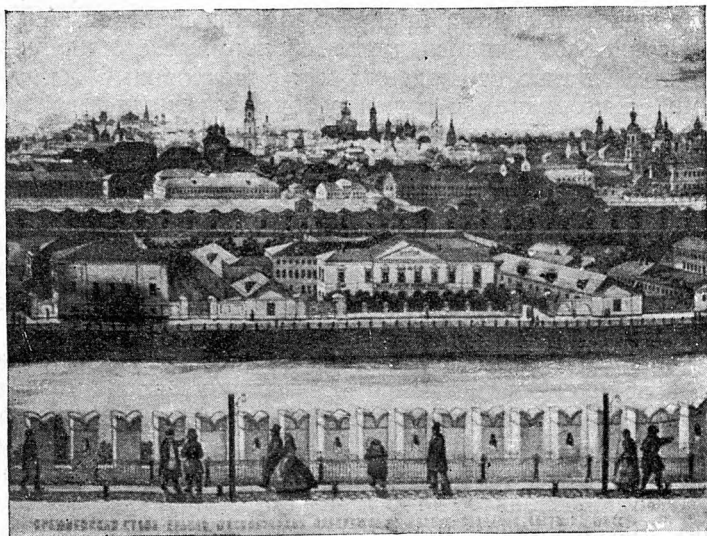
В начале XIX века это дома дворян, а затем разночинцев и купцов, которые уже не имели желания поддерживать барские затеи—украшения и колоннаду. Эти дома помогают нам восстановить пейзаж переулка 40-х и 50-х годов.

Раскрываем план Пятницкой части 50-х годов. Поражает обилие зелени, непрерывные цепи садов по Пятницкой улице и по Голиковскому переулку. От этих садов в переулке теперь почти нет и следа. Каменные купеческие особняки и дворовые стройки по Пятницкой улице и деревянные особнячки по Голиковскому переулку. Здесь камень только у купцов Куниных на углу Пятницкой улицы. Эти строения сохранились и до нашего времени.

На углу у поворота переулка на плане значится полицейская будка, где стоял днем и ночью будочник с алебардой — блюститель порядка, который никому не был страшен. Таким видим мы этого будочника и в произведениях Островского; любимое занятие его — нюхать табак, смешанный с толченым стеклом. Вспоминаем квартального Тигрия Львовича Лютова из пьесы «Не было ни проша, да вдруг алтын». Кстати отмечаем манеру Островского, взятую им у своих предшественников: Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, — давать характеристику персонажей через имена и фамилии, гиперболизируя отдельные их черты: глупость Епишкина, устрашающую жестокость Тигрия Львовича Лютова.

*Угол Пятницкой
улицы и Старого
Толмачевского
переулка*

Выходим на Пятницкую улицу, пересекаем ее и останавливаемся на углу Старого Толмачевского переулка. Это большая торговая улица, «одна из жил Замоскворечья», по выражению Ап. Григорьева. Вглядываемся в линию домов: двухэтажные каменные стройки, креп-

Общий вид центрального Замоскворечья.
Лубок середины XIX в.

Из фондов Государственного Литературного музея

кие заборы, большие дворы и сады. О них хочется сказать словами Кулигина из драмы «Гроза»: «За крепкими запорами, чугунными воротами и что слез льется... невидимых и неслышимых!.. За этими замками разврату темного да пьяного». Со всех сторон в Пятницкую улицу вливаются переулки, названия которых вызывают в нас самые разнообразные ассоциации.

В конце Пятницкой, по направлению к Зацепскому валу, — Болвановские переулки, или попросту Болвановка. Про нее говорит в своих «Записках замоскворецкого жителя» Островский:

«...Рассказывают, что там есть такие места, что и жить страшно. Отчего страшно?—спросите вы. А вот отчего, скажут вам: там есть место, называемое Болванка. А почему она Болванка? Потому, что стоял татарский бог, по-нашему сказать—идол, а по-татарски—бол-

ван. Вот и извольте жить на этом месте. На таких местах хозяева от домов отказываются, никто не покупает, да и самим жить жутко».

Несколько ниже по Зацепскому валу—Зацепский рынок. Об этом рынке слышим мы из уст бедного чиновника Бальзамина в комедии «За чем пойдешь, то и найдешь» (д. 1, явл. 2): «Какое необразование сзирепствует в нашей стороне, страсть!.. Обращения не понимают, человечества нет никакого. Пройди по рынку мимо лавок лишний раз—сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие; только и делают, что собак гладят да играют с ними, а собаки-то, маменька, как львы. Вель по нашему делу иногда раз десять мимо окон-то надо пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить».

Дом № 42 по Пятницкой улице

Пройдем по Пятницкой улице и остановимся около дома № 42. Дом двухэтажный, солидный, каменной стройки начала XIX века—окнами на улицу. В верхнем этаже высокие, просторные комнаты; это комнаты парадные, «неживущие», по выражению одного из персонажей Островского: «А вот это у нас комнаты неживущие: гостиная, да еще другая гостиная, а там зала» («Правда—хорошо, а счастье лучше», д. IV, явл. 1). Окна первого этажа поменьше, и комнаты там должны быть ниже и мрачнее,—здесь помещались приказчики, слуги, здесь же бывала обычно и контора. Дом окружен зеленью садов, направо и налево от него—вычурные железные ворота с крепким затвором, а затем—широкий каменный забор. Архитектура дома и ворота—с большими претензиями; на воротах золотые львы с открытой пастью.

Это такой дом, о котором мечтает Бальзамино: «...Представился мне в уме дом большой, каменный и львы на воротах; только лев будто и разевает рот каменный-то и залаял» («За чем пойдешь...», карт. 3, явл. 3). Сваха Красавина, соблазняя Бальзамино и его маменьку богатым приданым вдовы-кучихи, говорит о подобном доме: «Заведи тебя в середку, да и оставь одну, так ты и заблудишься все равно, что в лесу, и выходу

не найдешь, хоть караул кричи. Я один раз кричала» (там же, карт, 1, явл. 4).

В таком доме можем мы себе представить богатую вдову (этот дом в действительности принадлежал богатой безграмотной купчихе Акулине Дмитриевне Зюзиной), которая томится от сытости и безделья: «Эка тишина, точно в гробу. Раз пять дом-то обойдешь, пыль сотрешь, лампадки оправишь—только и занятия». «Бродишь одна по пустынным комнатам—одурь возьмет». «В этой крепости сидючи, за пятью замками, за семью сторожами только и свету, что в окне» («Правда—хорошо, а счастье лучше», д. 1, явл. 1).

*Во дворе дома № 42
по Пятницкой
улице*

Большой двор. Направо и налево — сады с изящной железной решеткой. Во дворе — каретные сараи, в них коляски, дрожки; в конюшнях — породистые рысаки для выездов (теперь уже конюшни и сараи перестроены под жилые помещения). Задняя часть дома пристроена; границу пристройки отметить легко — остался след от выходной двери и снятого крыльца. В небольшом саду направо—маленькая чугунная скамейка; на таких скамейках сидели тучные купчихи, изнывая от летней жары. Садимся на скамейку во дворе и вчитываемся в речи персонажей Островского: свахи Красавиной, купчихи Белотеловой, Бальзаминава.

Слова свахи Красавиной дают материал для характеристики купеческого быта:

«Вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает. Как овдовела, так никуда не выезжает, все и сидит дома. Ну, а дома что же делать? Известно, покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что же ей делать-то больше. Уж сколько раз я ей говорила: что, мол, ты никуда не съездишь? Али к себе гостей не позовешь? — В гости ехать — говорит, — одеваться надобно, а приедешь — разговаривать нужно» («За чем пойдешь...», карт. 1, явл. 3).

Островский влагает в уста свахи характерный совет:

«Я бы на твоём месте, да с твоими деньгами такое веселье завела, таких чудес бы натворила, что ни о чем бы кроме меня и не разговаривали. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего, позови музыку полковую, мы будем пить, а она чтобы играла. Потом все в сад, а музыка,

чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем. Да так, чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А ворота вели запереть, чтобы не ушел никто. Вот тебе и будет весело. (Там же, карт. 2, явл. 1).

А какова же Белотелова? Вот какой портрет купчихи рисует нам сваха Красавина:

«Собой-то уж очень красавица: телом — сахар, из себя солидна, во всей полноте: как одевается, две девки насилу застегнут, даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли бог дал. Аккурат, «пельсин» («Праздничный сон до обеда», карт. 1, явл. 4).

*В саду дома № 42
по Пятницкой
улице*

Проходим через двор в сад и останавливаемся перед беседкой — круглой, с железными ступеньками и большими львами у входа. Здесь спасались в тени деревьев от жары. Двери беседки раскрыты, над дверьми и в окнах — цветные стекла. Перед беседкой — бассейн, в котором раньше была высокая струя фонтана. Несколько поодаль в былые времена находились оранжереи и баня. Деревянный забор, за забором соседний сад и снова беседка.

Образы Островского встают перед нами живыми.

Подслушаем разговор Красавиной и Белотеловой на скамейке в тени деревьев («За чем пойдешь...», карт. 2, явл. 1).

«— Посидим здесь на воздухе-то. Поговорим о чем-нибудь для времяпровождения.

— Я уж и не знаю, о чем говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

— Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтобы звончее был.

— Войны не слыхать ли?

— Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясется местами, об этом слух есть; местах в трех трясение было.

— Нехорошо.

— Чего хорошего. Сама знаешь, писано об этом. Да вот еще: для всякой осторожности, надо тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

— Откуда же они?

— Из диких лесов, говорят. Днем под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

— Зачем на ходулях?

— Для скорости, ну и для страха.

— Пойдем в беседку, посидим, закусим».

Яркие образы, характерные типы Островского взяты из жизни. Вот отзыв современника Островского—Ф. М. Достоевского: «Уголок Москвы, на который мы взглянули, передан так типично, как будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой»¹.

Речь персонажей Островского—это народная речь, которую автор мог слышать и здесь, в Замоскворечье.

Нигде не найдешь более колоритного языка свахи, чем у Островского в его комедиях «Женитьба Бальзамина» и «Свои люди—сочтемся» (Устинья Наумовна).

«Про Устинью Наумовну,—пишет А. Ф. Писемский Островскому,—и говорить нечего,—я очень хорошо помню этот глубоко созданный вами тип из ваших рассказов. Ее поговорки: серебряный, жемчужный, бриллиантовый,—как нельзя лучше обрисовывают эту подлянку»².

Речь свахи родилась из языка народной песни, из сказки и местного говора, который можно было слышать в Замоскворечье.

*Во дворе дома № 36
по Пятницкой
улице*

Выходим из двора дома № 42, минуем несколько домов по Пятницкой улице и заходим во двор дома № 36. Двухэтажный каменный

дом с деревянным мезонином. Восьмистекольные окна бельэтажа, широкое каменное крыльцо и такая же широкая лестница с деревянными перилами (по такой лестнице удобнее проносить громадные сундуки, кованые железом, с хозяйским добром, а во время молебнов — икону-«заступницу»).

Большой двор с просторными сараями и амбарами. Ведь было что хоронить. Даже для собственного потребления брали из лавок пудами, головами (сахар), бочонками (вина).

Дом № 36, перед которым мы стоим, вызывает в памяти образ купца Самсона Силыча Большова из комедии «Свои люди — сочтемся» — владельца лавок москательных, красных и бакалейных в Китай-городе. Грузная фигура Большова — в черной суконной поддевке со

¹ «Вестник Европы», 1916, № 10, стр. 56.

² «Неизданные письма из архива А. Н. Островского», изд. «Академия», 1932, стр. 335.

сборами, с большим воротником; сюртук и жилетка с золотой цепочкой; сапоги ярко начищенные, бутылками. Лицо грубое, зверски жестокое; густые, нависшие над глазами брови, большие усы и борода, волосы подстрижены в скобку.

В этом же дворе, только не на парадном крыльце, а перед калиткой, у забора, можем мы себе представить Любима Торцова из комедии «Бедность не порок», дрожащего от холода в крещенские морозы. Изношенное летнее пальто, старенькая фуражка, измученное лицо, маленькая жалкая фигура—яркий контраст Самсону Силычу Большову. Любим Торцов—купец, промотавший все свое состояние. Среди таких богачей, как Большов, он стал «по городу скоморохом ходить, по копейке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать, артикулы разные выкидывать».

Таким показывает Островский единственно честного и правдивого из всех представителей купечества—Любима Торцова. Но он пьяница, сбившийся с пути человек и все же выступает в роли обличителя «власть имущих».

*Во дворе дома № 30
по Пятницкой
улице*

Направляем-
ся к дому
№ 30. Ста-
ринная дере-

вянная галлерея второго этажа каменного флигеля выходит во двор тремя сторонами застекленных стен. По обе стороны галлереи—лестницы во второй этаж. Узкая деревянная лестница выходит на заднюю часть двора.

У таких ветхих домишек с ма-

Самсон Силыч Большов—персонаж из пьесы А. Н. Островского „Свои люди—сочтемся“.

По рисунку П. М. Боклевского
Из фондов Государственного Литературного музея

ленькими низенькими квартирками можем мы вспомнить мелких, жалких чиновников.

Таков отставной чиновник Оброшенов из пьесы «Шутники». Вот его исповедь: «Ну и терпишь, потому что ссориться с ними нельзя, кушать будет нечего. Мы от них же крохами подбираемся».

«А вот я со всеми в ладу, я все больше шуточкой, шуточкой, а где, так и поклоном. Оно, точно, что на тебя как на шута смотрят, да зато кормимся... Как пошел я по делам ходить, спознался с богатыми купцами, так уж всякая амбиция пропала. Тому так потрафляй, а этому—этак. Тот тебе рыло сажай мажет, другой плясать заставляет, третий в пуху всего вываляет... Изломался, исковеркался, искажил всего себя...» («Шутники», д. 1, явл. 1).

Здесь могла быть квартира бедного, но сохранившего свое достоинство и честь чиновника Жадова из комедии «Доходное место».

Взглянув в окна с задней стороны флигеля, представляем себе жену Жадова, Полину, скущую, одинокую среди стен бедно обставленной квартиры. Как будто доносится до нас из окна ее жалобная песня: «Матушка, голубушка, солнышко мое, пожалей, родимая, дитячко свое».

Оглядываемся на ворота. Вот подъезжает коляска, из нее выходит Юленька в шелковом платье с богатой отделкой. Брезгливо оглядываясь вокруг, высоко подобрав сборки своей широкой шуршащей юбки, проходит Юленька на лестницу. Отвечая на жалобы Полины на нищету, на неумение мужа заработать больше, несмотря на все его старания, Юленька ставит в пример своего мужа. Юленьку сменяет мамаша Кукушкина. Она тоже проходит по двору, пренебрежительно оглядываясь, напудрена, накрашена, крикливо одета. Все ее советы дочери проникнуты мещанской моралью.

Уже к вечеру приходит усталый, измученный Жадов. Торопится домой отдохнуть немного и снова приняться за работу.

Жадов не верит, «чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя и семейство». Он и жену свою хотел бы видеть за работой.

В этом же дворе, только несколько отступя от дома, подводим итог первой части экскурсии. Здесь, на улицах и в переулках Замоскворечья, среди окружающих домов, дворов, садов, закоулков, лучше можно себе представить и семейные отношения самодуров-купцов, и быт мелких чиновников. В этих уголках Замоскворечья, еще сохранивших свой былой облик, по-новому могли мы воспринять и понять речь персонажей Островского. Запомним этих людей из «темного царства», пусть вызванные в Замоскворечьи образы их сопровождают нас и во второй части экскурсии—в Китай-городе.

* * *

*На Москворецком
мосту*

Москворецким мостом проходим в Китай-город. Останавливаемся у начала Москворецкого моста.

Против нас, на высоком берегу Москвы-реки, возвышается величественная Кремлевская гора с вековыми зданиями «благочестия, веры и великолепия».

Перенесемся во времена Островского. Обратим внимание на набережную. Около перил широкие тротуары, по которым снуют многочисленные прохожие. В давние времена здесь особенное оживление можно было наблюдать на масленице.

«Все пространство от Яузы до Москворецкого моста застроено было тогда раскрашенными балаганами, в которых расположены рестораны и различные комедии: сальто-морталь, фокус-покус, паяс, который делает разные забавные фарсы, ученые звери или восковые фигуры. На Москва-реке, против Воспитательного дома, строятся на высоких деревянных подмостках ледяные горы для катанья на санках. Подмости, горы и балконы, теремы украшаются разноцветными флагами. Со всех сторон слышим мы музыку: на балконах, около балаганов играют музыканты.

Внимание нашего спутника Бальзамина все устремлено на катанье по набережным в экипажах. Блестящими, жадными глазами ловит он коляску щеголя, который старается перегнать кареты и прекрасные «ландо» для того только, чтобы заглянуть в них. С нескрываемой завистью поглощен он экипажами купечества, их

великолепными лошадьми, воронами без отметки и серыми в яблоках.

...Вот пара вороных жеребцов чистой крови мчит легкую, как пух, коляску: в ней сидит купчик в лоснящейся шляпе, вчера только купленной у Вандрага, и рядом с ним цветущая его супруга в воздушной шляпе, прилепленной каким-то чудом к самому затылку»¹.

Только в сумерках экипажи повертывают по Балчугу на Пятницкую улицу и на Ордынку. Скрипят ржавые затворы и замки, отворяются железные ворота, тучные кучера ведут в стойла конюшен сытых, холеных жеребцов, а нарядные, толстые купчихи, в салопях и шляпах с лентами, поднимаются по широким лестницам своих особняков в парадные комнаты — «неживущие», чтобы принимать гостей и угощаться всякой снедью. Темно, только на перекрестках улиц горят большие фонари с гарным маслом.

Переходим на другой конец Москворецкого моста, чтобы рассмотреть открывающуюся оттуда картину Китай-города. Бальзаминову Китай-город снится как источник сказочного благополучия.

...«За мостом — вот чудеса-то! — будто Китай... Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша... А Миша, будто, такой веселый, пляшет и поет: Я поеду во Китай-город гулять!

У Белотеловой лавки в Китай-городе, — вот и весь ваш сон», — отвечает ей Бальзаминов («За чем пойдешь...», карт. 3, явл. 2).

Рассматриваем белые каменные стены, большие каменные здания, среди которых угадываем массив Гостиного двора, купеческую биржу на Ильинке, Торговые ряды: ножовые, овощные, шапочные, скорняжные, суконные, москательные, скобяные... В этих рядах лавки Самсона Силыча Большова, Пузатова, Тита Титыча Брускова, Белотеловой.

**Угол Хрустального
переулка
и Ильинки**

Пересекаем улицу Степана Разина (бывшую Варварку) и останавливаемся в глубине Хрустального переулка, на углу Ильинки.

Самое название Хрустального переулка напоминает нам

¹ А. Н. Островский, «Дневники и письма», изд. «Академия», 1937, стр. 35.

Торговые ряды. Нас обступают массивные каменные стройки Китай-города — средоточие торговой жизни прежней столицы. Каменные своды, торговые помещения, приспособленные под склады товаров, глубокие подвалы...

Попробуем восстановить картину жизни этого места в эпоху Островского.

Разнообразная, снующая с необыкновенной поспешностью толпа. Шум, гам, толкотня. Люди всех национальностей, всех типов и всех сословий. Полное разнообразие костюмов и говоров. Назойливые, пронзительные крики разносчиков и купцов, зазывающих покупателей. У дверей лавки представляем себе льстивую фигуру Подхалюзина со словами, обращенными к публике: «...А вот мы магазинчик открываем! Милости просим! Малого ребенка пришлете—в луковице не обочтем!» («Свои люди—сочтемся», д. IV, явл. 5). В толпе худенькая, подвижная фигурка Миши Бальзаминава среди таких же, как и он, мелких чиновников, пришедших в надежде поживиться от чужого капитала.

Здесь хитрые, ловкие молодые приказчики купеческих вдовушек, томящихся от праздности и скуки в каменных особняках Замоскворечья. Изредка можно увидеть промелькнувшую в экипаже цветную шляпку молодой дамы, проехавшей в магазин.

По улице Ильинке множество карет, колясок, в пе-реулках—возы с товарами. На Ильинке и Никольской находятся маклерские конторы, купеческие биржи, подворья для приезжающих, рестораны, трактиры. Не выходя из Китай-города, в самое короткое время можно купить, продать, отправить и получить товары, перевести векселя, занять большую сумму денег, можно провести самые разнообразные торговые сделки.

Купцов — Большова, Пузатова, Брускова — представляем мы себе сидящими за столом в ресторации Троицкой или Угольной. Тут совершают они сделки или празднуют по поводу удачных торговых дел.

Вот почему Самсон Силыч Большов готов скорее «бежать на Каменный мост и броситься в Москва-реку, чем по Ильинке-то итти в долговую яму». «Мне Ильинка-то за сто верст покажется. Это все равно, что грешную

душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат» («Свои люди — сочтемся», д. IV, явл. 4).

Представляем себе среди всей этой толпы, посреди улицы грузную, видную фигуру Самсона Силыча Большова, который идет под конвоем торопливыми шагами, растерянно оглядываясь на крикливую толпу, провожающую его насмешками.

*Двор дома № 11
по Ветошному
проезду*

В доме № 11 по Ветошному проезду отмечаем каменные своды, ниши и подвалы. Во дворе дома под сводами налево — тяжелая железная дверь с крепкими запорами, ведущая в подвалы. Двор замкнутый, с железными лестницами и широкими площадками на уровне второго этажа. Представляем себе этот двор, заваленный товарами, которые перебрасываются в открытые двери складов.

*Двор дома № 1
по Историческому
проезду*

Пересекаем Никольскую улицу и останавливаемся у двора дома № 1 по Историческому проезду (у бывш. Воскресенских ворот). Здесь была Иверская часовня, которую так почитали купцы.

По фотографии восстанавливаем место часовни, и перед нами возникает толпа стряпчих и приказных с бумагами, завязанными в платочки. Вспомним Ризположенского, «одного из безместных титулярных советников, стоящих обыкновенно у Иверских ворот, и столь любовных сердцу купеческому адвокатов, великолепно описывающих в каждом прошении все доблестные качества своего клиента» (из писем А. Ф. Писемского к А. Н. Островскому)¹.

В долговые ямы входим вместе с Большовым. Вспоминаем его слова: «А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?... А там присутственные места, уголовная палата... Ведь, я злостный—умышленный». Во дворе этого дома была временная долговая тюрьма—так называемая «яма». В ней дворянская, купеческая, управская, мещанская и женская палаты. При

¹ «Неизданные письма из архива А. Н. Островского», изд. «Академия», 1932, стр. 336.

них—церковь, кухня и баня. Пребывание в купеческой палате этой ямы—судьба многих, большинства тех, которые не были достаточно цепки и гибки в жизни и слишком доверялись Ризположенским.

Восстановить архитектуру домов того времени теперь трудно, потому что дома надстроены, но все же сводчатые каменные ворота, соединяющие дворы между собой, достаточно выразительны. В этих зданиях помещались Управа благочиния и различные суды: совестный, уездный, земский, надворный. С этими местами связаны молодые годы А. Н. Островского и его служба в совестном суде, куда он ходил ежедневно из Замоскворечья.

От Воскресенских ворот направляемся к Кремлевскому саду (бывш. Александровскому). Входим в него через ворота с прекрасной решеткой, отлитой из чугуна А. В. Немчиновым.

*Первый вариант
заключительной
беседы—в Кремлевском саду, против
грота*

Останавливаемся против грота. Вокруг нас здания, которые остались безмолвными свидетелями ушедшей жизни. Через площадь видна классическая архитектура

старого здания Московского университета. Перед нами—громадное, длинное здание прежнего экзерцис-гауза (манеж), в котором «целый полк может маневрировать, и ему не будет тесно». Повертываемся к Кремлевской стене и любуемся прекрасными чистыми линиями самой стены и Троицкой башни, а над стеной Кремля—возвышающимся над нею Арсеналом.

В середине прошлого века по воскресеньям и праздничным дням здесь, в павильоне над гротом, играла музыка, пели песенники. К 5—6 часам вся улица против сада была занята нарядными экипажами. Среди гуляющей публики можно было встретить щеголей, словно только что выпущенных напоказ из модных лавок, а рядом с ними простоватых купеческих сынков, недавно надевших модные костюмы. Мелькают темные мундиры чиновников всех рангов и людей «разного звания». Яркими пятнами выделяются цветные платья дам.

Кремлевский сад в середине XIX века был прекрасно спланирован вдоль всей Кремлевской стены. Главная

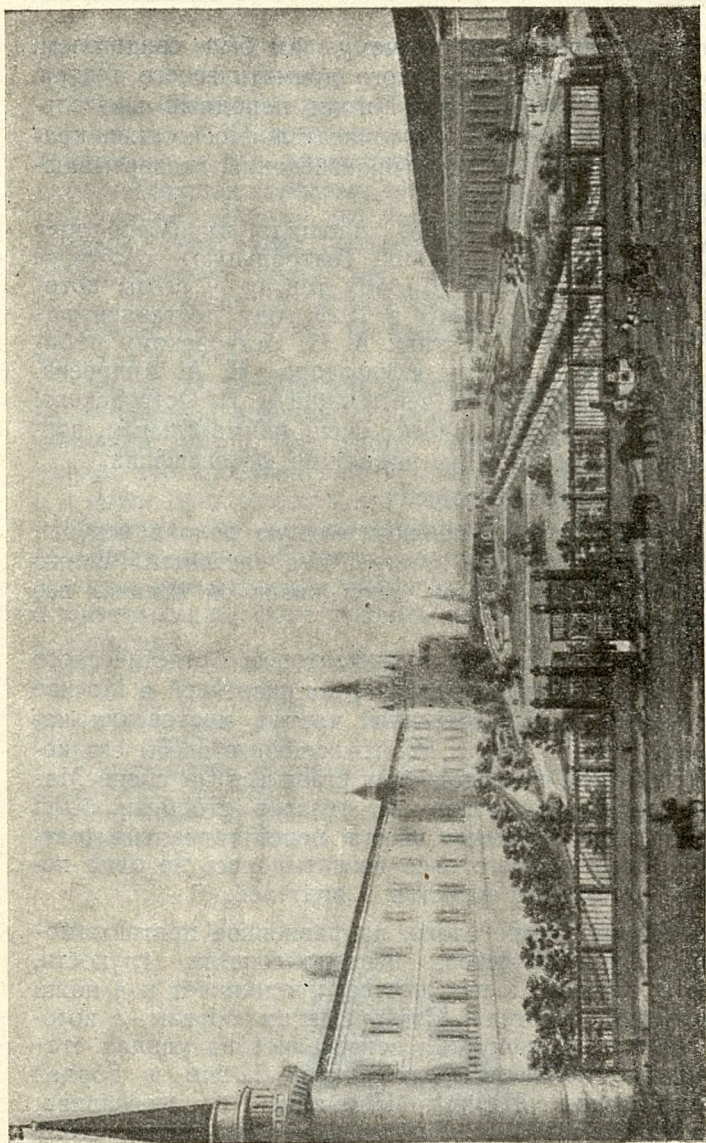
большая дорожка была обсажена липами, по сторонам—боковые аллеи, везде клумбы с цветами и превосходные «пелузы». На площадке грота в Кремлевском саду встречаются действующие лица некоторых пьес Островского. Самый примечательный из них—чиновник, занимающийся частными делами, философ своего времени Досужев из пьесы «Тяжелые дни». Именно тут происходит встреча его с праздношатающимся Василиском Перцовым—ничтожным сочинителем фальшивых документов, живущим на чужой счет и буйством приводящим в ужас всю окрестность. Досужев разоблачает темные делишки Перцова, пугает его призраком правосудия. Здесь рассказывает Досужеву злоключения своей семейной жизни сын богатого купца Андрей Титыч Брусков, которому «дома все равно, что в остроге, не то, чтоб сказать что—а и дышать-то не смею».

Жадность, невежество, деспотизм одних, раболепство, приниженность, безволие, угодничество других, пьяный, хмельной, темный и грубый быт—такова тематика произведений Островского. Об этом и вспоминали мы в Замоскворечье, проходя среди купеческих особняков Пятницкой улицы и Ордынки.

Правда, Островский рисует не только отрицательные черты: простота, непосредственность, цельность этого патриархального мира привлекают писателя и руководят его желаниями вплести светлые тона в эти мрачные картины. Так рисует он русскую действительность в своих комедиях «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись». Это подтверждается и словами автора из письма его к Погодину: «Пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, надо показать, что знаешь и за ним что-то хорошее»¹.

В мире чиновничьем Островский изображает самоуверенность и жестокость взяточников-карьеристов, бездушные и наглость, глупость и пошлость мелкой, трусливой душонки Балъзамина. В своих многочисленных пьесах

¹ «А. С. Пушкин. Островский. Западники и славянофилы». Все-союзная библиотека им. Ленина, сб. IV, 1939, Соцэкгиз, стр. 17.

Вид Кремлевского (Александровского) сада
С литографии Чичагова, 1827
Из фондов Государственного Литературного музея

Островский запечатлел то, чему сам был свидетелем. Островский—создатель русского драматического театра, продолжатель Грибоедова и Гоголя, народный писатель-драматург. Островский — бытописатель московских нравов. Ни у кого нет стольких произведений, развертывающихся на фоне Москвы.

**Второй вариант
заключительной
беседы—у памятника
Островскому
перед Малым
театром**

Через площадь им. Свердлова (бывш. Театральную) проходим к Малому театру, у стены которого в 1929 году поставлен памятник А. Н. Островскому работы скульптора Н. А. Андреева.

Вглядимся в фигуру и черты лица А. Н. Островского: то же простое русское лицо с очень внимательным, зорким взглядом, которое мы видели на фотографиях.

Подводим итоги экскурсии.

Островский сыграл исключительную роль в истории русского драматического театра, и в частности Малого театра. В последние годы своей жизни он отдавал все силы Малому театру.

А. Н. Островский был организатором Артистического Кружка и Общества драматических писателей в Москве и заведующим художественной частью московских казенных театров с 1885 г. Многочисленные пьесы его, которые ставились и продолжают ставиться на сцене Малого и других драматических театров столицы, были всегда в числе любимых пьес в репертуаре этих театров. На репертуаре его пьес воспитывалось не одно поколение московских артистов и зрителей.

Его обличительное слово, направленное против самодурства, взяточничества, низкопоклонства, глупости, пошлости, темноты и невежества, продолжает и в наши дни волновать зрителя. Созданные им образы, с которыми мы в этой экскурсии встречались на улицах старой Москвы: Большов, Подхалюзин, Любим и Гордей Торцовы, свахи Устинья Наумовна и Красавина, Миша Бальзаминов и Устрашимов,—эти типы стали классическими образами русской драматургии. Как раньше они будили творчество великих артистов—Прова

Садовского и Щепкина, так и теперь они вдохновляют лучших наших артистов.

Заканчиваем экскурсию цитатой из письма Островского к Н. А. Некрасову: «Как Вам умирать, с кем же тогда мне идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящих народных поэтов, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды»¹. Эти слова Островского становятся еще более убедительными, когда мы вспоминаем высказывание И. С. Тургенева об Островском: «Ни в одном из наших писателей русский дух не веет с такой силой, не играет так, как в Вас»².

Сам А. Н. Островский называет драматическую форму «вершиной поэзии», «полным и цельным отражением народной жизни, народного сознания»³. Этим объясняется, что произведения Островского продолжают жить и в наши дни, продолжают волновать зрителя.

Прогулка по улицам Москвы еще в большей мере сближает нас с образами, созданными замечательным русским драматургом, делает их еще более конкретными и понятными на фоне уголков старой Москвы, уходящей в прошлое.

¹ А. Н. Островский, «Новые материалы, письма». Труды Пушкинского дома при Рос. Акад. Наук под ред. М. Д. Беляева. Госиздат, 1924, стр. 207.

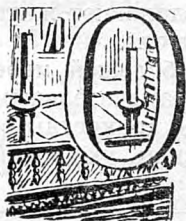
² «Неизданные письма из архива А. Н. Островского», изд. «Академия», 1932, стр. 586.

³ «Пушкин. Островский. Западники и славянофилы». Всесоюзная библиотека им. Ленина, сб. IV, 1939, стр. 62.

В. Булаков

МУЗЕЙ-УСАДЬБА ЛЬВА ТОЛСТОГО В МОСКВЕ

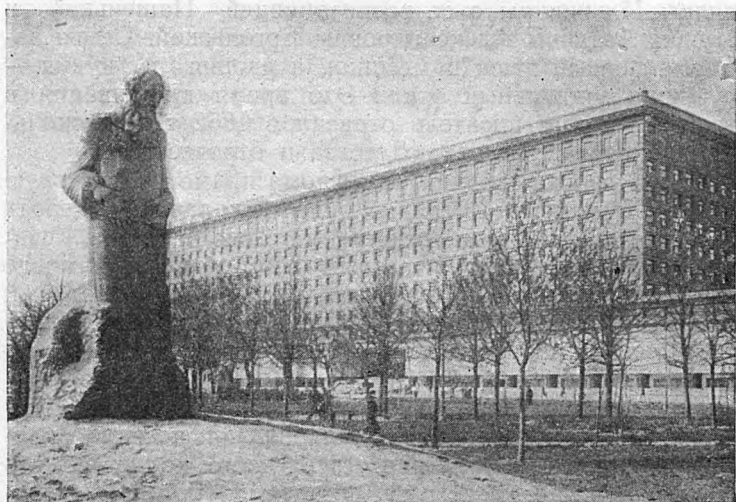

Памятник Л. Н.
Толстому

Т ГЕОГРАФИЧЕСКОГО центра Москвы, от площади Дзержинского, до Музея-усадьбы Льва Толстого — несколько километров. Путь лежит через Кропоткинские ворота и Зубовскую площадь, по широкой Зубовской улице до острого выступа сквера Девичьего поля; тут начало улицы Льва Толстого.

С этого перекрестка начинаем экскурсию, остановившись перед гранитной фигурой Л. Н. Толстого, поставленной в 1926 г. Этот скромный памятник, работы скульптора С. Д. Меркурова, живо напоминает то время, когда Толстой почти ежедневно ходил по аллеям Девичьего поля, то ночами, когда Москва засыпала после шумного дня, то проходя к вагонам конки на Плющихе, то возвращаясь домой после поездок по Москве (80—90-е гг.). Лев Николаевич любил посещать здесь народные пасхальные гулянья с их каруселями и балаганами. Художник И. Е. Репин вспоминал о совместных с Толстым прогулках: «Эти прогулки продолжались почти ежедневно, пока Толстые жили в Москве»¹.

¹ И. Е. Репин о Л. Н. Толстом. Газ. «Петербургский листок», № 265 от 26 сентября 1908 г.

Памятник Л. Н. Толстому в сквере Девичьего поля

Скульптор С. Д. Меркуров.

Из фототеки Государственного Литературного музея

Направо от гранитной фигуры Толстого на Плющихе сохранились два небольших каменных дома—один поэта А. А. Фета, другой—близкого друга Льва Николаевича, Ф. А. Страхова¹; к ним в гости не раз хаживал Л. Н. Толстой.

Дальше на Плющихе, по направлению к Смоленскому рынку (Сенная площадь), сохранился во дворе дома № 11 одноэтажный каменный особняк с высоким мезонином и глубоким подвальным помещением. В этом особняке Л. Н. Толстой проживал в течение полутора лет с 10 января 1837 г., когда отец его, Николай Ильич, привез впервые свою семью в Москву. Семья Толстых состояла тогда из отца, пятерых детей (Николай, Сергей, Дмитрий, Лев, Мария), бабушки, тетушки Алек-

¹ Дом бывший А. А. Фета—Плющиха, № 36, двухэтажный с полуподвалом. Дом бывший Ф. А. Страхова—Плющиха, № 32, одноэтажный с полуподвалом.

сандры Ильиничны с ее воспитанницей Пашенькой и тетушки Татьяны Александровны Ергольской. Семья занимала первый этаж и мезонин, а дворня и кухня — глубокий подвальный этаж. Это время проживания в Москве великий писатель отразил в 1852 г. в нескольких прекрасных главах «Детства и отрочества».

Из высокого мезонина этого дома прямо на мостовую двора и выпрыгнул тогда из окна пожелавший сделать «что-нибудь необыкновенное» мальчик Толстой, счастливо отделавшись 18-часовым сном-обмороком после сотрясения мозга от удара о землю¹. Сейчас этот старый особняк обветшал, но в основном сохранил свой прежний облик. О прошлой жизни семьи Толстых здесь мало кто знает.

По Большой Пироговской, по направлению к Новодевичьему монастырю, Лев Николаевич посещал клиники Московского университета и часто ходил в гости к своим друзьям — в семью Алексеевых (Большая Пироговская, д. № 7), Русановых и Ив. Ив. Горбунова-Посадова. В начале 80-х гг. Лев Николаевич, порвавший идеологически со своей дворянской семьей, часто уходил на Воробьевы горы (ныне Ленинские горы) пилить и колоть дрова с работавшими там мужиками.

Огромные корпуса Военной академии и Химико-фармацевтического института — недавней постройки. Прежде от Зубовской площади до Теплого переуллка тянулась железная ограда церкви Знамения в Зубове, в приходе которой числился и дом Толстых.

Между Теплым переулком и началом улицы Льва Толстого прежде стояли три небольших деревянных домика, в крайнем из которых (А. Г. Круглова) Л. Н. Толстой часто посещал жившую тут бабушку Н. А. Карнович с ее внучкой. У деревянного забора этого дома и происходила сцена задержания городовым в марте 1884 г. гуляющих девиц, красочно описанная Львом Николаевичем в 24 главе его трактата «Так что же нам делать?»

¹ Н. Н. Гусев, «Жизнь Л. Н. Толстого. Молодой Толстой», М., 1927, стр. 100.

«Прошлого года, в марте, я поздно вечером возвращался домой. Заворачивая из Зубова в Хамовнический переулок, я увидел на снегу Девичьего поля черные пятна, что-то ворочалось на месте... Это была одна из «девчонок Ржанова дома»¹.

— Замерзнешь,—сказал дворник.

— Наша сестра не замерзнет. Я горячая».

Она хотела шутить... Л. Н. Толстой узнал, что ей всего лишь 16 лет.

Его ужас перед тогдашними жертвами нищеты и проституции большого города нашел себе выражение также в романе «Воскресение», который он писал в своем доме в Хамовниках.

Левым тротуаром идем мы по улице Льва Толстого, вступив в этот длинный старинный переулок, носивший до 1921 г. название Долго-Хамовнического или просто Хамовников, т. е. улицы ткачей-полотнянщиков.

Хамовнический (ныне Фрунзенский) район старой Москвы как во времена проживания семьи Толстых в Москве (с 1882 г. по 1909 г.), так и теперь является фабричным районом. Массивный корпус пивоваренного завода, здание парфюмерной фабрики, огромные корпуса шелкоткацкой фабрики, ранее принадлежавшей братьям Жиро (ныне шелкоткацкий комбинат «Красная Роза»), — все они остались на месте, расширенные и обновленные. В переулке, за усадьбой Толстых, прежде работала еще чулочная фабрика, а дальше на Усачевке работает и поныне фабрика резиновых изделий «Каучук».

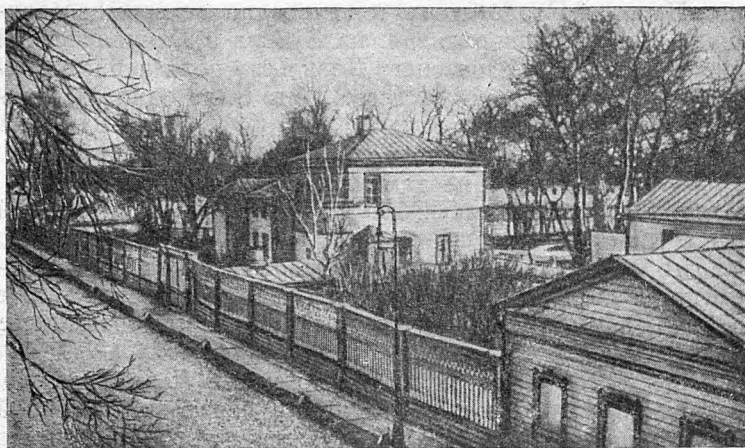
*Усадьба № 21
по улице
Льва Толстого*

Пройдя левым тротуаром примерно половину улицы, почти миновав территорию пивоваренного завода, остановимся против дома

№ 21 и рассмотрим это бывшее владение семьи Толстых с противоположного тротуара.

Перед нами резные ворота и длинный забор, слева — небольшое помещение бывшей кухни, справа — стена

¹ Ржанов дом находился в Моисеевских трущобах близ Смоленского рынка, в Проточном переулке. С этим домом ознакомился Л. Н. Толстой во время переписи населения. Этот дом описан в 4-й главе трактата «Так что же нам делать?»

Усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках со стороны улицы
Из фототеки Государственного Литературного музея

большого сарая. Все это—деревянное, старинное, окрашенное охрой, уцелевшее с 90-х гг. Протяжение этого владения по улице—68 метров.

Это и есть уличная граница Музея-усадьбы Толстых, национализированной 6 апреля 1921 г. декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина, — под общим названием «Дом Льва Толстого».

Через высокий забор усадьбы можно разглядеть только крышу главного дома и низенькие окна антресолей этого невысокого деревянного строения. В глубине двора прячется маленький двухэтажный флигель. За главным домом и флигелем вырисовываются редкие деревья большого сада.

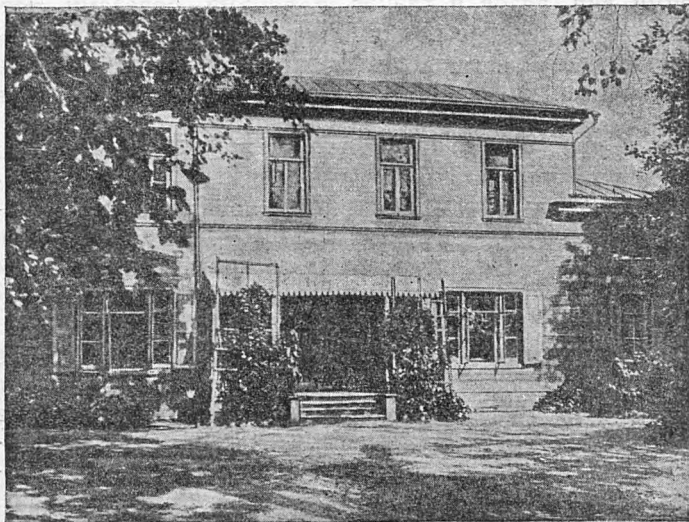
Усадьба производит впечатление замкнутости, отчужденности от жизни трудовой окраины города. Заборы, затворы, крепкие ворота, густая заросль сирени перед домом, собаки, дворники и обязательно звонки у ворот отгораживали владельцев усадьбы от рабочего люда прилегающего района.

Двор усадьбы

Войдем во двор усадьбы, по четырем сторонам которой расположены: главный дом, флигель, большой сарай и сторожка у ворот. Прежде всего рассмотрим особняк. Он обращен главным фасадом в сторону сада.

Этот дом, с тремя выступами, с антресолями, с парадным и черным входами, был построен в 1808 г.; во время пожара Москвы в 1812 г. дом был спасен зелеными насаждениями района и самой усадьбы.

Старый дом многое видел за 140 лет своего существования. Одна из армейских колонн Наполеона под командованием маршала Даву в октябре 1812 г. выходила из Москвы мимо дома Толстых, по направлению к Крымскому броду и далее—на Калужскую дорогу. Этот уход французов и сцена с мертвецом возле старинной церкви Николая в Хамовниках (улица Льва Толстого, д. № 2) ярко описаны Львом Николаевичем в 13-й и 14-й главах IV тома романа «Война и мир».

Усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках со стороны двора

Из фототеки Государственного Литературного музея

Флигелю усадьбы тоже больше ста лет: он построен в 30-х гг. При Толстых здесь помещалась «Кантора изданий сочинений Л. Н. Толстого».

Сарай возле стены пивоваренного завода служил Софье Андреевне Толстой складом изданий сочинений ее мужа; кроме того, здесь помещались: каретник, конюшни для трех лошадей, деревянный сарай и зимнее стойло коровы, привозимой из Ясной Поляны в Москву.

Сторожка-дворницкая с 1868 г. служила квартирой дворников и кучеров.

Слева от главного дома в углу усадьбы сохранилась бывшая кухня, переделанная Л. Н. Толстым в 1882 г. из холодного сарая. Лакеи и горничные носили кушанья из кухни в дом и зимой и осенью по узенькому деревянному настилу на открытом воздухе.

*Парк, площадка
с беседкой*

Через калитку возле дома входим на площадку обширного парка, когда-то густого, тенистого, с аллеями лип, вязов и кленов, с дубами, березами, ясеними, с кустами сирени, жасмина и жимолости, с черемухой и бузиной и с двадцатью корнями яблонь и груш. Весной и осенью Лев Николаевич любил прогуливаться по саду.

На холмике-горке он работал иногда над своими «Народными рассказами», а из садового колодца среди яблонь часто зимой возил воду на кухню на санках. Площадку перед домом Лев Николаевич очищал, поливал, сам подвозя воду, и на этом созданном им катке катался на коньках со своими детьми и мальчиками артельщика Румянцева.

Старинная садовая беседка построена в 40-х гг. Ее деревянные колонны, крыша, застекленные рамы и дверь, ее наружная белая окраска были реставрированы в 1927 г. по фотографиям 90-х гг. Весной и осенью в теплую погоду здесь играли дети Толстые со своими товарищами—Северцовыми, Румянцевыми и др. Зимой здесь могло быть место кратковременного отдыха для катавшихся с горы и на катке детей. Внутри беседки сохранились от толстовских времен старенькие, ветхие обои с изображением скачущих на лошадях жокеев.

Весной 1899 г. (апрель, май) Л. Н. Толстой заканчивал здесь свою десятилетнюю работу над романом «Воскресение», печатавшимся тогда в журнале «Нива».

Беседка, площадка, которую в летнюю пору посыпали песком, тополя и липы сада, полоса забора вдали за искусственной горкой в саду—все это составляет тот пейзаж, освещенный ночным сиянием луны, который созерцает герой «Воскресения» Нехлюдов из окна своей комнаты.

В 28-й главе первой части романа «Воскресение» читаем описание этого пейзажа:

«Ему стало жарко. Он подошел к выставленному окну и открыл его. Окно было в сад. Была лунная, тихая, свежая ночь, по улице прогремели колеса, а потом все затихло. Прямо под окном виднелась тень сучьев оголенного высокого тополя, всеми своими развилинами отчетливо лежащая на песке расчищенной площадки.

Налево была крыша сарая, казавшаяся белой под ярким светом луны. Впереди переплетались сучья деревьев, из-за которых виднелась черная тень забора. Нехлюдов смотрел на освещенный луной сад и крышу и на тень тополя и вдыхал живительный свежий воздух»¹.

Терраса дома, с балясником и трельяжем, увитым всегда зеленью дикого винограда, покрывалась весной плотняным тентом и служила обитателям только весной и осенью.

Дверь на террасу выходила из спальни Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых. Из спальни же и окно на террасу; другое двойное окно слева—из столовой, левее—окно из угловой комнаты, двойное окно справа от террасы—из детской Вани Толстого, окно правее—из комнаты гувернантки.

Владелец усадьбы И. А. Арнаутов, полуразорившийся помещик, продал Льву Николаевичу Толстому старый дом и все постройки (флигель, сарай, сторожку, садовую беседку и пр.) вместе с землей (8162 кв. метра), оформив продажу у нотариуса 14 июля 1882 г.

Усадебный дом Чтобы приспособить особняк к требованиям многочисленной семьи, Толстой посвятил три месяца на переустройство и ремонт дома, поднимая потолки и расширяя окна

¹ Беседку автор назвал сараем.

комнат нижнего этажа, надстроив сверху три парадных комнаты с шестью окнами в сторону сада и соорудив парадную лестницу наверх.

С 11 сентября по 6 октября 1882 г. Лев Николаевич в 17 письмах «рапортует» Софье Андреевне о ходе ремонтно-строительных работ в Хамовнической усадьбе, с большим вниманием и тревогой следя за выполнением их.

Вот несколько отрывков из писем Льва Николаевича жене в Ясную Поляну:

«Постройка подвинулась, но еще много недоделано». «Дом вот в каком положении: ко вторнику будут готовы 4 комнаты: мальчиговая, столовая, Танина и спальня. Они оклеены, только не докрашены двери и подоконники. В них я поставлю всю мебель хорошую; похуже в сарай. Остальные три комнаты внизу не готовы, потому что в них начали красить пол. Я остановил окраску — они загрунтованы (желтые, светлые), и я решил так и оставить». «Штукатурная работа вчера кончена, последняя в доме. Штукатурить остается кухню». «Верхние комнаты, старые и девичья не оклеены. Я велел все белить». «В кухне была сделана неудобная русская печь, и очень маленькая в нашей кухне. Мы решили переделать печь так, чтобы русская печь была больше и устье ее выходило бы в людскую. И выйдет так, что будет людская столовая, комнатка для кухарки и каморка для повара. В сторожке же, которую надо починить, будут жить кучер и дворник». «Вся работа, которая осталась недоделана, не протянется долго и мешать нам не будет»¹.

Переезд на житье в город был уступкой семье, так как Софья Андреевна находила невозможным воспитание детей в деревне, тем более что старший сын Сергей учился в университете, дочь Татьяна — в школе живописи и ваяния²; Илья и Лев учились в Поливановской гимназии³, подраставшие Андрей и Михаил несколько позже поступали в Катковский лицей⁴; подрастали еще Мария и годовалый Алексей. Мать полагала, что школы облегчат ей воспитание детей.

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., юбил. изд., т. 83, стр. 348, 350, 352, 369.

² Улица Кирова, № 21. Теперь там Московский механический институт.

³ Улица Кропоткина, № 32. Теперь Школа рабочей молодежи № 24.

⁴ Крымская площадь, № 2.

Сам Толстой, становясь на позиции патриархального русского крестьянства, стремился в эти годы к «упрощению». Он до минимума сокращает свои материальные потребности: делается строгим вегетарианцем, бросает курение. Он работает в 80-х гг. за дворника и водовоза, исполняет обязанности истопника и комнатного уборщика, в то же время занимается сапожным мастерством, а в Ясной Поляне его привычными трудами стали пахота и бороньба, косьба и рубка леса, возка воды; он там выполняет работы печника и хлебопека. Городская жизнь была противна и мучительна Толстому.

Хозяйкой и домоуправительницей семьи Толстых была Софья Андреевна, воспитанная в дворянских понятиях и привычках. И теперь, после двадцати лет супружеской жизни, она не желала менять свои привычки и свои взгляды. И великий писатель, проповедующий обязательность для каждого человека тяжелого физического и «хлебного» труда, в своей семье оказался в трагическом одиночестве, обвиняя тех, кого он продолжал любить, то в дармоедстве, то в паразитизме, выставляя перед семьей в качестве идеала трудовую жизнь людей, добывающих свой хлеб физическим трудом.

Внутри усадебного дома. Передняя

Обзор всех комнат, их распорядка и убранства, общий осмотр этого двухэтажного особняка семьи Толстых не дает впечатления особой барской роскоши. Состояла семья из десяти человек. Ее обслуживали 10—12 домочадцев (дворня, лакеи, гувернеры и гувернантки).

Несколько минут задержимся в передней, чтобы кратко вспомнить историю Дома-музея и некоторые моменты его реставрации. Это поможет нам осознать значение этого культурно-исторического, меморативно-бытового памятника, связанного с именем великого русского писателя.

Л. Н. Толстой был юридическим владельцем усадьбы только с 1882 г. по 1892 г. Затем он отрекся от движимой и недвижимой собственности, и по семейному разделу 7 июля 1892 г. это владение перешло к его сыну, Льву Львовичу Толстому. В этом же 1892 г. Лев Николаевич отказался от авторских прав на свои сочинения,

чем особенно восстановил против себя большинство членов семьи. В 1893 г. Софья Андреевна Толстая купила московскую усадьбу у сына Льва. Лев Николаевич проживал в доме своего сына и своей жены по 1901 г., наезжая сюда зимами на более или менее длительные сроки, но всегда тяготая к своей любимой Ясной Поляне, где он прожил почти 71 год. После смерти мужа Софья Андреевна продала в 1911 г. усадьбу Московской городской управе. Обстановка всех комнат дома, кроме двух личных комнат Льва Николаевича, после 1911 г. была вывезена частью в Ясную Поляну, частью на склад хранителя мебели — Ступина и на квартиры сыновей Толстого.

После упоминавшегося уже декрета о национализации усадьбы и после посещения ее В. И. Лениным, отдавшим распоряжение о реставрации исторического дома, началось собирание всех реликвий, предметов обстановки и быта семьи Толстых. Началась реставрация не только внутренних ансамблей дома, но и всех построек, всех насаждений, двора, парка, началось воссоздание всего внешнего облика усадьбы. Реставрационная комиссия Музейного отдела Наркомпроса постановила воссоздать исторический вид усадьбы и комнат Дома-музея применительно к середине 90-х гг., ко времени писания Л. Н. Толстым его романа «Воскресение», когда семья Толстых еще не расплылась, жила полнокровной жизнью крепкого, счастливого дворянского гнезда.

В реставрации усадьбы в целом и в восстановлении всех комнат Дома-музея принимали участие, помимо всех приглашаемых на заседания Реставрационной комиссии директоров московских музеев, помимо детей Толстых — Сергея, Татьяны и Александры, помимо внуков и родных семьи Толстых, еще многочисленные очевидцы-современники, жившие или посещавшие в те времена усадьбу и дом. Огромную помощь в реставрации ансамблей Дома-музея оказали слуги, жившие, работавшие в семье, а также домочадцы и друзья детей Толстых. Благодаря очевидцам-современникам, благодаря ценнейшим записям Софьи Андреевны Толстой были определены назначения всех двадцати комнат и «комнатушек» этого вместительного барского особняка,

Были собраны на 85 процентов предметы толстовской мебели и сотни бытовых мелочей, экспонированных по всем комнатам Дома-музея. Благодаря этому перед нами воскресла довольно полно, ярко и достаточно убедительно картина жизни семьи Толстых в Москве в 90-х гг.

В первую комнату Дома-музея Л. Н. Толстого проходим через парадный ход—тамбур с двумя окнами, очень скромный, как и «парадная» передняя комната. Здесь светлые, «под мрамор» обои, желтый диван-коник у окна да два желтых стула по обе стороны небольшого стенного зеркала. Дверь налево из передней ведет в небольшой чулан, служивший ранее мужской уборной; широкая, тоже «парадная», лестница взбегаёт кверху; высокая дверь ведет прямо в столовую. Пол передней всегда был застлан серым солдатским сукном; на стене, над столиком, справа от входной двери, висит простая керосиновая лампа. Слева от двери — стенная вешалка для верхней одежды посетителей. Если нехватало вешалки, шубы и пальто укладывались прямо на диван.

И об этой-то передней, как о роскоши своего барства, великий писатель восклицал с горечью: «Дома я вошел по коврам лестницы в переднюю, пол которой обит сукном, и, сняв шубу, сел за обед»¹. И не раз Лев Николаевич в своем самообличительном трактате «Так что же нам делать?» касается роскошной жизни горожан вообще и в частности своей семьи, находя выход из положения в трудовой жизни, указывая своеобразные способы разрешения контрастов роскоши и нищеты, богатства и бедности.

Столовая

Из передней входим в столовую, с которой начинаем обозрение комнат нижнего этажа.

Середину комнаты занимает огромный обеденный стол, сервированный на 11 человек семьи Толстых. Возглавляла стол, разливая супы и раздавая вторые и третьи блюда, Софья Андреевна. Слева от нее занимали места последовательно: семилетний Ваня, Лев Николаевич,

¹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч. под ред. П. И. Бирюкова, т. XVII, стр. 19.

Татьяна Львовна, Мария Львовна; справа от матери рассаживались: дочь Саша, сыновья Миша, Андрюша, Лев Львович, Илья Львович; против матери было место часто приезжавшего к родителям старшего сына Сергея Львовича, проживавшего не в Москве. В большой миске подавался суп для хозяйки и сыновей, а в малой миске вегетарианский суп для Льва Николаевича и дочерей. Маленький Ваня тяготел к своему отцу, но мать решительно боролась против этого тяготения; так же ревниво оберегала мать от отцовского влияния дочь Сашу. Кроме семейных, за столом ежедневно обедали два-три гостя. За обедом прислуживали лакеи — то М. Ф. Крюков, то Илья Васильевич Сидорков, оба всегда во фраках и белых перчатках, против чего неоднократно протестовал Лев Николаевич.

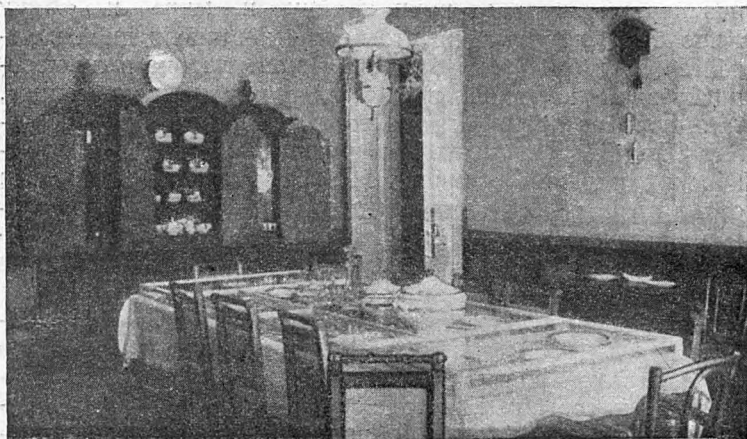
Продукты для обедов закупались в Охотном ряду и обходились Софье Андреевне в изрядную по тем временам сумму. Лев Николаевич говорил о расходовании денег в Москве: «Мне стыдно за эту затрату среди нищеты»¹.

В столовой экспонируются старый буфет с посудой (слева от двери), затем часы-ходики с куковавшей кукушкой на всегда пустовавшей стене, а напротив — портрет любимой дочери Толстого, Марии Львовны. Под часами и у окна стоят закусовые столики.

В конце 90-х гг., когда «Воскресение» печаталось в журнале «Нива», столовая была заполнена рукописными материалами, корректурами, гранками и переписанными дочерью Марией страницами романа. Часто в кропотливой работе великого писателя над этими корректурами, над правкой текста помогали ему, особенно перепиской здесь, в столовой, и жена, и секретарь — дочь Мария, и даже приходившие в эти часы гости и посетители семьи.

Через дверь разглядываем т. н. «угловую комнату», где проживали в разное время старшие сыновья Толстого, гувернеры и где часто днем Лев Николаевич принимал тех посетителей, которых не приглашали почему-либо наверх. Так, однажды здесь был принят пи-

¹ «Дневник Л. Н. Толстого», 1891 г. (рукопись-ремингтон в архиве Гос. музея Л. Н. Толстого).

Столовая в доме Л. Н. Толстого в Хамовниках

Из фототеки Государственного музея Л. Н. Толстого. Москва

сателем убийца, скрывавшийся в Москве от полиции; а иной раз здесь беседовали с хозяином дома художник П. Ф. Вимпфен, писатель П. А. Сергеенко, народный учитель Е. И. Попов и др.

Спальня

Из столовой входим в спальню Льва Николаевича и Софьи Андреевны. Здесь подлинный гарнитур мебели, ширмы красного дерева и две деревянные кровати супругов. На кровати Льва Николаевича гарусное одеяло работы Софьи Андреевны. У кровати хозяйки стоит тумбочка и умывальный столик с прибором (таз, кувшин и пр.), у кровати Льва Николаевича — только тумбочка, так как он приходил сюда спать сверху, из своих маленьких комнат, и умывался утром в рабочей комнате. Шел сюда и отсюда Лев Николаевич одетым в халат, коридором, через девичью, поднимаясь черной лестницей наверх.

В спальне возле стеклянной двери, ведущей на террасу, стоит рабочий письменный стол Софьи Андреевны с ее рукописями. Она была не только матерью и воспитательницей тринадцати детей Толстых, — она по несколько

раз переписывала от руки «Войну и мир» и «Анну Каренину», потратив на это бесчисленное число дней и ночей своей жизни. Много труда потратила она и на переписку здесь, в Москве, рукописей романа «Воскресение», трактата «О жизни» и других творений великого писателя. Она была корректором и издательницей пяти московских изданий сочинений Л. Н. Толстого. Она сама ездила в Петербург к императору Александру III хлопотать о снятии запрещения с 13-го тома сочинений Толстого (где помещена была «Крейцера соната»). Ее всегда заботили «учащиеся и болящие дети», дела с именными самарским и овсяниковским, «ночные рубашки Миши, простыни и сапоги Андриюши и платежи по дому, страхование, повинности по имению, паспорта людей, вести счета и пр.»¹. Таким образом, Софья Андреевна ведала всей бытовой, практической стороной жизни семьи.

Детская

В детской, рядом со спальней родителей, в 1895 г. проживал последний, семилетний, ребенок Толстых — Иван Львович, или Ваничка. На столе, на комодике, на сундуке и повсюду экспонируются картинки, игрушки, тетради, коньки и разные вещи мальчика. Возле кровати нянюшки Анны Степановны Суколеновой стоит кровать Ванички, на которой мальчик скончался от скарлатины 23 февраля 1895 г.

Старый отец и мать были потрясены преждевременной смертью общего любимца семьи — ласкового, одаренного мальчика, который уже умел читать и писать по-русски, изучал английский и французский языки, был автором рассказа «Спасенный такс», напечатанного в журнале «Игрушечка».

Из детской Вани—дверь в комнату Саши Толстой и гувернанток; но она была всегда закрыта, и в комнату проходили через девичью, через дверь в коридор. Так как комнату Саши и гувернанток не удалось реставрировать, в ней часто организуются выставки на те или иные темы, освещающие жизнь и творчество Л. Н. Тол-

¹ «Дневник Софьи Андреевны Толстой», 1860—1891, М., 1928, стр. 154.

стого в Москве (например, на такие темы, как «Социальное окружение Толстого в Хамовниках», «Работа Толстого над романом «Воскресение» и др.).

Девичья

В девичьей комнате мы видим два гардероба, сундуки, ширму, комод, стол. В сундуках укладывалось хозяйское добро, а спали на этих сундуках горничная Маша Суворова и горничная-портниха Маша Кузнецова. Дверь между гардеробами ведет в женскую уборную. Дверь прямо, в сторону кухни, выводит нас черным ходом на двор; из кухни слуги приносили обеды, ужины и самовары в столовую через весь дом. Дверь в углу, с приступком-площадкой, ведет наверх. Этой лестницей тысячи раз спускался и поднимался, выходил на улицу и возвращался, проходил через девичью в столовую и обратно Лев Николаевич, который носил к себе наверх наколотые дрова, воду в ведре, выносил свое помойное ведро, иногда встречал и провожал здесь своих посетителей.

От девичьей возвращаемся назад — к парадному входу — нижним коридором, из которого ведут две двери: одна из них — в комнату мальчиков Андрея и Михаила Толстых, другая — в комнату старшей дочери Татьяны Львовны, где она принимала своих гостей, главным образом товарищей и подруг по Школе живописи и ваяния. Она была художницей, считалась единомышленницей отца. Здесь она жила до 1899 г.

Зал

Через небольшой тамбур, где стоит желтый старинный буфет-прилавок, и мимо велосипеда Льва Николаевича (весьма увлекавшегося катанием на велосипеде в 1898 г.) коридором возвращаемся в переднюю, откуда начали осмотр комнат нижнего этажа. Отсюда парадной лестницей, через верхнюю площадку, служившую особым уголком для молодежи — гостей Татьяны Львовны, входим в обширный зал с тремя высокими окнами в сторону сада. Эту парадную лестницу, зал и две гостиных Лев Николаевич надстроил в 1882 г., убрав крышу старого дома.

В зале происходили журфиксы, вечерние оживленные собрания членов семьи и друзей, гостей, за этим большим овальным столом совершался «вечерний боль-

шой чай»¹. Гости Софьи Андреевны, которых она принимала в своей большой гостиной, и гости Татьяны Львовны, находившиеся в малой гостиной, собирались к столу в зал, где устраивались общие чтения, хоровые выступления, домашние спектакли, концерты певцов и музыкантов.

А мимо печи в темный коридор, прозванный «катакомбами», проходили посетители к Льву Николаевичу, тоже выходявшему из своих комнат в зал послушать концерт или принять участие в общей беседе. Он сам читал здесь всем «Душеньку» Чехова, играл здесь в шахматы. Но чаще великий писатель выходил в зал ради музыки. И для него здесь играли Аренский, Гольденвейзер, Грабовский, Зилоти, Игумнов, Ипполитов-Иванов, Кашкин, Померанцев, Решетников, Рахманинов, Пабст, Римский-Корсаков, Рубинштейн, Сафонов, Скрябин, Смоленский, трио сестер Редер, скрипач Лясота, Брандуков, Гржимали, Эрденко, чешский квартет, цыганский струнный квартет. Здесь пели Муромцева, Фигнер, Медея Мей, Плевицкая, Лопатин, Оленина-д'Альгейм, Шаляпин, хор цыган и др. Здесь выступали с художественным чтением И. Ф. Горбунов, В. Н. Андреев-Бурлак.

Рядом с залом находится самая парадная комната дома Толстых — гостиная Софьи Андреевны. Во весь пол огромный ковер, на стене ряд портретов: Татьяны Львовны работы Репина; Софьи Андреевны работы Серова; Марии Львовны работы Ге (копия); Льва Николаевича работы Нерадовского (копия с портрета Ге); отдельно, над ковром, вытканым самой Софьей Андреевной висят два «голландца» и натюрморт. И пестрая турецкая тахта, и гарнитур черного дерева, и шифоньер в углу, и рабочий столик С. А. Толстой у окна, и черное зеркало-трюмо между окон, и столики-«бобы», и зеркало «а ля Жакоб» на приступке печи — вся эта смесь эпох и стилей говорит о невысоком «вкусе» хозяйки гостиной.

¹ П. А. Сергеевко, «Как живет и работает Л. Н. Толстой».

Лев Николаевич, идя сюда, записал однажды в свой дневник: «Иду в скучную гостиную...»¹. Светские гости жены и шумная молодежь дочери Татьяны были ему не по душе.

О «своих» гостях он записал в дневник 13 января 1898 г.: «Пришли мужики... и так легко, бодро стало»².

Из зала спускаемся в полутемный коридор, «катакомбы», проходим мимо комнаты Марии Львовны, к которой постоянно заходил Лев Николаевич то с рукописями для переписки, то с письмами своих корреспондентов (иногда до 30 писем в день).

Рабочая комната Л. Н. Толстого

Пройдя мимо миниатюрных комнат экономки «Дунечки» Поповой и лакея И. В. Сидоркова, вступаем в рабочую комнату Л. Н. Толстого с низеньким оконцем на соседний двор. Здесь стоит шифоньер для белья, застекленная вешалка для верхней одежды, рабочий столик для сапожной работы (на столике—пара сапог работы самого Льва Толстого), умывальный железный стол с прибором (таз, кувшин, ведро). Лев Николаевич довольно строго проводил в жизнь принцип самообслуживания, вынося помойное ведро, принося себе чистую воду, накалывая ежедневно дров, принося дрова и топя ими печь; он сам подметал обе свои комнаты — и рабочую и кабинет, который мы можем рассмотреть, заглянув в дверь.

Кабинет

Кабинет Толстого носит отпечаток простоты и сурового уюта. Двойное окно смотрит в сад, а два окна левой стены — во двор. На стенах этой лаборатории словесного творчества — никаких картин и украшений.

Письменный стол писателя был куплен им в 1882 г., как и вся остальная, более дешевая клеенчатая мебель кабинета (диван, кресло, стулья). За этим столом Толстой работал в Москве более чем над 60 своими произведениями — с 1882 по 1901 г. Здесь он создавал и зна-

¹ Л. Н. Толстой, «Дневник», М., 1916, т. I, стр. 85 (запись 15 марта 1897 г.).

² Там же, стр. 122 (запись 13 января 1898 г.).

чительнейшие свои теоретические произведения и художественные творения этих лет: «Смерть Ивана Ильича», «Свечка», «Два старика», «Странник», «Вражье лепко», «Власть тьмы», «Два брата и золото», «Крестник», «Крейцера соната», «Дьявол», «Плоды просвещения», «И свет во тьме светит», «Отец Сергей», «Записки матери», «Хозяин и работник», «Воскресение», «Хаджи Мурат», «Живой труп» и др.

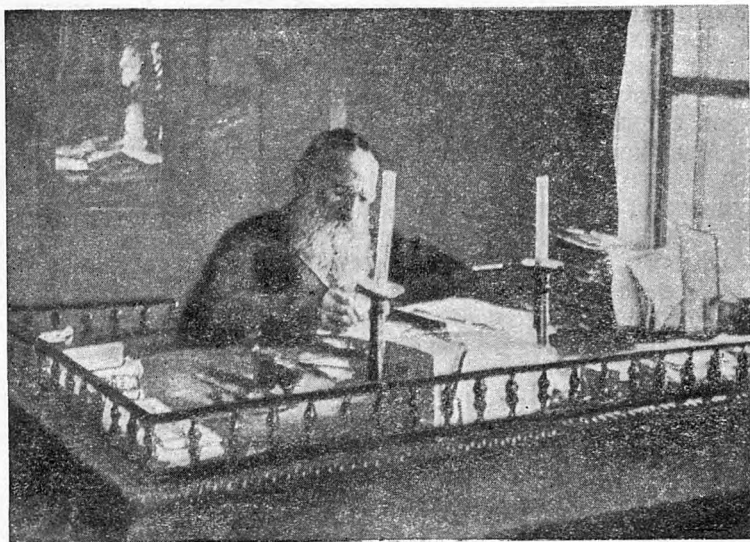
В этом кабинете Толстого посещали тысячи людей всех званий, положений, уровней развития и возрастов. Из русских писателей здесь были Андрей Белый, Белосусов, Боборыкин, Бунин, Гаршин, Горбунов, Максим Горький, Григорович, Дрожжин, Жемчужников, Златовратский, Короленко, Лесков, Майков, Михайловский, Островский, Полонский, Семенов, Сергеенко, Вл. Соловьев, Телешов, Тимковский, Фет, Фофанов, Чехов, Эртель и др.

Здесь бывали сотни критиков, литераторов, общественных деятелей, профессоров, академиков, рабочих и крестьян, ремесленников и учащихся всех школ.

Сюда через зал и «катакомбы», а также черным ходом проводили к великому писателю его посетители. Это были обычно крестьяне, ремесленники, многочисленные сектанты, единомышленники Толстого. Об этих посетителях Софья Андреевна ворчливо говорила: «Темнота одолевает Левочку». Но не только эти неугодные хозяйке дома посетители занимали время великого писателя.

Его дожимали также визиты гостей его прежнего круга. Сам утомляясь от этих гостей в кабинете, а еще более от вечной сутолоки и веселья в зале, в гостиных, на половине у жены и детей, Толстой записывал в свой дневник: «Куча народа», «Вчера пропасть народа», «Посетители одолевают», или «Посетители не дают покоя», или «Москва и ее суета мешают мне работать»¹ и т. д. И Лев Николаевич часто даже зимой уезжал в Ясную Поляну или в Дмитровское имение

¹ Дневники Л. Н. Толстого: 1884 г., 1894 г., 1895 г., 1900 г. и др. (рукописи) и письма к С. А. Толстой в январе 1887 г. и к С. С. Урусову в марте 1889 г.

Л. Н. Толстой в рабочем кабинете дома в Хамовниках
Из фототеки Государственного Литературного музея

Олсуфьевых, чтоб «отдохнуть от города», «отдохнуть от городской жизни»¹.

На письменном столе писателя экспонируются сохранившиеся письма, денежные пакеты от розданных им во время голода пожертвований, газеты и журналы—русские, французские, американские, голландские. Штемпеля на конвертах: Одесса, Харьков, Петербург, Варшава, Лондон, Ментона, Вена, Рим, Пенна (США) и др.

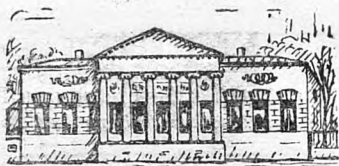
Хозяйкой кабинета Толстого в 90-е гг. была любимая дочь его Машенька, секретарь его, «самая большая радость» стареющего писателя. Она с тринадцати лет стала помогать отцу в его работе, она вегетарианствовала, косила с Львом Николаевичем в Ясной Поляне, помогала ему месить глину для печей и мазанок, она

¹ «Письма графа Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 302—331.

заменяла ему своим секретарством Софью Андреевну. Л. Н. Толстой и его дочь Мария — это был особый мирок в хамовническом доме. Для потомства будет всегда дорог этот московский уголок великого русского писателя, славы и гордости своего народа.

Мы вкратце познакомились с московской жизнью деревенского, усадебного жителя, против своей воли принужденного временами жить в обстановке шумного барского дома в Москве.

Живя в городе, Л. Н. Толстой проникся уважением и симпатиями к трудящимся Москвы, подобно тому, как он неизменно и горячо всю жизнь любил крестьянина, трудящегося деревни, людей физического труда.

ПО ЧЕХОВСКИМ МЕСТАМ В МОСКВЕ

Ы ВПРАВЕ А. П. Чехова считать москвичом, несмотря на то, что местом его рождения является Таганрог. Как писатель, Чехов родился в Москве. Здесь он начал свои первые литературные опыты, здесь же черпал темы для ряда своих произведений.

Петербургский журнал «Осколки» свыше двух лет публиковал его колоритные фельетоны под названием «Осколки московской жизни». Различные уголки Москвы запечатлены Чеховым в качестве места действия многих рассказов: это мелкая парикмахерская у Калужских ворот («В циркульне»), Николаевский—ныне Октябрьский—вокзал («Толстый и тонкий»), Тверской бульвар («75000»), глухие переулки Арбата («Страшная ночь»), Благородное собрание—ныне Дом Союзов («Французский бал»), ресторан «Славянский базар», Никольская—ныне улица 25 Октября («Ванька») и т. д. Мы встречаем описание рынков («В Москве на Трубной площади»), подмосковных дач, Сокольников («Пропащее дело», «Три года»), летних садов и гуляний, гостиниц; наконец, даже московские уличные происшествия рождают фабулу кратких чеховских новелл («Радость»).

Один сухой перечень московских топографических точек, встречающихся в произведениях Чехова, мог бы занять большое место.

Сложными и своеобразными путями шло литературное освоение Чеховым Москвы.

Далеко не всегда какое-либо московское впечатление находило немедленное отражение в чеховском творчестве. Проходят иногда годы. «Мне нужно, — отмечал сам писатель, — чтобы время и память отсеяли все неважное, чтобы на решетке осталось только золото воспоминаний»¹.

В 1876 г. отец писателя был вынужден, бросив описанную за долги мелочную лавку, бежать в Москву, и постепенно переводил сюда семью из Таганрога. В 1879 г. в Москву приезжает и Антон Павлович. Отец писателя работал в это время по письменной части в амбаре замоскворецкого купца И. Е. Гаврилова, стяжателя и самодура. Через 16 лет Антон Павлович создает повесть «Три года», где в описании гнетущего быта семьи Лаптевых близкие писателя узнают былой гавриловский амбар. Несколько позднее писатель знакомится с подругой своей сестры по высшим женским курсам Герье — астрономом О. К., а через ряд лет ее эксцентрический и своеобразный облик был использован Чеховым в той же повести. «Он вывел ее (во внешних чертах) в лице Рассудиной в повести «Три года», — свидетельствует его брат². Там же описана история сироты, которому грозила участь стать мальчиком при амбаре, так как его никак не удалось поместить в гимназию, пока не «повезли его на Разгуляй во вторую гимназию и там, дай бог здоровья, приняли». Здесь в точности воспроизводится личная история младшего брата писателя, которого предполагали «отдать» в гавриловские амбары, и тогда мальчик отправился сам по московским гимназиям с просьбой о приеме, и только во второй гимназии на Разгуляе он был принят. Таким образом, Чехов, заимствуя из наблюдаемой им жизни литературный материал, сохранял даже документальный адрес.

Что же брал Чехов из московской жизни? Иногда это отдельный персонаж, иногда происшествие (напри-

¹ А. П. Чехов, Собр. соч., т. II. Прилож. к журн. «Огонек», 1929, стр. 15.

² Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 70.

мер, «Смерть чиновника» — случай, действительно бывший в Большом театре)¹, иногда — эпизод из жизни близких или просто знакомых ему людей («Попрыгунья»), а подчас — всего лишь фраза, красочная реплика.

Нередко Чехов ради большей сатирической остроты подает московский материал в неожиданных гротескных условиях; например, быт московских меблированных комнат переносит в Португалию (рассказ «Жены артистов» имеет подзаголовок: «Перевод... с португальского»). Отталкиваясь от какого-либо московского события, писатель настолько перерабатывает его с литературной стороны, что лишь свидетельство близких людей может вскрыть его подлинное происхождение.

В доме Корнеева, о котором будет речь впереди, живет по соседству с Чеховым студент П., отличающийся религиозностью. «Вдруг мы услышали, — вспоминает брат писателя, — что он постригся в монахи... в Ялте он навещал жившего тогда там Антона Павловича... Это свидание архиерея Сергия с Антоном Павловичем в Ялте и было той ассоциацией, благодаря которой появился на свет рассказ «Архиерей»².

Трудно не узнать Московский университет, питомцем которого был сам Чехов, в «Скучной истории». Однако писатель не дает никаких конкретных указаний, очерчивая облик Московского университета в тягостные 80-е гг. лишь посредством ряда характерных мелочей: «мрачные, давно не отремонтированные университетские ворота», «ветхость университетских построек, мрачность коридоров, копоть стен, недостаток света, унылый вид ступеней, вешалок и скамей...».

Но не только внешнее бытоописание связывает Чехова с Москвой.

Подобно Грибоедову, он ощущает «особый отпечаток», накладываемый этим городом на всех с ним соприкоснувшихся, и этот «отпечаток» Москвы вызывает у писателя нежность и симпатию. «Она провинциалка, — говорит герой повести «Три года», — но она училась в

¹ Мих. Чехов, «Антон Чехов и его сюжеты», М., 1923, стр. 46—47.

² Там же.

Москве, любит нашу Москву, одевается по-московски, и за это я люблю ее, люблю, люблю...».

Москва для Чехова была не только источником литературного материала. Ее значение в его творческой биографии неизмеримо значительней и глубже: по существу она слагала его писательскую судьбу. Пребывание в Москве, в ее радушном быту всегда значило для него то же, что прикосновение к животворящей земле для мифологического Антея: обновление сил. Москва порождала в Чехове новую творческую сосредоточенность. Критик А. Измайлов передает такой разговор:

«Как хорошо у вас в Ялте! — утешал его... собрат по беллетристике.

— Ах, что Ялта! Подлая Ялта! Вот Москва!»¹.

По существу Чехов живописует свое отношение к Москве, говоря о героях повести «Три года»: «они были убеждены, что Москва — замечательный город, а Россия — замечательная страна. В Крыму, на Кавказе и за границей им было скучно, неудобно, и свою серенькую московскую погоду они находили самой приятной и здоровой».

Но все же Чехов не относился к современной ему Москве, как влюбленный, критическое чувство не изменяло ему. В 1891 г. он поместил в «Новом времени» фельетон под названием «В Москве»:

«Я московский Гамлет. Да. Я в Москве хожу по домам, по театрам, ресторанам и редакциям и всюду говорю одно и то же:

— Боже, какая скука! Какая гнетущая скука!»

Аналогичные характеристики не раз встречаются и в произведениях, и в письмах Антона Павловича.

Было время, когда Чехов задумывался о переезде в Петербург, где жизнь ему казалась более культурной и содержательной. Но литературная среда Петербурга тех лет была не такова, чтобы приятным и дружеским теплом облегчить рост собрату-писателю. И вот в письме из Петербурга к сестре (январь 1891 г.) Чехов вынужден не без горечи признать: «Меня окружает густая

¹ А. Измайлов, «Литературный Олимп», стр. 68.

атмосфера злого чувства, крайне неопределенного и для меня непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы. И в то же время готовы меня съесть. За что? Чорт их знает! Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей. И как мелко выражают свое мелкое чувство!»¹.

Как это непохоже на радушную Москву, где каждый чеховский успех воспринимается как московский успех; где на дружеских читках каждое его слово принимается как дар; где на литературных вечерах курильщики Максим Горький и Л. Андреев, храня больные легкие Антона Павловича, уходят в дальние комнаты; где каждый его приезд из Мелихова превращается в дружеское чествование любимого писателя. Сколько внимания и деликатнейших проявлений дружбы, которые так помогают творческому росту! Вот почему симпатии к Москве побеждают в Чехове тягу к Петербургу. Москва становится для него символом содержательности жизни. Вспомним, что в одном из последних чеховских рассказов, «Невеста», провинциальная девушка под вдохновляющим влиянием москвича-литографа отказывается от мещанского счастья, от семейного уюта и, обновленная, вступает в жизнь «новую, широкую, просторную». Вспомним, что в «Чайке» Нина Заречная, отказываясь от прошлого, решает: «Завтра меня уже не будет здесь, я уйду отсюда, покидаю все, начинаю новую жизнь.. Я уезжаю, как и вы... в Москву...» Мечтой о Москве живут и «Три сестры». По существу это все сам Чехов, для которого в Ялте «Москва, далекая и по былым воспоминаниям веселая и светлая, стала... символом потерянного рая»².

Вот почему чеховские адреса в Москве приобретают особый смысл и значение. Московские дома, где жил Чехов, являются не только его местопребыванием. Может быть, они, в большей мере, чем у другого писателя, тесно связаны с творческими думами и успехами.

¹ А. П. Чехов, «Письма», т. III, изд. 2-е, стр. 171.

² А. Измайлов, «Чехов», 1916, стр. 481.

Однако экскурсия по чеховским местам столицы весьма осложнена. Как сам Антон Павлович Чехов, так и жившие с ним члены семьи отличались неизменной любовью к частой смене квартир. Его младший брат Михаил вспоминает: «За три (первых. — Б. З.) года жизни в Москве мы переменили двадцать квартир»¹. Чеховские адреса разбросаны по всей Москве, и, если их нанести на план города, они явились бы показательнейшей картограммой роста литературного успеха писателя. Прихотливой ломаной спиралью ложатся эти адреса на план Москвы, постепенно все более удаляясь от района дешевых квартир Садовой к центру города. Сложный чертеж завершается возле административного центра города — дома генерал-губернатора, нынешнего дома Моссовета.

Обзор всех чеховских мест в одной экскурсии невозможен. Он потребовал бы весьма длительного обхода; да и не все дома, где жил в Москве Чехов в первые годы после своего переезда из Таганрога, уцелели до наших дней. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь той частью города, где чеховские адреса расположены наиболее густо, по возможности подчиняя маршрут той последовательности, в какой отдельные адреса появлялись в биографии писателя. Но для полноты обзора все же следует остановиться на нескольких ранних адресах Чехова.

Перенесемся в Москву 80-х гг. Забудем не только об автомобилях и троллейбусах, но и о трамвае, так как он появился в Москве лишь через 20 с лишним лет, вытесняя конку. Вечерами электрические фонари горели лишь у Верхних торговых рядов (Гум), в Кремле, на Большом Каменном мосту (с 1883 г.).

Отдаленная от центра Трубная улица («Драчевка»), узкая и грязная, освещенная чахлами керосиновыми фонарями, с обшарпанными низкими домами, была заселена преимущественно беднотой. Ее многочисленные трактиры и харчевни, тускло освещенные по вечерам, более походили на притоны. Старые, дореволюционные путеводители по Москве предостерегающе пишут об этом

¹ Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 71.

районе. В конце Трубной улицы, возле Садовой, в 1879 г. поселяется семья Чеховых «в подвальном этаже дома церкви св. Николая на Грачевке, в котором пахло сыростью и через окна под потолком виднелись одни только пятки прохожих»¹. Разорившаяся семья Чеховых уже ранее переехала в Москву, так как отцу писателя грозила долговая тюрьма. Антон Павлович был оставлен в Таганроге, чтобы закончить курс в гимназии. Лишь с описываемого дома начинается его оседлое московское бытие. «В эту-то квартиру и въехал к нам в конце 1879 г. наш брат Антон... приехавший в Москву поступать в университет»², — вспоминает М. Чехов. Церковь св. Николая, стоявшая на углу Садовой и Трубной ул., не сохранилась ныне, так же как и большинство мелких владений священника этой церкви, дьякона, псаломщика и т. д., густо облежавших ее вплоть до нынешнего кино «Форум». Лишь дома №№ 32, 34, 36, 38 передают нам тот убогий колорит, который был так характерен для Трубной улицы 80-х гг.

Чеховская семья не долго прожила здесь. «С осени того же года мы все оптом переехали на другую квартиру по той же Грачевке, в дом Савицкого, на второй этаж». И через страницу автор воспоминаний роняет особо волнующую нас фразу: «С этой квартиры началась литературная деятельность Антона»³. Шутливые семейные вечера, помогающие бороться с житейскими невзгодами, забавные рассказы в лицах, на которые Антон Павлович был мастер, находят теперь свое литературное воплощение. «Письмо к ученому соседу», которым Чехов начал свой литературный путь, и составляло собою в письменной форме тот материал, с которым он выступал по вечерам у нас в семье, когда приходили гости»⁴.

Отныне все окружающее становится плодом пристального писательского наблюдения Чехова. Дома разврата, заполнявшие в те годы находившийся поблизости

¹ Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 71.

² Там же.

³ Там же, стр. 73 и 74.

⁴ Там же, стр. 76.

Соболев переулок, нашли в ярком чеховском рассказе «Припадок» столь суровое осуждение, что редакция весьма опасалась цензурных репрессий. Рассказы отца об амбаре купца Гаврилова, где он жил и служил, через много лет были использованы писателем в повести «Три года»; Трубная площадь, лежавшая по дороге Чехова в университет, блестяще была им описана в рассказе «В Москве на Трубной площади». Дом Савицкого (ныне № 23) — дом первых писательских опытов Чехова.

Переменив в последующие годы ряд квартир, большинство которых не сохранилось, Антон Павлович в 1886 г. поселяется на Якиманке, в д. Клименкова (ныне № 45). Здесь уже самый быт дома находит у Антона Павловича свое литературное воплощение. Чеховы жили в первом этаже. Второй этаж занимал кухмистер, сдававший занимаемое им помещение под купеческие свадьбы, поминки и балы. Результатом писательских наблюдений Чехова явилась и по сей час не сходящая со сцены «Свадьба».

Дом Клименкова знаменателен в творческой биографии писателя также тем, что именно здесь он получил знаменитое письмо Григоровича, означавшее серьезное литературное признание молодого писателя и призывавшее Чехова не разминывать свой талант, настоящий и большой, на журнальные мелочи. Это письмо «поразило меня, как молния, — отвечал Чехов, — я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость...»¹ Узкие журнальные рамки стали уже тесны окрепшему молодому таланту, но во всю свою силу дарование Чехова разворачивается в последующие годы, когда он живет на Садовой-Кудринской. Именно отсюда мы и предполагаем начать нашу экскурсию.

Дом № 6 по Садовой-Кудринской улице

По Садовой-Кудринской в годы проживания здесь Чехова от нынешней черты дома далеко к середине мостовой выступали палисадники, что разительно меняло облик улицы.

¹ А. П. Чехов, «Письма», т. I, 1912, стр. 161.

Дом быв. Корнеева по Садовой-Кудринской ул., № 6, где жил
А. П. Чехов в 1886—1890 гг.

С акварели Б. С. Земенкова

Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

Остановимся у мало заметного сейчас среди новых пяти- и шестизэтажных громадин дома № 6.

В чеховское время он господствовал над другими строениями в этом участке Садовой-Кудринской. Ведь в конце 80-х гг. даже на месте соседнего трехэтажного барского здания стоял лишь крохотный одноэтажный домик хозяина этого владения доктора Я. А. Корнеева, помощника инспектора Московского университета, у которого А. П. Чехов осенью 1886 г. снял описываемый нами особнячок. За 60 лет, что отделяют нас от времени, когда здесь проживал Чехов, изменилось все окружающее, но сам дом остался таким же — вплоть до окраски. «Живу в Кудринке... Цвет дома либераль-

ный, т. е. красный», — читаем мы в одном из писем Чехова за те годы¹.

Бывший корнеевский дом — «дом-комод», как его звали в семье писателя, связан с крупнейшими литературными успехами Чехова. Здесь «журнальный забавник» Антоша Чехонте вырастает в великого русского писателя А. П. Чехова. Литература в эти годы становится для него делом жизни. «Врачебная практика сошла на-нет, — вспоминает его брат Михаил, — и вывеска «доктор А. П. Чехов» стала уже ненужной, хотя и продолжала еще висеть»².

1886—1890 гг., прожитые здесь писателем, отличались для него необыкновенным душевным подъемом. В этот период он всегда был весел, шутил, плодотворно работал и не любил оставаться без людей. Корнеевский двухэтажный особнячок был в эти годы оживленным уголком, охотно посещаемым друзьями и поклонниками таланта писателя, приобретшего уже известность.

Наверху играли на взятом напрокат пианино, пели, шутили и смеялись, а внизу у своего стола под долетавшие до него звуки Чехов писал... Как бы принимая молодого собрата в свою среду, здесь Антона Павловича посетили Григорович, поэт Плещеев; почтил его своим неожиданным визитом композитор Чайковский.

К почетному списку посетителей Чехова необходимо прибавить постоянного гостя этого дома, близкого друга писателя — художника И. И. Левитана. Однажды редактор «Осколков» Н. А. Лейкин, приехавший из Петербурга, посетил Чехова вместе с Н. С. Лесковым, чьи «Соборяне» и «Запечатленный ангел» не раз здесь любовно читались. В. Г. Короленко, навестивший здесь Чехова, был допущен к нему с большим трудом. Из-за большого узла в черном коленкоре, в котором тогда обычно портные носили на примерку костюмы, его приняли первоначально за писателя-самоучку и хотели избавить Антона Павловича от назойливого визита. Впо-

¹ «Чеховский сборник». «Общество Чехова и его эпохи», 1929, стр. 8.

² Мих. Чехов. Предисловие ко II тому писем А. П. Чехова, изд. 1-е, стр. VII.

следствии Короленко находил себе у Чехова в этом доме приют, так как ему долгое время был запрещен въезд в Москву и поэтому в гостинице он проживать не мог.

Надо полагать, что интимные встречи происходили только в первом этаже, где находился кабинет писателя; гостиная же была наверху. О незатейливой планировке дома мы узнаем от друга писательской юности Чехова — В. А. Гиляровского: «Вверху помещалась столовая и комната для семьи, внизу большой кабинет Антона Павловича, в котором сверху была устроена внутренняя лестница прямо из столовой»¹. Внизу же находилась и спальня писателя: «Левое окно внизу — из его спальни», — читаем мы в примечаниях к одному из писем писателя за эти годы².

В доме Корнеева Чехов работал много и плодотворно. Достаточно сказать, что, помимо многочисленных рассказов, им написаны в эти годы «Степь», «Скучная история» и — отклик на смерть В. Гаршина — «Припадок».

Осенью 1887 г. здесь же Антон Павлович написал свою первую пьесу «Иванов» по заказу Ф. А. Корша, владельца частного театра. Для него же Чехов пишет свой столь популярный и ныне водевиль «Медведь», где главную роль исполнял известный артист того времени Н. Н. Соловцов. Вскоре последний, уйдя от Корша, открыл свой собственный театр. Но сборы далеко не оправдали предположений предпринимателя. Спасти дело могли только рождественские спектакли и наличие новой, «боевой» пьесы. До праздников оставалось всего 10—12 дней. Соловцов обратился к Чехову и предложил колоссальный по тем временам гонорар — 1000 руб. за пьесу. Оплата соблазнила Чехова, и он взялся за работу, требующую исключительного творческого напряжения. Брат писателя Михаил Павлович вспоминает о работе А. П. Чехова: «Каждый день он писал по акту, я переписывал их в двух экземплярах, Соловцов приезжал и отбирал эти экземпляры и посылал их с кондуктором (темпы почты тогда были слиш-

¹ В. А. Гиляровский, «Друзья и встречи», стр. 50.

² А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. I, стр. 327.

ком медлительны! — Б. З.) в Петербург на цензуру»¹. Работа была закончена в срок, но сам автор остался ею недоволен. Пьеса, которую тогда писал Чехов, была названа «Леший». Через несколько лет Антон Павлович основательно переделал свой труд, и эта пьеса после переработки была поставлена на сцене Художественного театра под названием «Дядя Ваня».

В 1890 г. Чехов задумывает поездку на Сахалин. Этот остров при царизме был известен как место, где отбывали каторжные работы, «место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный», — так характеризует Сахалин сам писатель. Кропотливый подбор и изучение материалов, касающихся этого острова, — такова последняя чеховская работа, проведенная им в доме Корнеева. В апреле Антон Павлович навсегда покидает «дом-комод» и лишь через семь с половиной месяцев возвращается вновь в Москву.

Непоседливость дружной чеховской семьи сказывается вскоре после отъезда писателя. Квартира сменяется квартирой, и к моменту возвращения Антона Павловича Чеховы живут уже на Малой Дмитровке — ныне улице Чехова.

*Дом № 29 по улице
Чехова*

Остановимся у решетки дома № 29, бывш. Фирганг². Маленький двухэтажный флигелек в глубине двора почти незаметен с улицы: шестиэтажный дом, выросший сзади уже в советские годы, совсем подавил его. В наши дни это невзрачное провинциальное строение кажется совсем неудобным и тесным. Семье Чеховых, привыкшей к широкой, общительной жизни, здесь буквально повернуться было негде.

«Когда я приезжал, — читаем мы в воспоминаниях Михаила Чехова, — поневоле приходилось иной раз устраиваться на ночлег на полу. Бывало, нечаянно дрыгнешь во сне ногой под одеялом, и вдруг тебе в ногу впивался острыми зубами какой-то нечистый дух»³.

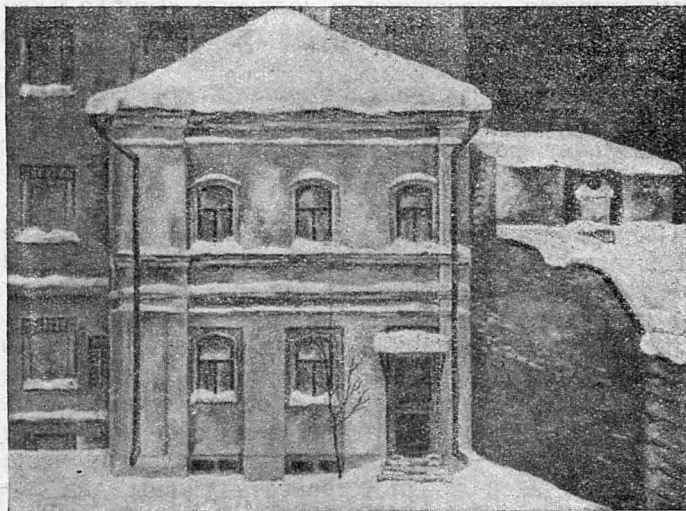
¹ Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 180.

² Пешеходная экскурсия начинается на углу Садовой и улицы Чехова. Здесь проводится вступительная беседа.

³ Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 204.

Двух из этих «нечистых духов» — мангуса и пальмовую кошку — Чехов привез с собой с острова Цейлона, возвращаясь из сахалинской поездки. Шляпы гостей, капоши, обои, занавески, книги постоянно портились этими зверьками; неизменно страдали от них босые ноги полотеров. В конце концов «нечистых духов» пришлось водворить в Зоологическом саду.

Для Чехова, только что столкнувшегося в своем сахалинском путешествии со всей неприглядностью жизни царской России, новая квартира приобрела некий символический смысл. Окружающая жизнь ему начинала казаться такой же замкнутой до духоты и тесной, как и этот неприветливый флигель дома Фирганг. В одном из писем к А. С. Суворину (19 октября 1891 г.) у него вырываются такие знаменательные слова: «Ах, подруженьки, как скучно! Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить

Флигель дома быв. Фирганг по М. Дмитровке, № 29, где жил А. П. Чехов в 1890 — 1892 гг.

С акварели Б. С. Земенкова

Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь»¹.

Эти годы в жизни Чехова отличаются особой беспокойностью. То он устремляется в Петербург, то торопливо уезжает за границу. Наконец, стремление к природе, забота о здоровье, поиски осмысленного общественного бытия приводят его к мысли приобрести имение. В земской работе писатель думал найти удовлетворение. Потребность уехать из Москвы была так велика, что он, даже не осмотрев Мелихово, зимою 1892 г. приобрел это имение и в марте покинул флигель дома Фирганг.

Мы знаем, с каким увлечением выкапывались в Мелихове пруды, для которых Чехов собственноручно возит из Москвы карасей; заводится хозяйство; сажаются розы; ставятся скворешни с надписью «Братя Скворцовы», «Питейный дом». В Мелихове Чехов вновь возвращается к медицинской практике, лечит крестьян, участвует в переписи и строит в окрестных деревнях школы. Немало творческих удач посещает его здесь. Кто из нас не знает фотографию флигеля, где писалась его «Чайка»? И все же Мелихово не в состоянии заменить Москву.

Потребность в общении с московской художественной и литературной средой и в эти годы так велика у Чехова, что он по существу имеет в Москве постоянную квартиру. «Он останавливался, — свидетельствует Т. Л. Щепкина-Куперник, — всегда в «Большой Московской», напротив Иверской (там у него был свой излюбленный номер) и давал знать о своем приезде. С быстротой беспроволочного телеграфа разносилась весть: «А. П. приехал!» — и дорогого гостя начинали чествовать». Сам Чехов любил устраивать ужины для своих литературных друзей в «Золотом зале» ресторана. Останавливался же он обычно в маленьком и не сохранив-

¹ «Литературный быт и творчество А. П. Чехова», 1928, стр. 229—230.

шем свою обстановку номере 5. Здание гостиницы не изменилось и сейчас. Ныне это «Гранд Отель», площадь Революции, д. № 1а. Хотя эта точка и выпадает из нашего маршрута, но для полноты обзора чеховских мест в Москве следует дополнительно осмотреть и ее.

Проходит семь лет. Имя писателя Чехова не только знает, но и чтит вся культурная Россия. Представители заграничной печати приезжают его интервьюировать. Лев Толстой нежно любит его. Но болезнь, долгие годы разрушавшая организм Чехова, теперь приняла такие формы, что врачи потребовали переселения на юг, в Ялту. Еще в доме Корнеева приступы продолжительного кашля будили по ночам родных писателя. Долгие годы врач Чехова старательно скрывал от Антона Павловича его состояние, пока, наконец, не прекращавшееся в течение нескольких дней кровотечение из легких (весна 1897 г.) не показало, что туберкулез принял уже угрожающий характер. В 1899 г. продано Мелихово. В Ялте Чехов — как «в ссылке», живет, подобно своим «Трем сестрам», мечтою о Москве.

*Дом № 12 по улице
Чехова*

В 1899 г., в год незаконченной стройки ялтинского дома, мы вновь видим Чехова на Малой Дмитровке. Приехав в первых числах апреля, он останавливается у родных в доме Владимирова (ныне дом № 12, квартира 10). Здесь он прожил около недели. Уже 16 апреля в одном из писем Чехов сообщает: «Я нанял в Москве квартиру. Вот мой адрес: Москва, Малая Дмитровка, дом Шешкова», а в другом письме к этому добавляет: «Квартиру эту я нанял на целый год»¹. Следовательно, Чехов стремился жить здесь более или менее оседло. И действительно, в течение 1899 г. он провел в этом доме около четырех месяцев.

*Дом № 11 по улице
Чехова*

В октябре 1900 г. Антон Павлович вновь приезжает из Ялты в дом Шешкова и живет здесь до 10 декабря. Дом Шешкова цел и сейчас. Сделанная уже в наши дни надстройка незначительно изменила его верх. Ныне это дом № 11 на углу Дегтярного переулка.

¹ А. П. Чехов, «Письма», т. V, стр. 383 и 384.

Чехов жил в квартире № 14 (подъезд с Дегтярного переулка).

Таким образом, знаменитый русский писатель жил одновременно в трех домах по бывшей Малой Дмитровке. Вот почему эта улица вполне заслуженно носит ныне имя Чехова.

Режиссер Художественного театра Л. А. Сулержицкий описал со слов К. С. Станиславского, часто бывавшего в доме Шешкова, обстановку в чеховской квартире: «Самый простой стол посреди комнаты, такая же чернильница, перо, карандаш, мягкий диван, несколько стульев, чемодан с книгами и записками, словом, все необходимое и ничего лишнего — это была обычная обстановка его импровизированного кабинета во время путешествия. Со временем комната наполнилась несколькими эскизами молодых художников, тема... русский пейзаж в духе Левитана... Рядом с его комнатой часто шумел самовар, а вокруг чайного стола, точно калейдоскоп, сменялись посетители. Одни приходили, другие уходили. Здесь часто и долго сживал покойный художник Левитан, поэт Бунин, Владимир Иванович Немирович-Данченко, артист нашего театра Вишневский, Сулержицкий и многие другие»¹.

Артист Малого театра Южин вспоминает, что здесь в гостях у Чехова он встретил Льва Толстого. Этот визит состоялся в первые же дни поселения здесь Чехова и отмечен в его переписке. 27 апреля 1899 г. Антон Павлович сообщает М. О. Меньшикову: «Был у меня Л. Н. Толстой, но поговорить с ним не удалось, так как было у меня много всякого народу... на другой день я был у Л. Н., обедал там»².

Можно предполагать, что, приезжая в Москву, бывал в доме Шешкова у Чехова и Максим Горький, хотя весной 1899 г. их встреча здесь не состоялась: «...как это было возможно не найти в Москве моего адреса!? а я Вас так ждал, так хотел видеть», — читаем мы в чеховском письме Горькому от 25 апреля³.

¹ Сборник «Шиповник», кн. 23, 1914, стр. 156—157.

² А. П. Чехов. Затерянные произведения, «Атений», стр. 17.

³ А. П. Чехов, «Письма», т. V, стр. 483.

10 декабря 1900 г., направленный врачами в Ниццу, Антон Павлович навсегда расстается с домом Шешкова.

*Дом № 1 по улице
Чехова*

Выходя на Пушкинскую площадь, обратим внимание на угловой дом № 1. Фотографии конца прошлого века запечатлели этот старый дом, сплошь унизанный разнообразными вывесками. В числе многочисленных предприятий, разместившихся здесь, находилась также типография В. В. Давыдова, который затеял издавать журнал «Зритель» в годы писательской юности Чехова. Впоследствии младший брат Антона Павловича вспоминал: «...Журнал этот стал специально «чеховским», так как в нем все литературно-художественное производство целиком перешло в руки сразу троих моих братьев — Александра, Антона и Николая¹, причем Александр, кроме того, стал еще заведывать в «Зрителе» секретарской частью»². «Редакция «Зрителя» была более похожа на клуб, чем на редакцию. Сюда, как к себе домой, сходились каждый день ее члены, хохотали, курили, рассказывали анекдоты, ровно ничего не делали и засиживались до глубокой ночи»³. «Зритель» выжил недолго. Давыдов, взявший на себя обязательство три раза в неделю выпускать журнал, вдобавок богато иллюстрированный, оказался вскоре несостоятельным, и издание было прекращено.

*Дом № 3 по улице
Москвина*

Пройдем через улицу Пушкина на улицу Москвина (бывш. Петровский пер.) и остановимся у дома № 3, где ныне филиал Московского Художественного театра. Здесь некогда помещался популярный в Москве театр Корша, в котором начал свою драматургическую работу Чехов. В 1887 г. он уже был известен как писатель-юморист. Корш, увидев его в фойе, разговорился с молодым автором и предложил Антону Павловичу написать для своего театра пьесу. Так появились сначала «Иванов», а затем «Медведь». Следует отметить, что Чехов не чувствовал особой уверенности

¹ Талантливый художник, рано умерший.

² Мих. Чехов, «Вокруг Чехова», стр. 80.

³ Там же, стр. 82.

в успехе своих драматургических начинаний. Его брат Иван рассказывает: «Когда шел в первый раз в Москве у Корша «Медведь», Антон Павлович никому из нас об этом не сказал, он боялся, что это будет ужасно. Но отец совершенно случайно увидел на афише, что идет водевиль «Медведь» А. П. Чехова, и пошел на галерею смотреть».

Неожиданный успех окрылил начинающего драматурга, и он не без торжества писал А. С. Суворину: «Цыган не заработает того живым медведем, что я заработалдохлым. 500 руб. дал мне зверь»¹. Столь присущее Чехову личное человеческое обаяние и успех его первых драматургических опытов быстро сроднили его с театральной семьей Коршевского театра. Он бывает здесь запросто, участвует на интимных вечерах артистов: «Вернулся домой в 10¹/₂ часов утра... — читаем мы в одном из его писем к А. С. Суворину. — Ужинали вчера в фойе Коршевского театра с актерами, актрисами и генералами. Ужин прощальный, по случаю закрытия сезона»².

*Уг. Петровки
и ул. Москвина
(дома №№ 25 и 23)*

Остановимся на углу ул. Москвина и Петровки. Оба угловых дома связаны с памятью Чехова. Дом № 25 не сохранился. Уже в наши дни этот дом, некогда принадлежавший Самарину, был за ветхостью разобран и на его месте построен новый. В доме Самарина долгие годы помещалась популярная в Москве фотография Опитца, где Чехов неоднократно снимался.

Вспомним, что Антон Павлович был к своим изображениям довольно требователен. О находящемся ныне в Третьяковской галерее портрете работы художника Браза он отзывался иронически: «Говорят, что и я, и галстук очень похожи», а в письме к сестре Антон Павлович пояснил, в чем же, по его мнению, основа неудачи Браза: «Портрет мне не кажется интересным. Что-то в нем не мое и нет чего-то моего»³. Тем более

¹ А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. II, стр. 322.

² Там же, стр. 315.

³ Там же, т. V, стр. 177—178.

интересно, что Чехов не раз в письмах упоминает о фотографировании у Опитца, отмечая, что среди снятых портретов «есть удачные».

В доме № 23 жил друживший с Антоном Павловичем доктор Н. Н. Оболонский, не чуждый сам занятию литературой, что Чехов поощрял. В 1889 г. А. П. пишет о нем поэту А. Н. Плещееву, входившему в состав редакции «Северного вестника»: «Один доктор, очень милый человек... поручил мне во что бы то ни стало послать в Сев. Вестник два стихотворения, которые и прилагаю»¹. Близость Чехова и Оболонского выразилась также в деятельном участии писателя в женитьбе Оболонского, о чем сам писатель упоминает в нескольких письмах, сообщая, что ему пришлось «быть вчера на мальчишнике у одного доктора, который женится на балерине. У балерины я шафером»². Доктор Оболонский был первым, кого вызвал к себе Чехов во время сильного кровотечения в 1897 г., о чем сохранилось несколько записок писателя. Оболонский же, по свидетельству Суворина (ошибочно называющего его Оболенским), отвез находившегося под угрозой смерти Чехова в университетскую клинику.

Трубная площадь Перейдем на противоположную сторону Петровки, Крапивенским переулком выйдем на Петровский бульвар и дойдем до Трубной площади. Реконструкция ее в 1947 г. радикально изменила ее облик. Нынешняя шумная, все время пересекаемая трамваями и автомобилями площадь мало похожа на Трубную площадь последних лет XIX в. Тогда здесь имела долгую остановку конка, здесь впрягалась дополнительная пара лошадей, так как основной упряжке не под силу было взобраться на гору Рождественского бульвара. И под шумное гиканье и свист конка с трудом и неторопливо подымалась к Сретенским воротам. По воскресеньям на площади возникал красочный рынок: любители аквариумов, певчих птиц, голубей, охотники и собаководы — независимо от чинов и сословий — под открытым небом собирались

¹ А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. II, стр. 418.

² Там же, стр. 422.

здесь, как в клубе, во все времена года. И никакая погода не могла помещать завсегдашней Трубной площади.

Один из лучших московских очерков Чехова, «В Москве на Трубной площади», посвящен воскресному дню на этой площади. «Труба, — этот небольшой кусочек Москвы, где животных любят так нежно и где их так мучают, живет своей маленькой жизнью». Здесь и учитель, знаток голубей, «ваше местоимение», здесь и рыболов, продающий «держанных карасей», здесь и продавец, у кума которого «...кошка... извините, огурцы ела», и широко известный рассказ о том, что «заяц, ежели его бить, спички может зажигать».

Обратим внимание на известное каждому старому москвичу здание на углу Петровского бульвара и Неглинной улицы, где до революции помещался один из фешенебельных ресторанов Москвы, прославленный тонкостью своей кухни, — «Эрмитаж». Чехов бывал здесь очень часто.

Вспомним о традиции московского студенчества в стенах «Эрмитажа» справлять праздник в честь открытия университета — «Татьянин день» (12 января по ст. стилю).

В этот день ресторан был закрыт для обычной публики. Дорогая мебель убиралась из зал, ставились простые скамьи и стулья, и ресторан наполнялся рядовой студенческой массой, профессурой и небольшим количеством особо приглашенных студентами гостей. Изысканные повара «Эрмитажа» на этот раз бывали лишены возможности проявить свои кулинарные таланты, которые тощим студенческим кошелькам было не по силам оплатить. Воспитанник Московского университета, Чехов, безусловно, в свои студенческие годы бывал здесь в этот день.

В январе 1885 г., составляя «Осколки московской жизни», он включает заметку о том, что его «тридцатая Татьяна отпразднована en grand и с трезвоном во все тяжкие»¹. Позднее «Эрмитаж» нередко упоминается в его переписке как место дружеских завтраков, товари-

¹ А. П. Чехов, Собр. соч., 1932, т. XI, стр. 179.

Старая Трубная площадь

щеских встреч, интимных бесед с редакционными друзьями. Наконец, «Эрмитаж» явился местом трагического эпизода для Чехова.

Часто общавшийся в те годы с Чеховым А. С. Суворин оставил в своем дневнике по-протокольному сухую, но точную запись этого события, едва не оборвавшего жизнь Антона Павловича:

«24 марта (1897). 20 выехал в Москву. Остановился в «Славянском базаре»¹.

...Третьего дня у Чехова пошла кровь горлом, когда сели за обед в «Эрмитаже». Он спросил себе льду, и мы, не начиная обеда, уехали. Сегодня он ушел к себе в Б. Моск. гостиницу. Два дня лежал у меня.

26 марта. Вчера встал в 5 час. утра, не уснул ни минуты, написал записку Чехову и сам снес ее в Б. Моск. гостиницу... В 11 часу пришел доктор Оболенский (читай Оболонский. — Б. З.) и сказал, что у Чехова в 6 час. утра пошла опять кровь горлом, и он отвез его в клинику Остроумова, на Девичьем поле... Чехов лежит в № 16, на десять №№ выше, чем его «Палата № 6», как заметил Оболенский»².

В эти тяжелые минуты Чехов не был забыт друзьями. Посетителей в клинике было так много, что администрация вынуждена была запретить визиты, которые, утомляя больного, вызывали повторные приступы кровотечения. Здесь посетил его и Л. Н. Толстой. Очевидно, происходившая беседа взволновала Чехова, так как к утру у него вновь появилось кровотечение. В дневнике Антона Павловича мы находим такую короткую запись: «28 марта приходил ко мне Толстой Л. Н.; говорили о бессмертии»³. В клинике Чехов пробыл до 10 апреля.

Здания университетских клиник на Пироговской улице не изменились и сейчас. Только улицы, некогда пустынные и тихие, полны ныне жизнерадостными вузовцами, проходящими в этом университетском городке

¹ Гостиница на Никольской ул. (ныне ул. 25 Октября), дом № 17.

² А. С. Суворин, «Дневник», стр. 150—152.

³ А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. V, стр. 493.

медицинскую практику, и профессорами, спешащими на лекции.

Третья терапевтическая клиника носит ныне имя Остроумова.

Поправляясь, писатель вместе с другими больными выходил греться на весеннем солнце на скамье у подъезда. А всего только через 7 лет, в душный московский июльский день 1904 г., его тело было пронесено здесь, под окнами палаты № 16, на кладбище Новодевичьего монастыря.

По существу эпизод в «Эрмитаже» разделил жизнь Чехова на две половины: первая — полнокровная, полная шуток и жизненных достижений, и вторая — когда его, отрываемого болезнью от любимой творческой московской среды, вечно посылаемого куда-либо врачами, никакие творческие успехи не могли уже до конца утешить. «Я... точно фельдъегерь старого времени, которого гоняли то в Крым, то в Варшаву, то в Царское Село, то на Урал», — вырывается у него с горечью в одном из писем¹.

Сандуновские бани Свернем от бывшего «Эрмитажа» на Неглинную улицу и войдем в Звонарный переулок, известный москвичам по находящимся здесь Сандуновским баням. Чехов очень любил их, часто бывал здесь и хорошо был известен служащим, которые даже звали его по имени и отчеству.

Товарищ детства Антона Павловича писатель Сергеенко встретился здесь с ним уже незадолго до смерти. «...Наша беседа перешла на минувшие годы. И, очевидно, в ней было нечто особенное, потому что, когда Чехов ушел, услуживавший ему банщик посмотрел вслед и сказал задумчиво:

— Как это хорошо вы беседовали с Антоном Павловичем!»²

Этот эпизод не является случайностью. Простые люди обычно очень любили Чехова. Он умел легко и тактично находить дорогу к их сердцу.

¹ А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. V, стр. 390.

² П. Сергеенко, «Пять лет минуло», «Русское слово», 1909, № 150.

Дом № 2 по Звонарному переулку

В 1902 г. Чехов прожил в соседстве с Сандуновскими банями около месяца. Ныне это дом № 2 (бывш. Ганецкой) по Звонарному переулку. По пути с Неглинной в Сандуновские бани, мы пройдем под чеховскими окнами; он жил в первом этаже.

В 1901 году Антон Павлович женился на артистке Художественного театра О. Л. Книппер. На этот раз он переехал уже в подготовленную для него квартиру. «Квартира мне понравилась,—пишет он сестре в Ялту,— все хорошо, за исключением венков с лентами и картин. Гости одолевают»¹. Некогда Чехов восклицал: «Я положительно не могу жить без гостей!» Он даже боялся одиночества: «Когда я один, мне почему-то становится страшно, точно я среди великого океана солистом плыву на утлой ладье»². Болезнь сделала свое дело — теперь Чехов предпочитает тишину и покой.

Вскоре после приезда Антона Павловича Ольга Леонардовна тяжело заболела. Врачи определили воспаление брюшины (перитонит) и признали ее положение весьма опасным для жизни. Чехов не спал ночи, не отходя ни на минуту от больной. Вспомним, что в это время он уже был любимым драматургом Художественного театра, на сцене которого с небывалым успехом шли его пьесы «Чайка» и «Три сестры». Все актеры и друзья, чтобы морально поддержать Антона Павловича и развлечь его, устраивали у него на квартире специальные дежурства.

В конце июня здоровье Ольги Леонардовны, вопреки предсказаниям врачей, поправилось, и Антон Павлович вместе с ней уехал на Волгу.

Дом № 19 по Петровке

Выйдем Рахмановским переулком вновь на Петровку. Перед нами дом последних жизненных успехов Чехова, дом «лебединой песни» его писательской биографии. В те годы дом принадлежал Коровину (ныне № 19). Антон Павлович переехал сюда 24 апреля 1903 г. Атмосфера столь любимой Чеховым Мо-

¹ А. П. Чехов. «Письма», изд. 1-е, т. VI, стр. 225.

² Там же, т. II, стр. 374.

сквы сразу наполнила его жизнерадостностью и довольством. «Чувствую себя превосходно. Квартира великолепна, собака — такс очень умна, порядок примерный — даже погода! — Здесь погода летняя, теплее, чем в Ялте, даже сравнивать нельзя»¹.

Однако врачи не разделяли радужных настроений Чехова и направили его в Подмосковье, которое они теперь признали для него полезнее Ялты. Прожив около полутора месяцев в окрестностях Нары, Чехов вернулся в Ялту. Однако в первых числах декабря мы видим его вновь в Москве. И вновь те же самообольщения о своем здоровье: «Здесь в Москве снежок, тихо, ласково. Я здоров совершенно, так здоров, что даже докторам становится совестно»², — пишет он о себе. Но едва ли это соответствовало действительности, потому что в другом письме он вынужден сознаться: «я кашляю и жена не пускает из дому»³. В своем письме к академику А. Н. Веселовскому, благодаря за сообщение об избрании во временные председатели Общества любителей российской словесности, Чехов вынужден с горечью признать:

«Я теперь в Москве не живу, а только пробую, нельзя ли мне тут жить»⁴.

Вернувшись в Москву, Чехов привозит законченную пьесу «Вишневый сад». Здесь, в доме Коровина, проходят первые читки этой пьесы, ее обсуждение, подготовка к репетициям, на которых Антон Павлович, пользуясь близостью дома Коровина к зданию Художественного театра, постоянно бывает.

С этим же домом связаны воспоминания о днях юбилея Чехова по поводу 25-летия его литературной деятельности, отпразднованного 17 января 1904 г. в Художественном театре.

Около месяца после этой торжественной даты он прожил еще в доме Коровина. Адреса и приветствия осаждают его. Как лучи солнца в последние минуты

¹ А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. VI, стр. 286.

² Там же, стр. 344.

³ Там же, стр. 343.

⁴ Там же, стр. 341.

заката с особой яркостью освещают мир, так и эти дни, казалось, хотели своим теплом восполнить Чехову тяжелое время его ялтинской «ссылки». В близком домашнем кругу он отшучивается, иронизирует над подарками, адресами, поздравительными телеграммами, но в действительности был по-настоящему согрет этими прощальными днями с любимой Москвой. 15 февраля 1904 г. Чехов покидает дом Коровина.

**Дом № 9
по Столешникову
переулку**

Пройдем к Художественному театру, с которым так был связан в эти дни Чехов. Завернем в Столешников переулок и остановимся у дома № 9. Здесь долгие годы жил друг писательской юности Чехова, автор многочисленных воспоминаний о старой Москве, «дядя Гиляй» — В. А. Гиляровский. Прославленный репортер, бурлак, поэт, актер, издатель спортивной газеты. Его жизнь была наполнена бесчисленными приключениями. «Ты курьерский поезд. Остановка — пять минут. Буфет»¹, — так характеризовал его Антон Павлович, который, конечно, неоднократно бывал на дружеских субботах, ряд лет гостеприимно устраиваемых Гиляровским.

**Художественный
театр**

Свернув на улицу Пушкина, выходим к проезду Художественного театра (бывш. Камергерский переулок). Здесь следует вспомнить, что Художественный театр начал свою замечательную историю не в этом здании: первоначально он находился в помещении тогдашнего «Эрмитажа» — нынешнего театра им. Моссовета (Каретный ряд, дом № 3). Именно там смотрели современники «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры».

Нынешнее здание было специально перестроено для Художественного театра в 1902 г. по проекту дружившего с Чеховым архитектора Шехтеля. Первое представление здесь состоялось 25 октября; шли «Мещане» М. Горького, имя которого носит ныне театр.

Антон Павлович очень интересовался строительством здания Художественного театра. Жил он в то время

¹ В. Гиляровский, «Друзья и встречи», стр. 27.

в уже описанном нами доме Ганецкой в Звонарном переулке. К. С. Станиславский, часто тогда посещавший писателя, вспоминает: «Большое место в тогдашних наших разговорах занимал наш новый театр, строившийся в Камергерском переулке. Так как ему нельзя было покидать больницу, то ему приносили на дом планы, чертежи и т. д.»¹.

Чехов с живейшим интересом относился к сложному процессу создания спектакля и, бывая в Москве, стремился присутствовать на репетициях своих пьес. Но вполне закономерные неудачи в процессе поисков воспринимались им подчас весьма болезненно и очень тревожили его. В. И. Немирович-Данченко, выступая в день 25-летия со дня первого представления «Вишневого сада», вспоминал: «Когда он приехал и начал ходить на репетиции, скоро пошли недовольства. Он волновался настолько, что пришлось его уговорить перестать ходить на репетиции»².

Чувство тревоги за жизнь любимого автора царило в театре. Художественный театр решил соединить премьеру «Вишневого сада» с чествованием писателя в связи с 25-летием его литературной деятельности. В этом сказалось особое внимание к Антону Павловичу. «Чехов очень упирался, — вспоминает Станиславский, — угрожал, что останется дома, не приедет в театр. Но соблазн для нас был слишком велик, и мы настояли. И притом же первое представление совпало с днем именин Антона Павловича (17/30 января)»³. Однако для всех близких этот праздник казался прощанием. Стоявший у рамы Антон Павлович выглядел настолько слабым, что из залы раздались возгласы: «Сядьте!.. пусть Антон Павлович сядет!» Театру удалось в этот вечер создать особую, незабываемую атмосферу. Вспоминая его, Немирович-Данченко говорит, что этот вечер «действительно носил характер необычайной любви к поэту-драма-

¹ К. С. Станиславский, «Чехов в Московском Художественном театре». «Ежегодник МХАТ», 1945, стр. 148.

² «Ежегодник МХАТ», 1945, стр. 174.

³ К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве», изд. 3-е, 1936, стр. 392.

Вид гостиницы „Дрезден“, на Советской (б. Скобелевской) площади. В 1901 г. здесь останавливался А. П. Чехов.

С акварели Б. С. Земенкова

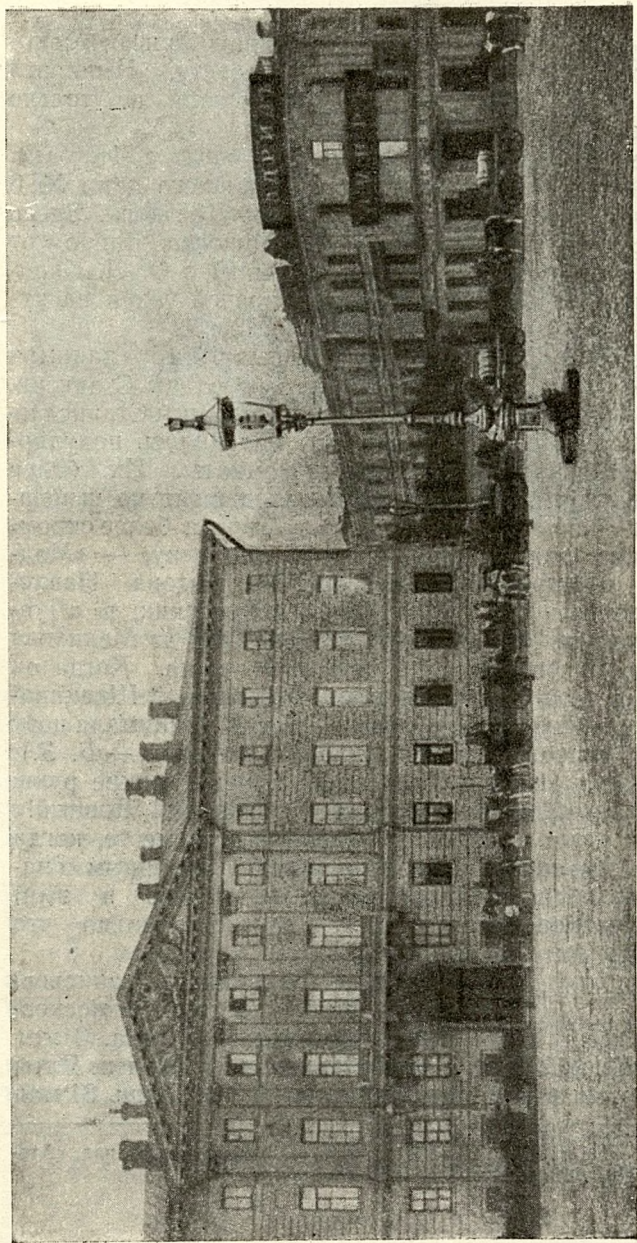
Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы

тургу, необычайной трогательности, необычайного внимания, необычайной торжественности»¹.

Театр Корша был школой для Чехова-драматурга. В Художественном театре его дарование нашло уже свое полноценное выражение. Этот театр обрел в Чехове автора, наиболее соответствовавшего духу МХТ, и недаром чайка — символ чеховской пьесы — стала эмблемой Художественного театра. Антон Павлович с особой нежностью относится к раскрывшему его драматургию театру. «Благодарю небо, что, плывя по житейскому морю, я, наконец, попал на такой чудесный остров, как Художественный театр»², — так в письме к актеру Вишневскому Чехов оценил значение для него любимого им театра.

¹ «Ежегодник МХАТ», 1945, стр. 178.

² А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. V, стр. 443.

Дом московского генерал-губернатора (впоследствии здание Моссовета). Справа — меблированные комнаты „Мадрид и Лувр“, где А. П. Чехов читал „Чайку“ друзьям.

С фотографии начала 90-х гг. XIX века

*Дом № 6 по улице
Горького*

Выйдем на улицу Горького и повернем к Моссовету. Ныне вся Советская площадь не только перестроена, но и расширена.

На ней находилось два дома, связанных с Чеховым. До реконструкции угловую часть нынешнего дома № 6 составлял корпус бывшей гостиницы «Дрезден». Здесь Чехов останавливался в мае 1901 г., когда тайно от друзей и знакомых обвенчался (25 мая) с О. Л. Книппер и вместе с ней по требованию врачей уехал на курорт в Уфимскую губернию.

*Дом № 15 по улице
Горького*

На месте дома № 15, занимая пространство от улицы Станкевича до нынешней улицы Станиславского (бывш. Леонтьевский пер.), находились популярнейшие в Москве меблированные комнаты. Их более фешенебельная и дорогая часть, выходившая на нынешнюю улицу Горького, называлась «Лувр», а более скромная, обращенная к Леонтьевскому переулку, — «Мадрид». В «Мадриде» жила «кума» Антона Павловича, писательница Т. Л. Щепкина-Куперник, в «Лувре» — артистка Л. Б. Яворская. Приезжая из Мелихова в Москву, Чехов часто бывал в этом доме. Когда он «входил в синюю гостиную, — вспоминает Щепкина-Куперник, — Лидия (Яворская. — Б. З.) принимала позу индусской героини (из исполняемой ею роли. — Б. З.), кидалась на колени и, протягивая к нему тонкие руки, восклицала: «Единственный! Непостижимый! Дивный!» Отголосок этого я нашла в «Чайке» в том месте, когда Аркадина становится на колени перед Тригориным и называет его «единственным, великим», что-то в этом роде»¹. Позднее Чехов читал у Яворской только что написанную им «Чайку».

*Дом № 24 по улице
Станиславского*

Свернем на улицу Станиславского. Мы у последнего московского пристанища Чехова. 3 мая (по ст. стилю) 1904 г. Антон Павлович приехал из Ялты и остановился в доме Катък (ныне № 24). Лишь 31 мая

¹ Т. Л. Щепкина-Куперник, «В юные годы», изд. «Ате-ней», стр. 228—229.

Похороны А. П. Чехова
С фотографии

Из фототеки Государственного Литературного музея

ему удалось в первый раз выйти на улицу. Плеврит и жестокий катар кишок, а по мнению некоторых врачей— туберкулез кишок, приковали его к кровати почти на месяц. Чехов в этот приезд выглядел так плохо, что ни у кого из его близких друзей не оставалось сомнений в скором печальном конце.

Гиляровский, описывая свою последнюю встречу с Антоном Павловичем, вспоминает, что последний ослабел настолько, что даже задремал посреди беседы.

«Я смотрел на осунувшееся милое лицо, спокойное, спокойное, на неподвижно лежавшие желтые руки с синими жилками и думал:

Нет, Антоша, не пивать тебе больше у меня сливянки, не видать тебе своих донских степей, целинных, платовских, так прекрасно тобой описанных...»¹

¹ В. Гиляровский, «Друзья и встречи», стр. 59.

Писатель Телешов, посетивший в доме Катых Чехова, также был поражен его видом.

«Хотя я и был подготовлен к тому, что увижу, — вспоминает он, — но то, что я увидел, превосходило все мои ожидания, самые мрачные. На диване, обложенный подушками, не то в пальто, не то в халате, с пледом на ногах, сидел тоненький, как будто маленький человек, с узкими плечами, с узким бескровным лицом — до того был худ и изнурен Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться.

Жутко мне стало... А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит: — Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать.

Он сказал более жесткое слово, которое резнуло меня и которое не хочется сейчас повторить.

.....

Сомневаться в том, что мы видимся в последний раз, не приходилось. Было это так ясно. И потому было действительно жутко. Я боялся заговорить в эти минуты полным голосом, боялся зашуметь сапогами. Нужна была какая-то нежная тишина, нужно было с открытой душой принять те немногие слова, которые были, несомненно, для меня последними и исходили от чистого и прекрасного — чеховского сердца»¹.

3 июня Антон Павлович уехал лечиться за границу, где через месяц без одного дня — 2 июля 1904 г. — он скончался вдали от родины в маленьком шварцвальдском городке — курорте Баденвейлере.

Невыразителен последний московский приют Чехова. Типичный «доходный дом», построенный для модных дантистов и популярных адвокатов. И Чехов не без иронии подчеркивает буржуазную «сановность» своего жилища: «Живу... в Леонтьевском переулке (д. Катых, где живет великий Шаляпин)»². Он отмечает наличие подъемной машины... и больше сказать ему нечего.

¹ Н. Телешов, «Литературные воспоминания», Московское т-во писателей, 1932, стр. 92—93.

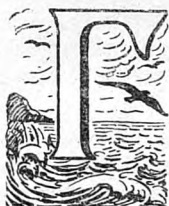
² А. П. Чехов, «Письма», изд. 1-е, т. V, стр. 375.

Не такая Москва волновала его мечты. Вспомним, что герои Чехова постоянно предчувствуют надвигающуюся на Россию очистительную грозу революции. Московский литограф Саша в «Невесте», написанной за полгода до смерти автора, говорит: «Все полетит вверх дном, все изменится, точно по волшебству. И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди».

Мы выходим на улицу Горького, великолепная и праздничная архитектура которой как бы претворяет в жизнь мечту великого русского писателя.

ГОРЬКИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОСКВЕ

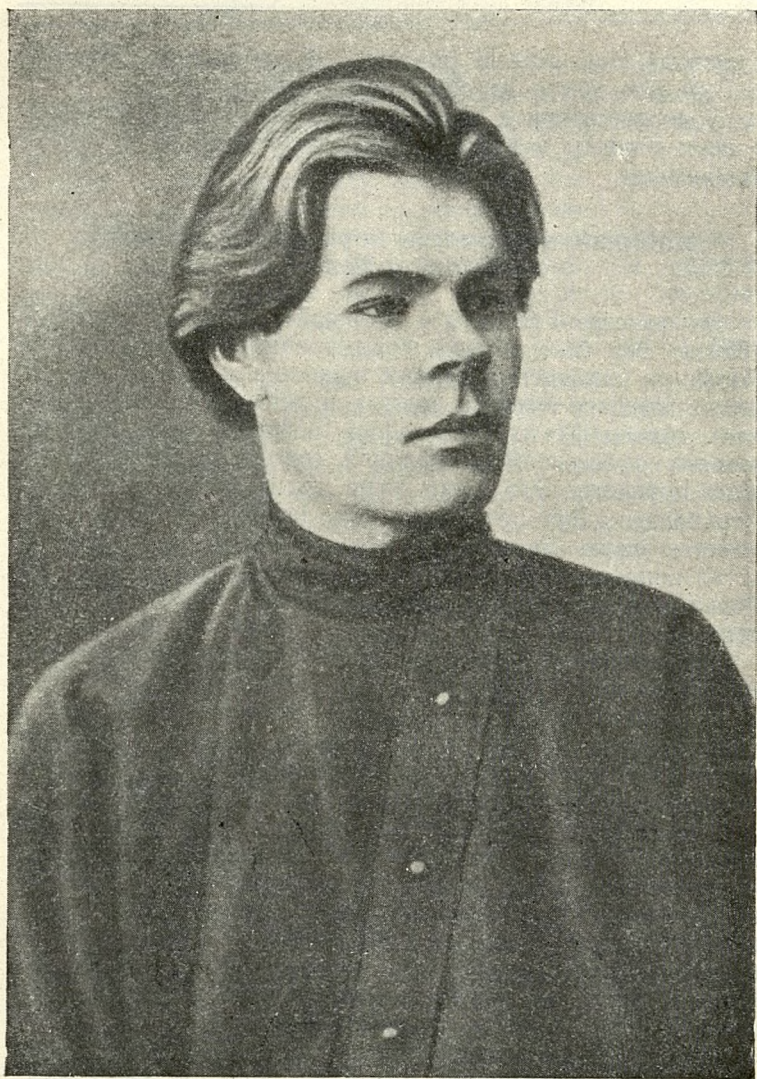

ГОРЬКИЙ был непревзойденным художником большого города. В своих произведениях он дал мастерское описание многих крупнейших городов России, городов зарубежных. С большим художественным мастерством Горький рисовал не только внешние особенности того или другого города: он всегда умел уловить его национальное свое-

образие, почувствовать живую душу народа.

И среди созданных Горьким красочных, художественных описаний городов первое место принадлежит, несомненно, Москве. Дореволюционная Москва нарисована Горьким в его обширном романе «Жизнь Клима Самгина».

В Москве Горький чувствовал трепетное биение сердца России, горящего пламенем великой любви к людям и великой ненавистью к врагам родины. Образы огромного русского города, типы большого числа людей, активно выступающих в горьковской эпопее, и людей, лишь эпизодически проходящих через ее живую повествовательную ткань, пропущены Горьким через авторское сознание, через многократные собственные наблюдения. Отсюда убедительная жизненность всех персонажей горьковского романа, действующих на его страницах. Отсюда же проистекает и большая взволнованность, испытываемая большинством читателей «Жизни Клима

А. М. Горький
Фотография 1889 г.

Из фототеки Государственного Литературного музея

Самгина» при чтении романа. В описании Москвы у Горького много автобиографического.

В соответствии с этим и наша экскурсия построена в двух планах: в плане биографическом и в плане творческом.

1. Первое знакомство Горького с Москвой. Горький у Толстого

Знакомство Горького с Москвой следует отнести к 1889 г. Это был период формирования мировоззрения Горького, подведения первых жизненных итогов, настоячивых поисков «своего места» в жизни. Беглый перечень только фактов биографии писателя этого периода говорит о большой внутренней взволнованности молодого Горького. Это были годы длительных скитаний Горького по Руси, это было его первое широкое знакомство со своей родиной. Перед ним во всей остроте встал вопрос: «Что же такое Россия?»—вопрос, который Горький перенес потом на страницы своих произведений.

В скитаниях по необъятным просторам нашей страны, в многочисленных и многообразных встречах его с людьми родилось повышенное внимание Горького к людям, чувство гордости за человека вообще, нашедшее потом свое выражение в его знаменитой формуле: «Превосходная должность — быть на земле человеком»¹.

Русская жизнь вставала перед Горьким во всей сложности своих противоречий, всей суммой нерешенных вопросов, всей своей неустроенностью. В трудной и напряженной работе над собой Горький ищет поддержки, совета, и за ними он, в первую очередь, обращается к художественной литературе. В писателях Горький видит не только великих художников слова, но, прежде всего, великих учителей жизни.

В 1889 г. Горький служит на ст. Борисоглебск надсмотрщиком материалов, потом весовщиком на ст. Крутая. «Мечтая о каких-то великих подвигах, о ярких ра-

¹ М. Горький, «Рождение человека».

достях жизни, я охранял мешки, брезенты, щиты, шпалы и дрова от расхищения их казаками ближайшей станицы. Я читал Гейне и Шекспира, а по ночам, бывало, вдруг вспомнив о действительности, тихонько гниющей вокруг, часами сидел или лежал, ничего не понимая, точно оглушенный ударом палки по голове»¹.

Поиски своего места в жизни приводят Горького к мысли вступить в земледельческую колонию толстовского типа. Он пишет об этом письмо Л. Н. Толстому, пытается лично встретиться с ним. В маршрут своих скитаний по Руси Горький включает Ясную Поляну, идет туда и, узнав, что Толстой в Москве, из Ясной Поляны пешком направляется в 1889 г. в Москву с единственной целью — повидать Л. Н. Толстого.

«Был конец сентября, землю щедро кропили осенние дожди, по щетинистым полям гулял холодный ветерок, леса были ярко раскрашены; очень красивое время года, но несколько неудобное для путешествия пешком, а особенно в худых сапогах»².

*Усадьба Толстого
в Хамовниках (ул.
Льва Толстого,
дом № 21)*

Вот она, знаменитая московская усадьба Толстого. Небольшой дом, зажатый уже и тогда с двух сторон фабриками, своим внешним видом мало напоминает богатую усадьбу, в каких жили именитые дворянские семьи того времени. Большой скромностью и своеобразием отличался и весь уклад жизни толстовской семьи. Это сразу же почувствовал Горький, войдя во двор усадьбы Толстого.

Скромный деревянный дом, в котором 19 лет — с 1882 г. по 1901 г. — каждую зиму жила большая семья Л. Н. Толстого и он сам. Во дворе — дворницкая, кухня, флигель, где помещалась контора изданий сочинений Толстого (издательскими делами ведала С. А. Толстая), и сарай, превращенный в книжный склад, — все это говорило о том, что это не обычная дворянская усадьба. Первый человек, которого Горький встретил во дворе усадьбы, была Софья Андреевна — жена Л. Н. Толстого.

¹ М. Горький, «Сторож».

² М. Горький, «Время Короленко».

Горький с первой же встречи с С. А. Толстой почувствовал в ней большой и самостоятельный ум, наблюдательность.

Софья Андреевна не удивилась приходу Горького, искавшего совета у Толстого. Горький не застал Толстого и в Москве. «Софья Андреевна сказала мне, что он ушел в Троице-Сергиевскую лавру. Я встретил ее на дворе у дверей сарая, тесно набитого пачками книг, она отвела меня в кухню, ласково угостила стаканом кофе с булкой и, между прочим, сообщила мне, что к Льву Николаевичу шляется очень много «темных бездельников» и что Россия вообще изобилует бездельниками.

Я уже сам видел это и, не кривя душою, вежливо признал наблюдения умной женщины совершенно правильными»¹.

В этот же вечер в Москве Горький в поисках ночлега испытал «одно из наиболее тяжелых впечатлений бытия своего». Это было знакомство Горького с московским «дном», с московскими трактирами, с московской ночлежкой. Это посещение московской ночлежки впоследствии было описано Горьким в автобиографическом рассказе «Сторож».

Перед глазами молодого Горького во всей отвратительной обнаженности развернулись картины морального падения человека, разрушения человеческой души, искалеченной в тисках капиталистического строя. Горький не мог оставаться только свидетелем этих безобразных, унижающих человеческое достоинство сцен: возмущенный и оскорбленный всем виденным, он пытался протестовать, за что был жестоко избит обитателями ночлежки.

«На станции Москва-Товарная я уговорил проводника пустить меня в скотский вагон, в нем восемь черкасских быков ехали в Нижний на бойню...

Тридцать четыре часа провел я с быками, наивно думая, что никогда уже не встречу в жизни моей скотов, более грубых, чем они...

¹ М. Горький, «Время Короленко».

Л. Н. Толстой и А. М. Горький
Фотография 1900 г.

Из фототеки Государственного Литературного музея

В котомке у меня лежала тетрадь стихов и превосходная поэма в прозе и стихах «Песнь старого дуба...»

Я искренне верил, что мною написана замечательная вещь: я затискал в нее все, о чем думал на протяжении 10 лет пестрой, нелегкой жизни»¹.

Первая встреча Горького с Москвой вошла таким образом в сознание молодого Горького острыми ощущениями многих противоречий дореволюционной русской действительности.

*У входа в дом
Толстого*

Проходит 10 лет. Горький становится писателем с мировым именем. Он автор таких произведений, как «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», повестей «Трое», «Фома Гордеев». О Горьком заговорили как о новом явлении русской литературы. В этой пестрой массе отзывов, мнений, высказываний, рецензий Горького интересуют два отзыва — Чехова и Толстого. И когда Чехов сообщил Горькому мнение Толстого: «Он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель»², Горький взволнованно пишет Чехову:

«Давно хотел я знать, как смотрит на меня Толстой, и боялся знать это; теперь узнал и проглотил еще каплю меда. В бочку дегтя, выпитого мною, таких капель только две попало — его да Ваша. Больше и не надо мне»³.

В январе 1900 г., в один из коротких приездов в Москву, Горький в сопровождении редактора журнала «Жизнь» В. А. Поссе приходит к Толстому в Хамовники. Толстой болен, никого не принимает, но, предупрежденный запиской Поссе о том, что Горький только проездом в Москве, Толстой радушно встречает его. И вот тогда в хамовническом доме происходит первая встреча Горького с Толстым.

Столовая

В этой столовой обычно собиралась большая семья Толстого. Сюда же приходили те гости и посетители, которые шли непосредственно к Толстому. Сюда пришел и Горький.

¹ М. Горький, «Время Короленко».

² М. Горький и А. Чехов, Переписка, 1931, стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

Вот как описывает В. А. Поссе это посещение: «Лев Николаевич лежал у себя в спальне, но, узнав о нашем приходе, поднялся и прошел в столовую. Помню, на сторбленные плечи его был накинут большой шерстяной платок... Но не прошло и получаса, как Лев Николаевич сбросил с себя и усталость и хворь, оживился и оживил всех присутствующих»¹.

Эта встреча с Толстым произвела на Горького неизгладимое впечатление.

*Кабинет Толстого*² Первая беседа Льва Николаевича с Горьким происходила в кабинете Толстого. Позднее, в своих воспоминаниях Горький подробно рассказал об этой беседе с Толстым: «В вечер первого моего знакомства с ним он увел меня к себе в кабинет — это было в Хамовниках, — усадил против себя и стал говорить о «Вареньке Олесовой», о «Двадцать шесть и одна»...

... Потом он начал говорить о девушке из «Двадцати шести», произнося одно за другим «неприличные» слова с простотою, которая мне показалась цинизмом и даже несколько обидела меня. Впоследствии я понял, что он употреблял «отреченные» слова только потому, что находил их более точными и ясными, но тогда мне было неприятно слушать его речь. Я не возражал ему; вдруг он стал внимателен, ласков и начал выспрашивать меня, как я жил, учился, что читал...

Провожая, он обнял меня, поцеловал и сказал: «Вы — настоящий мужик! Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего! Умные люди поймут!»

Эта первая встреча вызвала у меня впечатление двойственное: я был и рад, и гордился тем, что видел Толстого, но его беседа со мной несколько напоминала экзамен, и как будто я видел не автора «Казачков», «Холстомера» и «Войны», а барина, который, снисходя

¹ В. А. Поссе, «Мой жизненный путь».

² Описание кабинета дано в очерке В. Ф. Булгакова «Музей-усадебя Льва Толстого в Москве».

ко мне, счел нужным говорить со мной в каком-то «народном стиле», языком площади и улицы, а это опрокидывало мое представление о нем — представление, с которым я сжился, и оно было дорого мне».

Из высказываний Горького видно, что перед Толстым в 1900 г. был уже не тот юноша, который десять лет назад искал у него совета. Перед Толстым был известный писатель, с своеобразной, неповторимой биографией, с большой самостоятельностью в своих творческих исканиях, со своим, уже сложившимся, революционным мировоззрением, с ясно намеченным критическим отношением к Толстому.

Знакомство с Горьким было отмечено в дневнике Толстого следующей записью: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа».

Посещение Горьким хамовнического дома Толстого не ограничилось этим первым визитом. Горький неоднократно бывал здесь у Толстого, беседовал с ним о литературе, наблюдал его в кругу семьи, в кругу толстовцев, бывал у Толстого вместе с Чеховым.

В этой первой встрече с Толстым уже определилось сложное и противоречивое отношение Горького к Толстому.

«Непомерно разросшаяся» личность Толстого и притягивала и отталкивала Горького. Горький преклонялся перед Толстым-художником и резко критиковал его философские взгляды и особенно учение о непротивлении злу, которое вело к пассивному восприятию русской действительности, к примирению с нею. Это двойственное восприятие Горьким Толстого, ясно обозначившееся уже при первом их свидании, определило и все дальнейшее отношение Горького к Толстому. Этим двойственным отношением пронизаны все высказывания Горького о Толстом — статьи, письма, а также известные его воспоминания. В этих воспоминаниях Горький с потрясающей правдой и с большим художественным мастерством, чрезвычайно смело и глубоко нарисовал живой образ Толстого. «Нет человека, более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного». Этими словами Горького с предельной

правдой и выразительностью сформулирована сущность характеристики, данной Горьким Толстому.

Ленин высоко оценил воспоминания А. М.: «Толстой у Горького как живой получился. Пожалуй так честно и смело о Толстом никто не писал»¹. Восприятие Горьким Толстого совпадает с той характеристикой, какую дал Толстому Ленин в своих статьях о нем.

«В нем (Толстом. — К. В.), как я думаю, жило дерзкое пытлиное озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума, а где-то наверху или сбоку таился чаадаевский скептицизм. Проповедывало и терзало душу художника аввакумово начало, низвергал Шекспира и Данте озорник Новгородский, а чаадаевское усмехалось над этими забавами души, да кстати — и над муками ее».

Воспоминания Горького дают исключительно ценный материал для воссоздания живого облика Толстого. И если, проходя по этим комнатам, где каждая вещь отмечена близостью к Толстому, мы попытаемся представить себе Толстого таким, каким он был в жизни, то воспоминания Горького помогут в этом. В этих воспоминаниях фактическая документальность сочетается с высокой, обобщенной правдой художественного образа. Толстой встанет перед нами как «старый кудесник, всем чужой, одиноко изъездивший все пустыни мысли в поисках всеобъемлющей правды и не нашедший ее для себя»².

Вот Толстой выходит из соседней комнаты. «Шаркая подошвами, как бы властно сглаживая неровность пути, вдруг являлся откуда-то из двери, из угла, шел к вам мелким, легким и скорым шагом человека, привыкшего много ходить по земле, и, засунув большие пальцы рук за пояс, на секунду останавливался, быстро оглядываясь цепким взглядом, который сразу замечал все новое и сейчас высасывал смысл всего...

Надо было видеть, как он говорит, чтобы понять особенную, невыразимую красоту его речи, как будто

¹ „Правда“, 29 марта 1928 г.

² М. Горький, «Лев Толстой», Дальнейшие цитаты взяты отсюда же.

неправильной, избыточной повторениями одних и тех же слов, насыщенной деревенской простотой. Сила слов его была не только в интонации, не в трепете лица, а в игре и блеске глаз, самых красноречивых, какие я видел когда-либо. У Л. Н. тысяча глаз в одной паре»¹.

Горький вспоминает беседу Толстого о литературе и его критическое отношение к упадочной поэзии декадентов. Эту поэзию Толстой находил «не русской».

«Я старик, — говорил он, — и, может, теперешнюю литературу уже не могу понять, но мне все кажется, что она — не русская. Стали писать какие-то особенные стихи, — я не знаю, почему это стихи, и для кого. Надо учиться стихам у Пушкина, Тютчева, Шеншина². Вот вы, — он обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский».

И, ласково улыбаясь, обнял А. П. за плечо, а тот сконфузился и начал баском говорить что-то о своей даче, о театрах.

Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо А. П. взглядом своим, почти нежным в эти минуты».

«Просидел я у него (у Толстого) более трех часов, а потом попал в театр к 3-му акту «Дяди Вани», — вспоминал Горький свое первое посещение Толстого.

2. Горький в Москве 1900-х гг.

*Улица Горького
от Охотного ряда
до проезда художе-
ственного театра*

В 1900 г. Горький живет в Нижнем Новгороде. Он ведет активную революционную работу. Он уже отбыл два ареста: один

в 1889 г. и второй в 1898 г.

За революционную работу он отдан под особый надзор полиции. Это обстоятельство глубоко возмущает Горького и мешает ему бывать в Москве. Между тем Горький страстно рвется в Москву; она привлекает его как центр большой, широко развернутой, многообразной

¹ М. Горький. «Лев Толстой».

² Т. е. у Фета.

культурной жизни, привлекает всем «самым лучшим», что создавалось в нем веками: и своеобразной архитектурой, и собраниями произведений искусства, и молодым Художественным театром, для которого Горький пишет свои первые пьесы, привлекает яркими, талантливыми людьми. В сутолоке шумной московской жизни Горький всегда умел заметить человека. «В московском шуме человек слышней», — пишет Горький в «Жизни Клим Самгина».

Москва во многом дополнила и расширила тот круг представлений Горького о русских людях, о русском национальном характере, о русском народе, какой складывался у писателя в результате его знакомства с русской жизнью.

Между тем в качестве поднадзорного он лишен возможности бывать в Москве. Поездки в Москву носят случайный характер. Свое кратковременное пребывание в Москве Горький старается использовать для ознакомления с историческими памятниками города.

Какую же Москву видел Горький в свои приезды? Москва во многом изменилась с тех пор: снесены многие старые дома, на их месте выросли новые, громадные здания, изменившие облик старой Москвы. Но та Москва, которая останавливала внимание Горького, осталась почти без изменения. Это Кремль и Воробьевы (ныне Ленинские) горы, откуда, как известно, открывается великолепный вид на всю Москву. Московский Кремль и сейчас перед нами — со своими зубчатыми стенами, башнями, колокольней Ивана Великого; правда, тогда не было кремлевских звезд, они зажглись уже в наши дни.

Наезжая в Москву изредка, Горький только случайно мог бывать и в Художественном театре. Первой пьесой, которую он видел на сцене этого театра, была пьеса Чехова «Дядя Ваня». Спектакли Художественного театра в 1900 г. происходили не в том помещении, в котором играет театр теперь, а в Каретном ряду, в бывшем «Эрмитаже»; там было первое пристанище молодого театра.

*Перед зданием
Московского Худо-
жественного
театра*

Постоянным домом Художественного театра стало то театральное здание, которое сейчас перед нами.

Скромный дом оливкового цвета с деталями сдержанно выраженного стиля модерн. Над боковыми дверями на цепях спускаются навесы. Над главным входом — лепное панно с волнистыми линиями. Несколько цветных инкрустаций. Внутреннее убранство театра в том же стиле. Полутона зрительного зала гармонировали с общим стилем постановок. Это здание было специально выстроено Саввой Морозовым для Художественного театра по проекту архитектора Ф. О. Шехтеля.

Архитектура здания, его внутренняя отделка отличаются исключительной скромностью, простотой, изяществом, которые соответствуют всему стилю этого нового театра.

Постройка театра была закончена в 1902 г. Постановкой пьесы Горького «Мещане» 25 октября 1902 г. Художественный театр открыл свои спектакли в новом здании, а пьеса Горького «На дне», поставленная на сцене Художественного театра 27 декабря того же года, стала основной пьесой этого первого сезона. Мы имеем полную возможность воспроизвести жизнь этого театра 900-х гг. такую, какой мог ее видеть Горький в то время. Для этого пройдем в музей Московского Художественного театра.

Музей МХАТ

В музее представлен весь сценический путь этого прославленного театра, ставшего гордостью Москвы и всего Советского Союза и приобретшего мировую известность. Рождение этого театра связано с именем Чехова, и образ «Чайки», как известно, стал постоянной эмблемой Художественного театра.

*Стенд „Постановка пьесы
„Дядя Ваня“*

Перед нами на стенде первая постановка пьесы «Дядя Ваня» на сцене Художественного театра. Эту пьесу Горький знал уже по постановкам нижегородского театра. Как и все произведения Чехова, пьеса «Дядя Ваня» глубоко инте-

ресовала Горького, а постановка Художественного театра еще больше усилила впечатление от этой пьесы. «Опять «Дядя Ваня». Опять,—пишет Горький Чехову.— И еще я нарочно поеду смотреть эту пьесу... Я не считаю ее перлом, но вижу в ней больше содержания, чем другие видят: содержание в ней огромное, символическое, и по форме она вещь совершенно оригинальная, бесподобная вещь»¹.

Знакомство с Художественным театром произвело на Горького огромное впечатление. «Какие они все умные, интеллигентные люди, сколько в них художественного чутья,—пишет Горький об артистах МХАТ.—Книппер—дивная артистка, прелестная женщина и большая умница. Как у нее хороши сцены с Соней... Вообще этот театр произвел на меня впечатление солидного, серьезного дела, большого дела... Я, знаете, даже представить себе не мог такой игры и обстановки. Хорошо! Мне даже жаль, что я живу не в Москве,—так бы все и ходил в этот чудесный театр...», — пишет Горький Чехову в январе 1900 г.².

**Стенд „Поездка
Художественного
театра в Ялту“**

Более близкое знакомство Горького с Художественным театром произошло в том же 1900 г. в Крыму, в Ялте, куда Художественный театр приехал на гастроли, имея в виду показать свои постановки А. П. Чехову, а также встретиться с Горьким. На стенде — фотографии, изображающие встречи Горького и Чехова в Ялте, их обоих с артистами Художественного театра.

В результате этой встречи с «художественниками» Горький начал писать свои первые пьесы — «Мещане» и «На дне», предназначая их для сцены МХТ.

Горький смотрит спектакли Художественного театра, он сближается с труппой МХТ, чувствуя в игре молодых тогда еще артистов большое, подлинное искусство. Особенно восторженно встретил Горький спектакль «Снегурочка».

¹ М. Горький и А. Чехов. Переписка, 1937, стр. 49.

² Там же, стр. 49—50.

**Стенд
„Снегурочка“**

На стенде — постановка спектакля «Снегурочка» в Художественном театре. Фотоснимки артистов Художественного театра в ролях: Бобыль — И. М. Москвин, царь Берендей — В. И. Качалов, Лель — О. Л. Книппер и другие.

«Снегурочка» — это событие! Огромное событие — поверьте. Я хоть и плохо понимаю, но почти всегда безошибочно чувствую красивое и важное в области искусства. Чудно, великолепно ставят художники эту пьесу, изумительно хорошо! Я был на репетиции без костюмов и декораций, но ушел... очарованный и обрадованный до слез. Как играет Москвин, Качалов, Грибунин, Ольга Леонардовна, Савицкая! Все хороши, один лучше другого и, ей-богу, они, — как ангелы, посланные с неба рассказывать людям глубины красоты и поэзии...

Художественный театр — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его — невозможно, не работать для него — преступление»¹. Так писал Горький Чехову.

Связи Горького с Художественным театром растут и крепнут. Художественный театр становится «главным местом его пребывания, — вспоминает В. И. Немирович-Данченко. — Всегда очень сдержанный и всегда с огромным самообладанием: смотрит в упор, хочет Вас хорошо понять и, если Вы «свой», сейчас же полюбит Вас; в вопросах, что хорошо, что дурно, не колеблется ни секунды и так же непоколебимо уверен в себе. На репетициях был прост, искренен, доверчив, но где надо — и безобидно настойчив. Весь этот период, пожалуй, всю зиму 1902—1903 г. он вспоминается мне стремительным, довольным, как бы, наконец, вознагражденным за много лет тяжелой жизни»².

В 1900 г. в Москве Горький встречался с А. П. Чеховым. Они неоднократно вместе бывали на спектаклях Художественного театра. «Здесь Горький, — пишет

¹ М. Горький и А. Чехов, Переписка. М., 1937, стр. 63—64.

² В. И. Немирович-Данченко, «Из прошлого», 1938, стр. 198.

А. М. Горький и А. П. Чехов

Фотография 1901 г.

Из фототеки Государственного Литературного музея

А. П. Чехов, — я и он почти каждый день бываем в Художественном театре, бываем можно сказать со скандалом, так как публика устраивает нам овации точно сербским добровольцам»¹.

С ростом революционного движения растет и популярность Горького. С появлением знаменитой «Песни о Буревестнике» в апреле 1901 г. имя Горького становится символом революции, о нем говорят как о «буревестнике русской революции». Связи Горького с Москвой приобретают все более и более революционный характер.

16 апреля 1901 г. Горький был арестован и заключен в нижегородскую тюрьму. Особое совещание постановило выслать Горького из Нижнего Новгорода в Арзамас. Но временно, ввиду состояния здоровья, ему было разрешено выехать в Крым для лечения. Проводы Горького в Нижнем Новгороде вылились в демонстрацию, о которой писал Ленин в газете «Искра»:

«В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор Нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города... Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащих-ся, и перепуганная полиция *арестовала* его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую»².

В мае 1902 г., по истечении разрешенного срока пребывания в Крыму, Горький должен был отбыть в Арзамас, к месту своей ссылки. В арзамасской ссылке Горький остро и тяжело переживает отрыв от Москвы. Он

¹ М. Горький и А. Чехов, Переписка, 1937, стр. 103.

² В. И. Ленин, «Начало демонстраций». Соч., т. IV, стр. 345—346.

работает над пьесой «На дне», предназначая ее для Московского Художественного театра. Ему необходимы встречи с писателями, особенно с Чеховым, с руководителями театра, с артистами. Он страстно рвется в Москву. В одном из писем он просит похлопотать о том, чтобы ему был разрешен проезд в Москву.

В августе 1902 г. руководитель Художественного театра В. И. Немирович-Данченко приезжает к Горькому в Арзамас для переговоров о постановке пьесы «На дне». Наконец в августе 1902 г. с Горького был снят особый надзор полиции, и он получил возможность приехать в Москву. Горький привез с собой и свою новую пьесу «На дне».

Первое чтение этой пьесы происходило на собрании литературного кружка «Среда», организованного Н. Д. Телешовым.

На собраниях литературно-художественного кружка «Среда» Горький сблизился с группой демократических писателей, которые потом приняли живое участие в сборниках «Знание».

«Горькому нравились эти товарищеские собрания, где в интимном кругу, без всяких посторонних людей, молодые художники сами читали свои новинки, еще не появившиеся в печати, — пишет Н. Д. Телешов в своих «Записках писателя». — Пьесу «На дне» читал сам Алексей Максимович. Читал очень хорошо, увлекательно для слушателей; особенно роль странника Луки... многим тогда показалось, что слова Луки о страданиях Анны относились не только к Анне, но и ко всей измученной, истощенной царизмом России... На этом чтении, помимо своих, было много приглашенных артистов и артисток; вспоминаются: В. И. Качалов, О. Л. Книппер... Успех был исключительный, Ясно, что пьеса станет событием».

Стенд „На дне“

Перед нами программа первой постановки пьесы «На дне» в Художественном театре с перечнем действующих лиц и их исполнителей, мизансцены. В ролях — артисты, которые составили славу и гордость театра: Лука — Москвин, барон — Качалов, Настя — Книппер-Чехова.

Пьеса «На дне» действительно стала событием в истории Художественного театра. Спектакль имел «потрясающий успех», вспоминает К. С. Станиславский.

«Вызывали без конца режиссеров, всех артистов, особенно великолепного Луку — Москвина, превосходного барола — Качалова, Настю — Книппер, Лужского, Вишневого, Бурджалова и, наконец, самого Горького. Очень было смешно смотреть, как он, впервые появляясь на подмостках, забыл бросить папиросу, которую держал в зубах. Как он улыбался от смущения, не догадываясь о том, что надо вынуть папиросу изо рта и кланяться зрителям...

Горький стал героем дня, за ним ходили по улицам, в театре; собиралась толпа глазующих поклонников и особенно поклонниц; первое время, конфузясь своей популярностью, он подходил к ним, теребя свой рыжий, подстриженный ус и поминутно поправляя свои длинные прямые волосы мужественными пальцами сильной кисти или вскидывая головой, чтобы отбросить упавшие на лоб пряди...

Но его смешной конфуз и своеобразная манера говорить при застенчивости еще больше интриговали и еще сильнее привлекали к нему поклонников. Горьковское обаяние было сильно. В нем были своя красота и пластика, свобода и непринужденность»¹.

Самым убедительным доказательством успеха пьесы и ее огромного революционного звучания явилось то возмущение, та тревога, которая охватила реакционный лагерь после первого же спектакля «На дне». Реакционная критика, испуганная революционностью этой пьесы, всячески старалась потушить интерес к пьесе у публики. Достаточно привести свидетельство одного из буржуазных критиков, чтобы убедиться в этом. «Пьеса «На дне» имела успех чрезвычайный, — пишет журнал «Русский вестник». — Нельзя не пожалеть того общества, которое с полным оголением самосознания, в забвении своих устоев, своих верований, в растлении нравственности рвется, как римская толпа времен Цезаря, ко всякой новинке и рукоплещет в неистовстве смраду, грязи, разврату, революционной проповеди... в то время как сам босяцкий атаман Горький Максим ударами пера, как ударами лома, рушит и самую почву, на которой стоит это общество. Какой вредный писатель! Какие жалкие, слепые поклонники, читатели и зрители!»

¹ К. С. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве», стр. 445—446.

Горький чрезвычайно интересуется тем, как воспринимается его пьеса «На дне» читателями и зрителями, насколько верно в этой пьесе ему удалось отобразить дореволюционную русскую действительность. И вот однажды Горький проводит чрезвычайно оригинальное и своеобразное испытание своей пьесы «На дне». Он читает ее обитателям московской ночлежки — т. е. тем, кто по существу были подлинными героями его пьесы. Об этом эпизоде рассказывает О. Л. Книппер-Чехова: «Однажды Горький приехал необычайно потрясенный. Нервничал, а потом начал рассказывать: «Я читал «На дне» в ночлежке настоящему барону Бухгольцу, настоящей Насте... Понимаете! Плакали в ночлежке. Кричали: «Мы хуже, мы хуже!» Целовали меня, обнимали»¹.

Пьеса «На дне» пришла на сцену МХАТ, чтобы никогда больше не сходить с нее: эта пьеса в репертуаре Художественного театра все время держится на сцене и идет всегда с неизменным успехом. Появившись впервые 18 декабря 1902 г., пьеса «На дне» к ноябрю 1946 г. прошла на сцене МХАТ 1215 раз. Она крепко связала имя Горького с Художественным театром. Постановлением Правительства Московскому Художественному театру в 1932 г. было присвоено имя Горького.

Сквер возл Университета

В июле 1904 г. Москва с большой скорбью хоронила Антона Павловича Чехова. В числе провожавших гроб А. П. Чехова с Николаевского (теперь Октябрьского) вокзала на Новодевичье кладбище был и А. М. Горький. Величественная похоронная процессия шла по главным улицам Москвы. Пошлость, с которой всю жизнь боролся Чехов, проникла и к его гробу. Это глубоко возмутило Горького, как оскорбление памяти Чехова, и это он отметил в своих воспоминаниях. «Гроб писателя был привезен в каком-то зеленом вагоне с надписью крупными буквами на дверях его: «для устриц», — возмущенно писал Горький. В числе тех, кто шел за гробом Чехова, «очень памятны два адвоката, оба

¹ О. Л. Книппер-Чехова, «Литературная газета», 1938, № 17.

в новых ботинках и пестрых галстуках — женихи. Идя сзади них, я слышал, что один... говорит об уме собак, другой незнакомый, расхваливал удобства своей дачи и красоту пейзажа в окрестностях ее», — вспоминает М. Горький¹.

Свое отношение к Чехову Горький высказал в той единственной статье о нем, которая была написана им еще в 1900 г. «Когда умрет Чехов — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя, — долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает»².

Именно с этим ощущением личной боли и вместе с тем глубокой национальной скорби шел Горький за гробом Антона Павловича Чехова, переживая смерть писателя, как всенародное русское горе. Через несколько месяцев, в ноябре 1904 г., Горький выступил в Москве с чтением своих воспоминаний о Чехове, как бы давая этим выход своему горю. В этих воспоминаниях Горький запечатлел образ Антона Павловича Чехова — великого художника слова, одного из лучших людей России, глубокого патриота своей родины, ставшего нашей национальной гордостью.

Революционные события все больше и больше захватывают Горького, постепенно заслоняя интерес даже к постановке его новой пьесы «Дети солнца». По свидетельству В. И. Немировича-Данченко, Горький был в это время захвачен «совсем другими интересами!»³.

Горький уходит в революционную работу.

8 (21) октября 1902 г. в Москве в доме Горчакова на Страстном бульваре, на конспиративной квартире зубного врача К. Б. Розенберг, состоялась встреча Горь-

¹ М. Горький и А. Чехов, Переписка, 1937, стр. 148.

² Там же, стр. 129.

³ В. И. Немирович-Данченко, «Из прошлого», 1938, стр. 217.

кого с представителями «Искры» и московского комитета РСДРП. Представитель «Искры» Ю. Н. Лепешинская, по поручению партии, вела переговоры с Горьким о формах его участия в революционной работе. В письме, перехваченном полицией, Лепешинская подробно сообщала о своем свидании с Горьким, который, по ее словам, «произвел на всех нас чудное впечатление». «Единственным органом, заслуживающим уважения, талантливым и интересным находит лишь «Искру», и нашу организацию самой крепкой и солидной... И так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам, чем может».

Как видно из дальнейшего текста этого письма, Горький предложил свою помощь партии в форме ежегодной денежной субсидии в сумме пяти тысяч рублей, а также выполнением отдельных поручений конспиративного характера.

Горький сближается с большевистскими деятелями РСДРП, неоднократно встречается с представителями партии в Петербурге и Москве, организует денежную помощь партии.

В слиске московской группы «Искры», составленном московскими жандармами, значится под № 27 А. М. Горький и указан его тогдашний московский адрес: «Пешков Алексей Максимович, мещанин, временно проживает в д. Скирмунт, Гранатный пер, 1 уч. Арбатской части»¹. Осенью и зимой 1903 года Горький неоднократно приезжает в Москву.

21 августа 1904 года Горький читает в Москве свою пьесу «Дачники» артистам театра Незлобина.

3. Москва 1905 года в жизни и творчестве Горького

*Кремлевский сад,
против дома, где
жил Горький (угол
улицы Калинина
и Моховой)*

Наступил 1905 год. В России началась революция. Горький был в самой гуще революционных событий.

В январские дни 1905 г., которые явились началом революционной бури, Горький был в Петербурге. На его глазах происхо-

¹ Сборник «Революционный путь Горького», 1933, стр. 78.

дил расстрел мирной рабочей демонстрации у Зимнего дворца.

За активное участие в январских событиях 1905 г. Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но вскоре под давлением общественного мнения России и Европы был освобожден. После 9 января революционная борьба в России приобретала все более острый характер. По всей стране вспыхивали политические стачки. От стачек рабочие стали переходить к вооруженному сопротивлению. Во многих крупных городах, в том числе и в Москве, были созданы Советы рабочих депутатов. Руководство Московским Советом принадлежало большевикам, которые и подготовили вооруженное восстание. Москва 1905 г. становилась центром революционного движения.

Осень и зиму 1905 г. Горький живет в Москве, в доме, который сейчас перед нами. Этот дом хорошо известен современной Москве: здесь помещается приемная Председателя Верховного Совета СССР. Это — высокое здание с полукруглой башней, увенчанной шпилем, с круглыми окнами верхнего этажа, с лепными узорами стиля модерн, с огромными окнами нижнего этажа, где в 1905 г. помещалась гостиница «Петергоф». Это обычное здание купеческой Москвы на грани двух веков.

Сохранился и окружающий его ансамбль: Кремль, университет, Румянцевская библиотека (теперь Библиотека имени Ленина), сохранилось и здание Манежа, в котором в дни московского восстания 1905 г. помещались царские войска и охранники.

Воспоминания современников, бывавших у Горького, воспоминания его самого помогают нам восстановить атмосферу, окружавшую Горького в этом доме. Горький был тесно связан с московскими революционерами. Из донесения московского охранного отделения узнаем, что Горький «способствовал увеличению средств для вооруженного восстания, выступая в качестве лектора на платных вечерах, часть сбора с коих отчислялась на заведомо революционные цели»¹.

¹ «Революционный путь Горького», 1933, стр. 136.

Вот что говорят о жизни Горького этого периода современники, бывавшие в его московской квартире:

«Вспоминается, как в 1905 г. я принес Горькому для очередного номера рассказ, о котором он уже знал,—пишет Н. Д. Телешов.— Жил тогда А. М. рядом с гостиницей «Петергоф» на Воздвиженке (ныне улица Калининна). Поднявшись высоко по лестнице, я позвонил и вошел в открывшуюся дверь. Был изумлен, когда в прихожей меня встретили два молодых человека восточного типа с пистолетами в руках.

— Вы кто? По какому делу?

Я сообщил. Один из них вышел и сейчас же вернулся вместе с Алексеем Максимовичем.

— Пойдемте, пойдемте, — говорил тот, улыбаясь и кивая на молодежь. — Это они все выдумали.

В то тревожное время молодые люди не зря придумали эту своеобразную охрану: повсюду только и было слышно о предстоящих погромах интеллигенции, и в первую очередь о налетах на самых ярких вожаков надвигающейся революции»¹.

«Горький был весь пропитан московскими впечатлениями, настроениями кануна декабрьских дней. Горький собирал деньги на оружие, оружие волокли в его квартиру, уносили из нее; одна из студенческих боевых дружин, кавказская, в целях охраны писателя дневала и ночевала в его квартире»².

Такие эпизоды подтверждаются и свидетельством самого Горького: именно сюда, в эту квартиру Горького, в дни московского восстания сормовский рабочий Митя Павлов «привез из Петербурга большую коробку капсулей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг ребер, но, войдя в комнату ко мне, Митя свалился на пол...»—пишет Горький в очерке «Митя Павлов».

В романе «Жизнь Клима Самгина» Горький бегло рисует свою московскую квартиру в декабрьские дни 1905 г. В романе говорится, как Самгин, вращавшийся в революционных кругах, получил поручение, связанное с посещением квартиры Горького, и

«через некоторое время сидел в доме Российского Страхового общества против манежа в квартире, где почему-то воздух был пропитан запахом керосина. На письменном столе лежал бикфордов шнур, в соседней комнате носатый брюнет рассказывал каким-

¹ Н. Д. Телешов, «Записки писателя», 1943, стр. 138.

² В. А. Десницкий, «М. Горький», 1940, стр. 143.

то кавказцам о японской шимозе, а человек с красивым, но неподвижным лицом, похожий на расстриженного попа, прочитав записку Гогина, командовал:

— Поезжайте на Самотеку... Спросите товарища Чорта¹. Самгин шел к товарищу Чорту, мысленно усмехаясь:

— Чорт! играют, как дети.

На Самотеке молодой человек, рябоватый и веселый, спрашивал его:

— А гантели где?

— Гантели?

— Ну да, гантели! Что же, я из папиросных коробок буду делать бомбы?»

Этот эпизод, описанный в III томе «Жизни Клина Самгина», тесно связан с фактами, рассказанными Горьким в очерке «Митя Павлов».

В 1905 г. Горький часто выезжал из Москвы по революционным делам.

Так, 4 ноября 1905 г. Горький был в Петербурге. Здесь состоялась первая встреча Горького с Лениным. 27 ноября на петербургской квартире Горького происходило заседание ЦК большевистской партии. Во время этих встреч с Лениным

«Горький много рассказывал о московских событиях—о настроениях, о похоронах Баумана, о черной сотне, о вооружении рабочих и студентов, о настроении интеллигенции, картинно описывая уличные сцены. Владимир Ильич слушал с неослабленным вниманием. Его особенно, как и всегда, интересовали те мелочи, конкретные детали, факты, слова, которые давали свежее, непосредственное впечатление действительности.

Здесь впервые он узнал Горького как рассказчика и с первого же раза оценил громадное значение его наблюдений и заключений о людях и событиях.

— Учиться у него нужно, как смотреть и слушать! нередко говорил о Горьком Владимир Ильич»².

Рассказы Горького о московских событиях 1905 г., с таким интересом выслушанные Лениным и так высоко оцененные им, можно восстановить, если обратиться к соответствующим местам эпопеи «Жизнь Клина Самгина»³.

¹ Чорт — партийная кличка революционера-большевика Богомолова. — *Прим. автора.*

² В. А. Десницкий, «М. Горький», 1940, стр. 200.

³ В дальнейшем все неоговоренные цитаты взяты из «Жизни Клина Самгина».

Охотный ряд в начале XX в.

С фотографии

Из фондов Государственного Литературного музея

В этом романе Горький отобразил революционную Москву 1905 г. в тот момент, когда революционное движение достигло своего наивысшего напряжения, когда рабочие от политических стачек перешли к вооруженному восстанию.

Описание декабрьского восстания в Москве и событий, предшествовавших ему, — одно из центральных мест всего четырехтомного романа. Горький дал не только фактическую, документированную летопись революции 1905 г., но и глубокий политический анализ событий, вскрыв их историческую закономерность, их внутреннюю диалектику.

Что же наблюдал Горький в предреволюционной Москве? О каких моментах из этой эпохи он мог рассказывать Ленину? Как отобразил он московские события на страницах своих произведений?

*Кремлевский сад,
у начала улицы
Горького*

Перед нами центр Москвы: площадь Свердлова (бывш. Театральная), Охотный ряд, улица Горького (бывш. Тверская).

Общий ландшафт этой местности сильно изменился с тех пор. Площадь стала шире, величественнее, сне-

сены и заново построены целые кварталы. В архитектуре новых зданий особенно чувствуется, как прошлое смыкается с настоящим, а улицы и площади самими названиями своими рассказывают историю Москвы: Красная площадь, площадь Революции, площадь Свердлова, Охотный ряд.

На Театральной площади и примыкающих к ней улицах происходили важнейшие революционные события пятого года.

В описании московских событий 1905 г. Горького, как всегда, прежде всего интересует человек. Основная идея Горького — перевоспитание человека в ходе революционной борьбы — с большой убедительностью раскрыта Горьким в «Жизни Клима Самгина». Писатель показал нарастание революционных настроений среди московских рабочих, вскрыл сложный процесс превращения рядового москвича в революционера. В эти дни революция становится строем души москвичей 1905 г., и в этом Горький видел значение московских событий.

«...Россия охвачена широким повсеместным стачечным движением. Как по мановению волшебного жезла, на всем необъятном пространстве России жизнь сразу остановилась... Москва — тихая, недвижимая, верная Романовым, старая столица — вся охвачена революционным пожаром», — писал товарищ Сталин в октябре 1905 г.¹

В ярких художественных образах Горький изобразил, как в Москве рождался новый человек, показал реакцию москвичей на появление первых грозных вестников революционной бури — на политические стачки, охватившие всю страну. Ленин назвал политические стачки «критикой делом»².

Свое сочувствие революции этот новый москвич претворял в живую помощь, как это сделала Анфимьевна из «Жизни Клима Самгина», отдавшая все домашнее имущество на строительство «своей» баррикады. Свое революционное настроение москвич 1905 г. соединял с революционным настроением других: он шел с ним в

¹ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 185.

² В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 333.

коллектив, в толпу, в массу, на улицу, переплавляя свое личное сочувствие революции в огромную силу единого народного движения. Новый, революционно настроенный москвич властно вышел в 1905 г. на улицы столицы, составив основную массу уличной толпы и легко подчиняясь ее воле.

Революционное движение, вынесенное на улицу, становилось массовым, народным. Московские улицы стали барометром революции.

Московский университет (Моховая ул., д. № 11)

Завязкой московских событий 1905 г. были студенческие демонстрации. Центром их стал Московский университет, старейший университет России, который Ленин назвал «революционным университетом». Этот университет перед нами.

В статье «Уроки московских событий» Ленин писал в октябре 1905 г. о том, что царское правительство, «закрыв революционный университет», тем самым открыло «уличную революцию»¹.

На площади перед зданием университета Горький наблюдал студенческие демонстрации. Вот как он описал одну из них в «Жизни Клима Самгина»: «Как-то утром, идя в Кремль, Самгин увидал, что конец Никитской улицы туго забит толпой.

— Студентов загоняют в манеж, — объяснил ему спокойно человек с палкой в руке и с бульдогом на цепочке... Он прибавил:

— Обыкновенная история...

Зрители... раньше молчаливые, теперь тоже начали ворчать...

Возбуждение студентов все растет, а насмешливое отношение зрителей к полиции становится сердитым...

— Господа протестуйте! Вы видите — уже бьют! Ведь это наши дети... надежда страны. Господа!».

В этой сцене Горький прочувствовал с большой пронизательностью начало того нового этапа революции, который был связан с выступлением городского пролетариата. Об этом новом этапе Ленин писал в ноябре

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 312.

1905 г.: «Революция встала на ноги, когда выступил городской рабочий класс»¹.

*Перед Кремлем
у бывш. Манежа*

Перед нами стены древнего Кремля. За ними, на краю холма, над Москвой-рекой, в царской России стоял памятник Александру II. К этому памятнику в 1902 г. шла демонстрация, организованная и руководимая охранкой. Проницательный взор Горького уже тогда с редкой психологической тонкостью отметил, как в эту реакционно настроенную толпу проникало, еще, может быть, неосознанное, критическое отношение к самодержавию. Сравнивая шествие рабочих в 1905 г. с тем, что было на улицах Москвы три года назад, Горький констатирует, что в 1905 г. в рядах демонстрантов шли «те же лица, но люди другие».

Манежная улица

В 1905 г. по улицам Москвы шли уже действительно другие, революционно настроенные рабочие. Вот как описывает Горький в «Жизни Клима Самгина» участников демонстрации:

«...Самгин заметил, что этот праздничный народ теется среди напудренных будочников, серолицых наборщиков, трамвайных и железнодорожных рабочих... Чем ближе к Тверской, тем гуще смыкались эти люди, вызывая у Самгина впечатление веселой, но сдержанной властности...»

Сопоставляя уличные московские демонстрации 1902 и 1905 гг., Горький показывал, как изменялись Москва и москвичи: участие рабочих в демонстрациях, подобных той, какая шла в 1902 году в Кремль к памятнику царя, уже было невозможно в Москве 1905 г. Москва постепенно революционизировалась.

«Революция гремит! Поднялся революционный народ России и окружил царское правительство, чтобы штурмовать его! Развешаются красные знамена, строятся баррикады, народ берется за оружие и штурмует государственные учреждения. Вновь раздался клич

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 357.

храбрых, вновь зазвучала затихшая жизнь», — писал товарищ Сталин 19 октября 1905 г.¹

Всероссийские политические стачки были первой победой революционного движения. «Страна замерла перед бурей»².

Царизм пошел на уступки. Этой уступкой явился манифест 17 октября.

«Великая Русская Революция началась! — писал товарищ Сталин 20 ноября 1905 г. — Мы пережили уже первый грозный акт этой революции, завершившийся формально манифестом 17 октября. «Божьею милостью» самодержавный царь преклонил свою «коронованную голову» перед революционным народом и обещал ему «незыблемые основы гражданской свободы».

Но это только лишь первый акт. Это только начало конца. Мы находимся накануне великих событий, достойных Великой Русской Революции»³.

Манифест 17 октября характеризовал новое соотношение сил, которое Ленин определяет так: «Царизм уже не в силах подавить революцию. Революция еще не в силах раздавить царизм»⁴. Это новое соотношение сил и было первой победой революции.

Либеральная буржуазия, получившая в манифесте «конституцию», которая вполне обеспечивала интересы буржуазии, ликовала. Ликующие буржуа появились и на улицах Москвы.

Горький так описывает этот «веселый» день конституции: «Над городом низко спустилось и застыло оловянное небо, ветер хлопотливо причесывал крыши домов, дымя снегом, бросаясь под ноги людей. Но Москва вспыхнула радостью и как-то по-весеннему потеплела, люди заговорили громко, и колокольный звон под низким сводом неба звучал оглушительно. По улицам мчались раскормленные лошади в богатой упряжке, развозя солидных москвичей в бобровых шапках,

¹ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 189.

² В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 252.

³ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 193.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 353.

женщин, закутанных в звериные меха, свинцовых генералов; город удивительно разбогател людьми, каких не видно было на улицах последнее время».

В «Жизни Клима Самгина» Горький рассказывает о том, как попытка реакционных элементов использовать день «свобод» для черносотенных выступлений в 1905 г. закончилась полным провалом.

В полном соответствии с той оценкой, какую дал октябрьским «свободам» В. И. Ленин, Горький показывает, что капитуляция царизма перед стачкой была по существу капитуляцией перед надвигавшейся революцией. И даже в ликующую по поводу октябрьских «свобод» буржуазную московскую толпу врываются голоса, которые ясно свидетельствуют о том, что революционная борьба еще только начинается, что перед пролетариатом, вырвавшим у царизма признание свободы на бумаге, стоит еще задача вырвать эту свободу в действительности.

В романе «Жизнь Клима Самгина» Горький, рисуя радость либеральной буржуазии, ярко и красочно рассказывает о том, какой революционный характер приняло в этот день выступление Ф. И. Шаляпина в зале ресторана Большой Московской гостиницы (ныне «Гранд Отель»), здание которой сейчас перед нами, на площади Революции. Ресторан этот посещался как московскими толстосумами, так и писателями, журналистами, актерами. В октябрьские дни 1905 г. здесь шумно веселились представители либеральной буржуазии. Собравшиеся попросили присутствовавшего Шаляпина спеть «Дубинушку». Эта сцена описана в «Жизни Клима Самгина».

Когда Шаляпин запел, «...шум рассеялся, разбежался по углам, уступив место одному мощному грозному голосу. Углубляя тишину, точно выбросив людей из зала, опустошив его, голос этот с поразительной отчетливостью произносил знакомые слова, угрожающе раскладывая их по знакомому мотиву. Голос звучал все более мощно, вызывая отрезвляющий холодок».

Своим исполнением Шаляпин подчеркнул огромный революционный смысл популярной народной песни «Дубинушка». В его исполнении она стала выражением

гнева народного, народной мести, зазвучала, как призыв к революции.

Революционная агитация принимала новые и неожиданные формы.

То место, где мы сейчас находимся, связано с другим памятным эпизодом 1905 г.

3 ноября 1905 г. царскими войсками в Москве был убит революционер Николай Эрнестович Бауман, незадолго перед этим освобожденный из Таганской тюрьмы. Это убийство революционера, выпущенного из тюрьмы по амнистии, не давало больше места иллюзиям «свобод», не оставляло никакого сомнения в том, что манифест 17 октября был ловушкой, а поведение царизма после манифеста — прямой провокацией.

Похороны Баумана превратились в грандиозную демонстрацию протеста москвичей против самодержавия, против политики вероломных убийств и насилий. Вся Москва участвовала в этих похоронах: похороны Баумана сплотили москвичей в одном большом чувстве революционной солидарности и негодования по адресу царского правительства.

Похороны Баумана стали высшей точкой проявления революционных настроений москвичей перед декабрьским восстанием 1905 г. И даже холодный эгоист и себялюбец Самгин

«первый раз ощутил себя вполне согласованным, внутренне спаянным с человеческой массой этого дня.

Когда вдалеке из пасти какой-то улицы на Театральную площадь выползла красная голова небывало и неестественно плотного тела процессии, он почувствовал, что по всей коже его спины пробежала холодноватая дрожь: он не понимал, что вызвало ее: испуг или восхищение? Над головой толпы колебалось множество красных флагов... В этой массе было нечто необыкновенное для толпы людей; все вокруг Самгина поняли это и подавленно притихли... слабо доносится знакомый, торжественно угрюмый мотив похоронного марша

Вы жертвою пали...»

В этой московской толпе не было праздных любопытных, не было равнодушных: было одно большое, всенародное возмущение этим убийством.

«Мелькали, и нередко, лица, нахмуренные угрюмо, даже грозно, и почти незаметны были физиономии профессиональных зрителей—

людей, которые одинаково равнодушно смотрят на свадьбы, похороны, на парады войск и на арестантов, отправляемых в Сибирь. В конце концов Самгину показалось, что преобладает почти молитвенное и благодарное настроение сосредоточенности на каком-то одном, глубоком чувстве. Невозможно было бы представить, что десятки тысяч людей могут молчать так торжественно, а они молчали, и вздохи, шопоты их стирались шлифующим звуком шагов по камням мостовой...

...Все фантастически изменилось, даже тесные улицы стали неузнаваемыми, и непонятно было, как могут они вмещать это мощное тело бесконечной, густейшей толпы?...

Со двора консерватории вышел ее оркестр, и в серый воздух, под низкое, серое небо влилась величественная музыка марша «На смерть героя»...

Ленин отозвался на убийство Баумана некрологом, в котором возмущенно разоблачал провокационное поведение царского правительства и отмечал революционное значение похорон Баумана. «Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!»¹

Москвич 1905 г. стал в первые ряды революционеров, крепко взяв в свои руки судьбы русской революции.

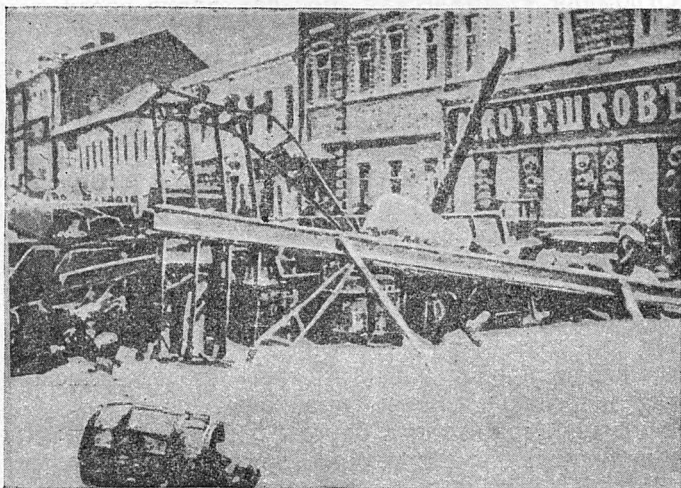
Революционное движение приобретало все более и более массовый характер, становилось открытым народным движением. Пульсом этого растущего революционного движения была московская уличная толпа 1905 г.: она безошибочно отражала биение революционной жизни.

Революционный глаз Горького-художника верно угадывал в своеобразии московской уличной толпы 1905 г. твердую и уверенную поступь революции.

Образ московской улицы этой эпохи стал одним из главных революционных образов, созданных Горьким.

В декабре 1905 г. в ответ на новые репрессии царского правительства московские большевики перешли от политических забастовок к вооруженному восстанию. 9 (22) декабря на улицах Москвы появились первые баррикады.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. VIII, стр. 358.

Баррикады на Пресне в 1905 г.
С фотографии

**Никитский бульвар
близ Никитских
ворот**

Мы приблизились к тому району Москвы, который принимал наиболее активное участие в московском восстании 1905 г., — на границу Пресни, которая в память событий 1905 г. получила почетное название Красной Пресни. Пресня оказывала наиболее ожесточенное сопротивление царским войскам. В этом районе сохранилось до сих пор много домов, связанных с революционными событиями 1905 г. Описывая в «Жизни Клима Самгина» баррикады в Москве, Горький имел в виду район Пресни. Но, поскольку в романе не названы конкретно ни улицы, ни дома, нет возможности построить эту часть нашего маршрута на документальном материале.

Однако бесспорно, что созданный Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина» образ Москвы, пробуждавшейся к новой жизни, Москвы, которой коснулось дыхание революции, родился под впечатлением боев на Пресне.

Огромная «хаотическая Москва» вдруг сразу изменилась.

«Москва в эту ночь стала страшнее Петербурга, каким тот был ночью на 10-е января». И на следующий день Москва, «странно притихшая», казалась чужой: «Полдень, а людей на улицах немного, все больше мелкие обыватели: озабоченные, угрюмые, небольшими группами они стояли у ворот, куда-то шли, тоже по трое, по пяти и более. Студентов было незаметно, одинокие прохожие — редки, не видно ни извозчиков, ни полиции, но всюду торчали и мелькали мальчишки, ожидая чего-то».

Но это спокойствие пустынных улиц было обманчивым. Революционная жизнь Москвы продолжалась: москвичи энергично строили баррикады.

В образах защитников баррикад Горький создал живые, индивидуальные портреты обыкновенных москвичей, людей различных профессий, различных возрастов и общественных положений, для которых строительство московских баррикад стало началом борьбы за новую жизнь.

В образе московской уличной толпы 1905 г. Горький раскрыл силу коллектива. Создавая образы защитников баррикад, Горький все время подчеркивает, что они обыкновенные рядовые люди, ничем не примечательные люди из массы.

Арбатская площадь со стороны Никитских ворот

На фоне Арбатской площади Горький разворачивает последнюю страницу московского декабрьского восстания: разгром восстания и зверскую расправу с москвичами, для усмирения которых был специально вызван из Петербурга гвардейский Семеновский полк.

Арбатская площадь как бы вбирает в себя жизнь соседних прилегающих к ней улиц: в нее вливаются Арбат, Поварская (теперь улица Воровского), бульвары. Сохранилось в обновленном виде имеющее историческое значение здание Александровского военного училища (теперь Министерство вооруженных сил). Современный вид площади сильно отличается от того, что было здесь в 1905 г. Разбит новый сквер, появилась станция метро-

политена, сама площадь расширилась — снесена церковь, которая была здесь в 900-х годах. В дни декабрьского восстания за церковью укрывались от пуль москвичи. Вот как разворачивались здесь революционные события 1905 г.

Защитники баррикад остро чувствовали недостаток оружия. Его приходилось добывать самим, в боях, отбивая у солдат. Силы были слишком неравны. Положение восставших стало еще тяжелее, когда для усмирения были вызваны гвардейские части.

На улицах Москвы появились пушки, началась беспорядочная стрельба, горели баррикады, подожженные царскими войсками. На улицах орудовали бандиты. Реакция распоясывалась. Вот как Горький описывает эту последнюю страницу декабрьского восстания:

«Приближаясь бульварами к Арбату, Самгин услышал вправо от себя, далеко, знакомый щелчок выстрела, затем другой. Выстрелы, прозвучав очень скромно, не удивили, — уж если построены баррикады, так, разумеется, надо стрелять. Но когда перед ним развернулась площадь, он увидел, что немногочисленные прохожие разбегаются во все стороны, прячутся во двор трактира извозчиков, только какой-то высокий старик с палкой в руке, держась за плечо мальчика, медленно и важно шагает посреди площади, направляясь на Арбат...

В стороне Поварской кто-то протяжно прокричал неясное слово, и тотчас же из-за церкви навстречу Климу бросилась дородная женщина; встряхивая головой, как лошадь, она шептала:

— Ох, господи, ох...

— Р-разойди-сь! услышал Самгин заунывный крик, бросился за угол церкви и тоже встал у стены, рядом с мужчиной и женщиной...

По площади все еще металось трое людей, мальчик оторвался от старика и бежал к Александровскому училищу, а старик, стоя на одном месте, тыкал палкой в землю и что-то говорил, — тряслась борода. С Поварской вышел высокий солдат, держа в обеих руках винтовку, а за ним, разбросанно, шагах в десяти друг от друга, двигались, не торопясь, маленькие солдатики и человек десять штатских с ружьями; в центре отряда ехала пушечка толщиной в водосточную трубу.

Рядом с пушкой лениво качался на рыжей лошади с белыми, как в чулках, ногами оловянный офицер, с бородкой, точно у царя Николая. Рукою в белой перчатке он держал плетку и, поднося ее к белому, под черной фуражкой лицу, дымил папирсой. Солдаты, кроме передового, тоже казались оловянными; все они были потертые, разрозненные, точно карты, собранные из нескольких игр.

...Передовой солдат и еще двое, приложив ружья к плечам, начали стрелять. Сначала упал, высоко взмахнув ногою, человек,

бежавший на Воздвиженку, за ним, подогнув колени, грузно свалился старик и пополз...

За спиной Самгина мужчина глухо бормотал:

— Нищего убили, слепого-то; сво-олочи, гляди-ко!...

Москва стала очень молчалива.

Дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным. Московский Совет решил прекратить сопротивление.

В «Жизни Клима Самгина» Горький показывает, что руководители восстания не только не теряли веры в победу рабочего класса, но вышли из восстания еще более укрепленные в ней. Московское восстание ясно показало, что родился новый русский человек, что революционное движение получило опору в массах.

«Рабочие победят... вот увидишь! Какие люди!»—говорила Любаша Сомова в самые тяжелые дни разгрома декабрьского восстания. —

Не может быть! Победим!»

В «Жизни Клима Самгина» Горький подводит итоги декабрьскому восстанию:

«Московское выступление рабочих показало, что мелкий обыватель идет за силой, — как и следовало ожидать. Пролетариат должен готовиться к новому восстанию. Нужно вооружаться, усилить пропаганду в войсках. Нужны деньги и оружие, оружие!..

По форме это, если хотите, — немножко анархия, а по существу — воспитание революционеров, что и требуется».

Эти выводы Горького полностью совпадают с той оценкой, какую дал декабрьским событиям в Москве В. И. Ленин, назвавший московское восстание «народным движением»¹.

«Декабрьская борьба 1905 г. доказала, что вооруженное восстание может победить при современных условиях военной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала то, что все международное рабочее движение должно отныне считаться с вероятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских революциях»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 214.

² В. И. Ленин, «К оценке русской революции», Соч., т. XII, стр. 212.

*Площадка у входа
в новое здание
Ленинской
библиотеки*

С этой площадки, расположенной перед домом, где жил Горький в 1905 г., еще раз посмотрим на Москву.

В том ландшафте, который сейчас расстилается перед нами, удивительно сочетаются, дополняя друг друга, настоящее и прошлое Москвы.

Отсюда открывается панорама Кремля. В перспективе видна площадь Свердлова, выглядят молодыми и обновленными здания университета и бывшего манежа. Румянцевский музей превратился во Всесоюзную библиотеку имени Ленина, имеющую мировое значение. На фронтонах здания библиотеки — барельефы великих людей мира, светочей человеческого разума, и в их ряду — барельеф Горького.

В художественном описании Москвы в «Жизни Клима Самгина» много автобиографического.

Любопытно отметить, что знакомство Самгина с Москвой осуществляется по тому же маршруту, которым следовал и сам Горький во время его первых случайных приездов в Москву, — поездкой на Воробьевы горы.

Но в отличие от Горького «у Клима Самгина Москва не вызывала восхищения; для его глаз город был похож на чудовищный пряник, пестро раскрашенный, припудренный опаловой пылью и рыхлый».

«Колокольня Ивана Великого поднималась в небо, как палец, украшенный розоватым ногтем. В воздухе плавал мягкий гул, разногласо пели колокола церквей».

Равнодушием Самгина к Москве, так же как и полным непониманием Самгиным красоты русской природы, Горький как бы подчеркивал «нерусский», чуждый русскому духу характер Самгина — его внутреннюю опустошенность. Самгину противопоставлены в романе патриоты Москвы: Макаров, дядя Хрисанф, Варвара, Любаша Сомова, по-русски влюбленные в Москву.

Макаров говорит:

«Москва несколько путает мозги, я очарован, околдован ею и чувствую, что поглупел здесь...»

Фантастически талантливы люди здесь. Вероятно, такие жили в эпоху Возрождения»...

«Обожаю Москву! Горжусь, что я москвич! Благоговейно — да-с! Хожу по одним улицам со знаменитейшими артистами и учеными нашими! Счастлив снять шапку перед Василием Осиповичем Ключевским, Толстого Льва — Льва-с! дважды встречал. А когда Мария Ермолова на репетицию едет, так я на колени среди улицы встать готов... — сердечное слово!»

«— Здесь и мозг России и широкое сердце ее», — говорит дядя Хрисанф, прозванный за свою любовь к Москве «московским угодником».

«— Какой сказочный город! Идешь, идешь и вдруг почувствуешь себя, как во сне. И так легко заплутаться!» — говорит Любаша.

«— Мне кажется, — нигде не бывает такой милой весны, как в Москве, — говорит Варвара, гуляя в Петровском парке. — Впрочем, я ведь нигде не была. И представь! — не хочется. Как будто я боюсь увидеть что-то лучше Москвы и перестану любить ее так, как люблю».

Чувствуется, что авторское, горьковское отношение к Москве выражено не Самгиным, а именно этими подлинными и глубокими патриотами Москвы.

Горький воспринимает Москву в тесной связи с жизнью всей страны. В облике Москвы Горький видит отражение героической истории русского народа и вместе с тем отражение нелепых, уродливых, пестрых и смешных явлений русской жизни. В московской жизни Горький видит непотухающую творческую энергию русского народа, его мечту о великом. Наблюдая москвичей, Горький чувствует, что зреют неисчислимы потенциалы силы всего народа и нужен только толчок истории, чтобы они пришли в движение. В нестройном и даже «нелепом» и «хаотическом» облике Москвы перед взорами Горького, умевшего смотреть из настоящего в будущее, уже вырисовывались контуры будущей Москвы — столицы Советского Союза, сердца всего мира, — выростал образ нового русского человека — хозяина, защитника и строителя своей Родины, работающего не на себя только, а на все человечество.

ОТ РЕДАКЦИИ

Маршрут настоящей экскурсии посвящен местам, связанным с пребыванием Горького в дореволюционной Москве, и с характеристикой ее в произведениях Горького.

Теме «Горький в Советской Москве» посвящена отдельная работа, которая будет опубликована в готовящемся к изданию сборнике Гослитмузея «Литературная Москва».

В указанной работе будут отражены следующие моменты творческой и общественной деятельности М. Горького:

1. Встречи Горького с Лениным.
2. Возвращение Горького в СССР (1928 г.).
3. Горький—участник социалистической стройки эпохи первых Сталинских пятилеток.
4. Горький—депутат Московского Совета. Участие Горького в реконструкции Москвы. Горький на московских предприятиях.
5. Встречи Горького с И. В. Сталиным и руководителями партии и правительства.
6. Люди Советской страны в доме Горького на Малой Никитской (1931—1936 гг.).
7. Горький руководит Союзом Советских писателей. 1-й съезд Советских писателей в Москве (1934 г.).
8. Участие Горького в подготовке празднования 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции.
9. Горький—пламенный борец против фашизма.
10. Москва хоронит Горького.
11. Слово Горького в дни Великой Отечественной войны.
12. Москва чтит великого писателя.

А. Бромберг

МОСКВА МАЯКОВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЛАДИМИР Владимирович Маяковский родился 19 июля 1893 г. в селе Багдади (около Кутаиси), где его отец, Владимир Константинович, был лесничим. Как известно, сразу же после смерти Владимира Константиновича в июле 1906 г. Маяковские переехали из Грузии в Москву.

Москва хоронила Маяковского 17 апреля 1930 г. Из 24 лет между двумя этими датами Маяковский 19 лет провел в Москве, уже отсюда совершая свои многочисленные поездки по СССР и за границу.

Вполне естественно, что даже чисто биографические материалы, относящиеся к теме «Москва Маяковского», не укладываются в один экскурсионный маршрут, хотя бы и автобусом, по Москве. Слишком много маршрутных пунктов, слишком удалены они друг от друга.

Действительно, тут и Петровско-Разумовское, куда Маяковские приехали в 1906 г.; и дом № 3 по проезду Серова (бывш. Лубянский проезд), где поэт умер; и «квартиренка» на Малой Бронной (дом № 12 по Спиридоньевскому пер.)—первая квартира Маяковских в Москве; и дом № 13 по Гендрикову переулку (ул. Маяковского на Таганке), где поэт жил с апреля 1926 г. по апрель 1930 г.; подпольная типография МК РСДРП(б) на квартире у Трифонова в доме Коноплина (дом № 7 по Ново-Чухнинскому переулку), где Маяковский был арестован в первый раз (29 марта 1908 г.), и т. д. и т. д.—еще десятки адресов, связанных с биографией Маяковского.

Нельзя забывать и места, где он учился: 5-я московская гимназия (на углу улицы Воровского — бывш. Поварской — и Большой Молчановки), Строгановское художественно-промышленное училище (Рождественка, д. № 11), Училище живописи, ваяния и зодчества (ул. Кирова, д. № 21).

Маяковский работал в РОСТА (на углу Сретенского бульвара и улицы Мархлевского, бывш. Милютинского пер.), постоянно бывал в редакциях «Комсомольской правды», «Известий ВЦИК», «Правды», «Вечерней Москвы», в Госиздате и других издательствах, в редакциях газет и журналов, в клубе ФОСП¹, в Доме печати, в Доме Герцена и в других местах, так или иначе связанных с литературной жизнью Москвы.

Десятки аудиторий Москвы хранят память о выступлениях Маяковского: Политехнический музей, Колонный зал Дома Союзов, Большой зал Консерватории, зал Дома Комсомола Красной Пресни и др. Поэт выступал на Советской (б. Скобелевской) площади (в 1914 и в 1923 гг.), на площади Свердлова (12 мая 1923 г.), на стадионе «Динамо», в Сокольниках и т. д.

Нельзя пройти мимо театров и кино, в которых шли пьесы и фильмы Маяковского или в которых он смотрел и слушал чужие произведения.

Даже самый беглый осмотр этого материала требует нескольких экскурсий.

Еще больше говорит нам Москва «языком своих строений» о самом творчестве Маяковского. Москва—родина его поэзии, постоянный стимул его творчества и излюбленный образ многих лучших произведений поэта. Площадь, улица, бульвар, сквер, здания, памятники и т. п.—все это—постоянно в его стихах. При этом городской пейзаж и интерьер или их элементы большей частью имеют у Маяковского ясно выраженный московский адрес, например: Электрозавод, Планетарий, Сокольники, если магазин—то «Москвошвей», если учреждение—то Моссовет и т. п. Москва упоминается в стихах Маяковского свыше 220 раз. В Москве Маяковский пробовал писать стихи для гимназического журнала «Порыв», стал регулярно писать их в одиночке № 103 Бутырской тюрьмы и впервые прочитал строчки своего стиха Бурлюку ночью на Сретенском бульваре. В Москве создавался и издавался сборник «Пощечина общественному вкусу», в котором впервые были напечатаны стихи Маяковского. Москва ощущается, хотя и не названа, в «Неоконченном» и в «Во весь голос». Москва—место действия в важнейших, определяющих произведениях Маяковского. Москва живет в стихах Маяковского на всем протяжении его творческого пути.

Уличная экскурсия позволяет с исключительной наглядностью воспринять точность, смелость, реализм и художественную убедительность образов города у Маяковского.

Это включает в круг вопросов экскурсии материалы теоретико-литературного порядка.

Мемориальный музей Маяковского на Таганке, музей В. И. Ленина, музей Революции могут дать очень много для конкретизации образов поэмы «Владимир Ильич Ленин», поэмы «Хорошо!» и многих других его произведений.

Совершенно очевидно, что только цикл экскурсий может

¹ ФОСП — Федерация объединений советских писателей.

охватить весь огромный материал, намеченный выше, и разрешить те задачи, которые возникают перед экскурсией «С Маяковским по Москве».

Первая из цикла этих экскурсий должна показать корни революционного мировоззрения Маяковского 1908—1910 гг. Места жизни и революционной работы Маяковского—начала его пути к социализму—большая самостоятельная тема.

Вторая тема цикла: «Образы города у раннего Маяковского». Круг вопросов этой экскурсии—революционный урбанизм поэта, своеобразные краски живописнейших пейзажей города в первых его стихах, переход к городскому интерьеру (парикмахерская, кафе, театр, квартира) и раскрытие на этом материале внутреннего мира поэта. Маршрут второй экскурсии: Страстная площадь, улица Горького, Столешников переулок.

Третья экскурсия—самая трудная по маршруту и выбору реальных объектов города. Ее тема: «Маяковский в революционном городе и образы революционного города в творчестве поэта»; подтемы и материалы: 1) «Маяковский в дни Октября» (материалы Музея Революции и пейзаж Кузнецкого моста) и 2) «Окна Роста» (по витринам Москвы и по снимкам с плакатов).

Четвертая экскурсия касается творческой лаборатории Маяковского. В тему экскурсии входит: 1) внесение поэтом своих творческих «заготовок» в записную книжку непосредственно на улицах Москвы (воспоминания Брюханенко и др.), 2) работа над поэмой «Про это» (комната поэта в Лубянском проезде).

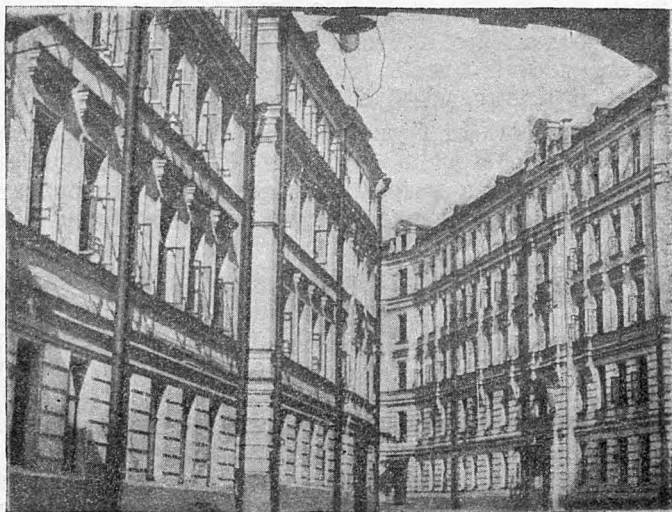
Пятая экскурсия с исключительной полнотой введет в круг идей и образов поэмы «Владимир Ильич Ленин». Охотный ряд и Дом Союзов, Музей Ленина и Красная площадь экскурсионно иллюстрируют почти всю поэму.

Шестая экскурсия—экскурсия по поэме «Хорошо!»—не может охватить всю поэму без посещения Музея Революции СССР. Но вся вторая половина поэмы: главы о социалистической родине, о России, очищенной грозой социалистической революции, и о формировании новых качеств патриотизма у советских людей—почти целиком может быть раскрыта на пейзажах и на тесно связанных с ними картинах жизни Москвы за «три тысячи дней»—с 1919 по 1927 гг. (д. № 3 по Лубянскому проезду, Политехнический музей, Красная площадь, улица Горького).

Седьмая экскурсия возможна в нескольких вариантах. Ее тема—творческий путь Маяковского в целом и место образов Москвы в эволюции его поэзии. Для осуществления этой экскурсии нужна поездка по Москве на автобусе, соединенная с посещением Музея Маяковского на Таганке.

Ясно, что одна экскурсия не может сколько-нибудь полно ознакомиться с Москвой Маяковского. Однако опыт показывает, что все же и такая экскурсия помогает углубить восприятие многих произведений поэта.

Ниже следует описание такой пешеходной экскурсии. Она включает и биографические, и творческие, и теоретико-литературные моменты и, главное, использует материал основных произведений Маяковского (поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!»).

Дом № 3 по проезду Серова (б. Лубянский пр.), в котором жил В. В. Маяковский с 1919 г. по 1930 г.
Из фототеки Государственного Литературного музея

Экскурсия знакомит с ярчайшими образами Москвы Маяковского, с самыми выразительными и характерными для Москвы пейзажами и зданиями.

Литературный материал дан в таком количестве, которое допускает создание вариантов, соответствующих запросам различных групп экскурсантов, а также разнообразным условиям проведения уличной экскурсии, резко меняющимся в зависимости от времени года, погоды, часов дня и т. д.

**Вводная беседа —
у ворот дома № 3
по проезду Серова**

Тема данной экскурсии — своеобразии образов советской Москвы в произведениях Маяковского — «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи»,

как сказал о нем товарищ Сталин.

Литературный материал экскурсии: главы поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!», рисующие лучших людей страны и важнейшие исторические события наших дней.

Экскурсия рассчитана на 2—2½ часа. Маршрут ее и объекты ознакомления: дом № 3 по проезду Серова, Политехнический музей, площадь Революции, Красная площадь и Кремлевский сад.

В зависимости от уровня знаний экскурсионной группы о поэте и о Москве вводная беседа дополняется теми сведениями о жизни Маяковского и его работе в Москве, которые приведены выше, в предисловии к этой статье.

*Передняя часть
двора дома № 3
по проезду Серова*

Узкая, кривая, длинная асфальтированная площадка сугубо городского двора со всех сторон окружена однообразными «внутренними фасадами» 4- и 5-этажных домов. По форме это не «каменный колодец», а скорее «каменный котел». По своему оформлению эти дома не претендуют на место в истории архитектуры: по всем признакам они перестроены в конце прошлого столетия в обычные доходные дома большого капиталистического города¹.

В 1914 г. эти дома принадлежали известному купцу Стахееву. В 1918 г. домовладение было национализировано и передано ВСНХ. Многие в Москве построено или перестроено после смерти Маяковского, многое исчезло с тех пор, но этот двор остался почти без изменений.

Только жизнь его стала совсем иной, чем в марте 1919 г., когда Маяковский поселился здесь, в квартире № 12 (подъезд № 3). В то время атмосфера в России уже была очищена «грозою двух революций», но интервенция и гражданская война были еще в самом разгаре. 1919 год — время сплошных боев, непрерывного грохота орудий. Почти вся страна была в руках интервентов и белых, которые были «Россию рвать на

¹ Однако форма двора, похожего на целый переулок или тупик, свидетельствует о своеобразии происхождения этого огромного московского дома. Когда-то здесь действительно был тупичок. В XVIII в. один из этих домов принадлежал кн. Куракиной. К 1882 г. дом № 3 и дом № 5 по Лубянскому проезду, принадлежавшие — один Гребневской церкви, другой — штабс-капитану Раймову, были объединены в одно домовладение под № 3.

части рады». Москва оказалась в кольце. Но, несмотря на голод, холод и другие лишения, Москва полна глубокой ленинской уверенности в скорой победе.

Посреди

винтовок

и орудий голосища

Москва —

островком,

и мы на островке.

Мы —

голодные,

мы —

нищие,

с Лениным в башке

и с наганом в руке¹.

Все свои силы народ отдавал фронту. Поэтому в тылу с исключительной остротой стояла тогда проблема питания и топлива. Особое значение неожиданно приобретали такие, например, учреждения, как Главтоп, который был расположен в этом дворе. Главтоп занимал нижний этаж.

*Во дворе против
дома, где в свое
время находился
Главтоп*

Сюда идут за хлебными карточками рабочие-лесорубы. Их мысли — на фронте. Они знают, что для ликвидации голода и холода существует только один путь —

их усилия на фронте, когда это понадобится, и их труд в тылу сейчас. Они спокойны, к физическим лишениям привычны, понимают, что и 400 граммов хлеба — по тому времени улучшенный паек. Богатые обедают в частных столовых на дому, где можно получить все, начиная с бульона и бифштекса. Богатые—это, прежде всего, спекулянты. Они липли к Главтопу, готовые нагреть руки даже на том, что нет топлива:

Ходят

спекулянты

вокруг Главтопа.

Обнимут,

¹ В. В. Маяковский, «Хорошо!», гл. 10.

зацелуют,
 убьют за руп.
 Секретарши
 ответственные
 валенками топают.
 За хлебными
 карточками
 стоят лесорубы.
 Много
 дела,
 мало
 горя им —
 фунт
 —целый!
 первой категории.
 Ру́ят,
 липовый
 чай
 выкушав.
 — Мы —
 не Филипповы,
 мы —
 привыкши.
 Будет
 обед,
 будет
 ужин, —
 белых бы
 вон
 отбить
 от ворот.
 Есть захотелось,
 пояс —
 потуже,
 в руки винтовку
 и
 на фронт.—

 Богатые—
 ловче,
 едят

у Зунделовича.
 Ни щей,
 ни каш —
 бифштекс
 с бульоном,
 хлеб
 ваш,
 полтора миллиона¹.

***Середина двора,
 против окна ком-
 наты Маяковского***

Квартира Зунделовича находится в том же подъезде, что и комната Маяковского, но двумя этажами ниже. Окно комнаты Маяковского — пятое от левого угла в четвертом (верхнем) этаже. В этой комнате поэт прожил одиннадцать лет: с марта 1919 г. до 14 апреля 1930 г., когда в 10 часов 15 минут он окончил здесь свою жизнь.

В атмосфере преступной травли и трудных личных обстоятельств Маяковский не выдержал грубых проявлений вражды к себе со стороны умело замаскировавшихся и тогда еще не разоблаченных врагов народа.

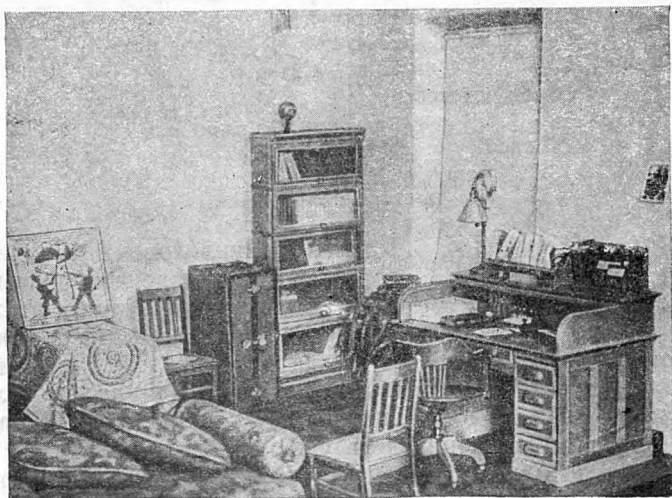
Ко времени жизни Маяковского в этой комнате относится создание почти всего, что он написал после 25 октября 1917 г. Но не выяснено, что именно он писал в этой комнате, что в Гендриковом переулке (ныне улице Маяковского), что на даче в Пушкине и что в поездках.

Поэма «Про это» — единственное произведение Маяковского, о котором в точности известно, что оно полностью написано за этим письменным столом зимой 1922—1923 гг.

По фотографиям знакомимся с комнатой поэта. Так называемый «шведский» или «американский» письменный стол прекрасно организован для работы поэта и художника.

Книги на удобных полочках, лампа «жираф» с направленным на стол светом и телефон на столе поверх бюро, канцелярская корзина для бумаг, флаконы с тушью и красками, рукопись очередной работы на середине стола.

¹ «Хорошо!», гл. 12.

Кабинет В. В. Маяковского в д. № 3 по проезду Серова
(б. Лубянский пр.)

Из фототеки Государственного Литературного музея

В современном книжном шкафу — Большая Советская энциклопедия, собрание сочинений Ленина, книги самого Маяковского. На столике, рядом — словарь Даля; на другом столике — плакат Роста. На книжном шкафу — глобус.

Вся обстановка этой комнаты описана в поэме «Про это». Но по условиям бюджета времени образы Москвы из поэмы «Про это» (как и поэмы «Люблю») не могут быть включены в эту экскурсию. Даже об «Окнах Роста» можно только напомнить: «Количество работы было непомерно, — писал Маяковский, — у меня комната на Лубянском проезде, я работал в ней часов до двух ночи и ложился спать, подложив под голову не подушку, а простое полено, — это для того, чтобы не проспать и успеть во-время обвести тушью ресницы разным Юденичам и Деникиным»¹.

¹ «Только не воспоминания».

*Лестница
подъезда № 4*

Возвращаясь мысленно ко времени, когда разные Деникины и Антанта блокировали нашу страну, всходим на лестницу, которая была расположена рядом с комнатой поэта и о которой он писал:

Под ухом
самым—
лестница
ступенек на двести,—
несут
минуты-вестницы
по лестнице
вести.
Дни прошли
и топали:
—Дóжили,
вот вам,—
нету топлив
брюхам
заводовым ¹.

Лестница — место рождения слухов:

Сегодня
на лестнице,
копались
обывательские
слухи-свиньи:
—Деникин
подходит,
к самой
к тульской,
к пороховой
сердцевине...

Но город
проснулся,
в плакаты кадрованный,—
это
партия звала:
„Пролетарий, на коня!“

¹ «Хорошо!», гл. 15.

в холоде
 и наготе
 держали
 взятое,
 да так,
 что кровь
 выступала из-под ногтей.
 Я видел
 места,
 где инжир с айвой
 росли
 без труда
 у рта моего —
 к таким
 относишься иначе.
 Но землю,
 которую
 завоевал
 и полуживую
 вынянчил,
 где с пулей встань,
 с винтовкой ложись,
 где каплей
 льешься с массажи,—
 с такую
 землю
 пойдешь
 на жизнь,
 на труд,
 на праздник
 и на смерть!¹

**Во дворе, против
окна комнаты
Маяковского**

Теперь представим себе Маяковского у окна его комнаты. Он очень высок, его глаза, возможно, — на уровне форточки. Сотни других окон видны отсюда. Они смотрят друг на друга и на весь этот «каменный котел».

¹ «Хорошо!», гл. 15.

Поэт в гуще событий, о которых мы вспоминали. Он «каплей льется с массами». Вместе со всем населением этого дома Маяковский изо дня в день «варится» в этом котле. Во многих мелочах городского быта он видит отражение великих исторических событий. И если шарманка исполняет песню 1900 г. о борьбе буров с англичанами, Маяковский воспринимает ее как современную песню о борьбе революционной России против нашествия четырнадцати государств.

Бои с интервентами, стремительный бег исторических событий, которые поэт торопил «Окнами Роста», и сонное спокойствие обывательского болота, отраженного в окнах двора, рождение нового мира и пепел старого, величие и красота нашего времени — все находило место в творчестве Маяковского. Его слово так же просто, строго и могуче, как сама правда жизни тех лет, о которой он пишет в главе 11 поэмы «Хорошо!»:

Несется
жизнь,
овсевая,
проста,
суха.
Живу
в домах Стахеева я,
теперь
Веэсэнха.
Свезли,
винтовкой звякая,
богатых
и кассы.
Теперь здесь
всякие
и люди
и классы.
Зимой
в печурку-пчелку
суют
тома шекспири.
Зубами
щелкают,—

картошка —
 пир им.
А летом
 слушают асфальт
с копейками
 в окне:
„Трансваль,
 Трансваль,
 страна моя,
ты вся
 горишь
 в огне!“
Я в этом
 каменном
 котле
варюсь,
 и эта жизнь —
и бе-, и бой,
 и сон,
 и тлен—
в домовьи этажи
отражена
 от пят
 до лба,
грозою
 омываемая,
как отражается
 толпа
идущими трамваями.
В пальбу,
 присев
 на корточки,
в покой—
 глазами к форточке,
чтоб было
 видней,
я
 в комнатенке-лодочке
проплыл
 три тыщи дней¹.

¹ К моменту написания поэмы Маяковский уже прожил здесь три тысячи дней: восемь лет, с 1919 по 1927 г.

Реализм этих образов и сила их обобщения очень велики. Глубокая связь поэта с жизнью и с лучшими представителями своего революционного народа, активнейшее участие своим словом в героической борьбе за новую жизнь, в достижении победы — это на всю жизнь определило позицию Маяковского как поэта-большевика, воина пролетарской революции. Эти свои взгляды поэт декларировал, теоретически обосновывал и защищал не только в печати, но и на публичных диспутах. Он часто включал полемические строчки в свои основные произведения, которые постоянно исполнял перед аудиторией.

У входа в Большую аудиторию Политехнического музея (Политехнический проезд, дом № 2, подъезд № 9)

Левое крыло здания Политехнического музея, перед которым мы находимся, пристроено как раз в год приезда в Москву Маяковских — в 1906 г. Правое крыло относится к 1876 г., центральная часть построена в 1872 г.

Политехнический музей всегда служил для пропаганды научно-технических знаний и был одним из центров общественно-политической и культурной жизни России.

В течение всего 1917 г. в здании Политехнического музея проводил свою работу Московский Совет рабочих депутатов. Здесь состоялось совещание фракции большевиков Московского Совета, вынесшее решение о передаче всей власти Советам. Здесь происходило заседание, на котором был выбран Военно-революционный комитет.

В этом здании помещались также Высшие женские курсы и Общество народных университетов.

Пропаганда технических знаний и достижений техники — одна из постоянных идей и сквозных тем Маяковского. Вопросы поэзии также освещались в этой аудитории, так как проводившаяся в ней лекционная работа охватывала почти все вопросы культуры и искусства. Здесь выступали Ленин (1917 г.) и Крупская, Тимирязев и Мечников, Собинов и Игумнов.

Здесь около 40 раз выступал Маяковский. Одно из его выступлений состоялось 12 декабря 1920 г. Воспро-

изводим афишу, висевшую у входа в Большую аудиторию. На тонкой оберточной грязно-розоватой бумаге, размером 70×30 см, напечатано:

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

(Лубянский проезд, 4)

В воскресенье, 12-го декабря,

в 3 часа дня

150. 000. 000

I

Митинг людей, зверей,
паровозов, фонарей и пр.

II

Город на одном винте,
весь электро-динамо-механич.

III

Вильсон и Иван

IV

Вторая Троя

V

Может быть Октябрьской революции сотая годовщина.

Может быть просто изумительное настроение

ПРОЧТЕТ ЭТО

ВЛАДИМИР

МАЯКОВСКИЙ

Поэма «150.000.000» — поэма о борьбе двух миров. Она рисует грядущую победу революционной России и трудящихся всего мира над реакцией.

Вестибюль Музея Полумрак. В левом углу — будка телефона-автомата. Вокруг на стенах висят афиши, извещающие о ближайших лекциях, вечерах и концертах. Направо — на площадке лестницы — деревянные будки касс, с их освещенными окошечками. Левее — ступени широкой каменной лестницы, ведущие в зал, фойе и к вешалке. На площадке лестницы — барьер, около которого контроль. Около нас, слева внизу, темная деревянная скамья-диван.

Представим себе, как выглядел этот вестибюль в дни выступлений Маяковского. Первое выступление поэта в Политехническом музее состоялось 11 ноября 1913 г. на вечере «Утверждение российского футуризм-

ма»¹. На входных дверях вместо афиши было написано. «Сегодня футуристы». Над окошечком кассы—объявление: «Присутствие корреспондентов неважно, а потому они особыми правами не пользуются». Обычно на стенках вестибюля, так же как сейчас, висели разнообразные афиши. И, глядя на них, мы легко можем вспомнить весь творческий путь Маяковского, поскольку каждый этап этого пути сопровождался выступлением поэта здесь. Вот такие этапные выступления:

14 октября 1914 г.—«Война и искусство».

24 сентября 1917 г.—«Большевики искусства».

12 декабря 1920 г.—«150.000.000».

4 декабря 1924 г.—«Отчет за 1923—24 гг.».

20 октября 1927 г.—«Хорошо!»

Обстановка вестибюля Политехнического музея в день выступления Маяковского ярко описана в очерке Л. Кассиля «На капитанском мостике»:

«Политехнический осажден. Смяты очереди.

Трещат барьеры. Давка стирает со стен афиши. Администратор взмок. Лысой кукушкой он ускользает в захлопнувшееся окошечко. Милиция просит очистить вестибюль... Зудят стекла. Всхлипывают пружины дверей. Гам. Маяковский сам не может попасть на свой вечер. Он оказывается заложником у осаждающих. С него требуют выкуп: пятьдесят контрамарок, ну двадцать... тогда пропустят. Но он уже роздал вчера, сегодня, сейчас десятки контрамарок, пропусков. Сейчас нет... Он оскудел. И Маяковский пробирается к входу. Он начинает таранить, раздвигать, ворочаться, как затертый мощный ледокол. Потом он вдруг сразу и легко проходит через всю толщу толпы. «Он прошел через нее, как проходит сквозь снег горячий утюг», — подметил где-то Шкловский»².

Большая аудитория Политехнического музея

«Ряды сидений, расположенные ступенчато, как в университетской аудитории. Скромная эстрада. Зал переполнен. Перворядная публика рождет. Сидят в проходах, на ступеньках, на краю эстрады, на коленях друг у друга... строптивый зал уже топает от нетерпения. И вот выходит Маяковский. В одной руке Маяковского портфель. В другой — стакан чая.

Он сотрясает своими шагами пол эстрады. Он двигает стол. Грохочут стулья. Рядком раскладываются книжки. Стихи. Бумаж-

¹ Последнее выступление Маяковского в этой аудитории состоялось 19 марта 1930 г. на диспуте о пьесе Безыменского «Выстрел».

² Этот очерк Л. Кассиля впервые опубликован в журнале «Пионер» за 1930 г. под названием «Жизнь на трибуне».

ки. Часы. Звенит ложечка в стакане. Маяковский обжился. Он осмотрен и осмотрелся. Он распахивает полы пиджака, засовывая ладони сзади под пояс: поза почти спортивная.

— Сегодня, — начинает он, — я... — рывкает он, — буду... (сообщается программа вечера).

— После доклада перерыв для моего отдыха и для изъявления восторгов публики.

— А когда же стихи будут? — жеманно спрашивает какая-то девица.

— А вам хочется, чтоб скорее интересное началось? — так же жеманно басит Маяковский.

Первый раскат заглушенного хохота. В зале копится пока еще скрытое восхищение. И вот Маяковский промывает свой доклад. Собственно, это не доклад. Это — блестящая беседа, бурный монолог, зажигательная речь. Она полна интереснейших сообщений, фактов, неистовых требований, радости, возмущения, смелых утверждений, курьезов, афоризмов, пародий, эпиграмм, острых мыслей, возбуждающих шуток, разительных примеров, пылких выпадов и отточенных формул. На шевелюры и плечи рыцарей мещанского искусства рушатся убийственно-меткие определения и хлесткие шутки, на них обваливается оглушающее негодование поэта. Маяковский разговаривает».

Кассиль рисует выступление поэта в 1927 г. Но в общих чертах эти же манера и обстановка выступлений Маяковского наметились при первом появлении поэта на эстраде Политехнического музея. И мы можем себе представить, что 11 ноября 1913 г. Маяковский, которому тогда был 21 год, так же уверенно держась на кафедре и с таким же ораторским блеском, начинает свой доклад на вечере «Утверждение российского футуризма». Среди многочисленных отчетов о выступлениях Маяковского выделяется статья Е. Нежданова «Футуристы»:

«Мы, — сказал Маяковский, — хотим дать теоретическое обоснование футуризма. Те, кто полагает, что им придется участвовать в скандале и работать руками, должны разочароваться: им придется работать мозгами. Поэзия футуризма — это поэзия города, современного города. Город обогатил наши переживания и впечатления новыми городскими элементами, которых не знали поэты прошлого. Весь современный культурный мир обращается в огромный исполнинский город. Город заменяет природу и стихию. Город сам становится стихией, в недрах которой рождается новый городской человек. Телефоны, аэропланы, экспрессы, лифты, ротационные машины, тротуары, фабричные трубы, каменные громады домов, копоть и дым — вот элементы красоты в новой городской природе. Электрический фонарь мы чаще видим, чем старую романтическую луну. Мы, горожане, не знаем лесов, полей, цветов — нам знакомы туннели улиц с их движением, шумом, грохотом, мельканием, веч-

ным круговращением. А самое главное — изменился ритм жизни. Все стало молниеносно, быстротечно, как на ленте кинематографа. Плавные, спокойные, не спешащие ритмы старой поэзии не соответствуют психике современного горожанина. Лихорадочность — вот что символизирует темп современности. В городе нет плавных, размеренных, округлых линий, углы, изломы, зигзаги — вот что характеризует картину города. Поэзия... должна соответствовать новым элементам психики современного города»¹.

В каждый новый период жизни нашей Родины лучший певец своей эпохи стремится осознать то новое, что характерно для этого периода и что должно определить работу поэта. Во время войны Маяковский говорит: «Можно не писать о войне, но надо писать войною!»²

В первые годы после Октября Маяковский утверждает: «Поэзия воспринимается только через современность. Самое революционное содержание не может быть революционным без революционного подхода к слову... Надо революционизировать язык»³.

Когда началось восстановление народного хозяйства, Маяковский выступает с докладом, который особенно интересно услышать именно здесь, именно в Политехническом музее: «Поэзия — обрабатывающая промышленность».

В начале периода индустриализации СССР Маяковский выступал в этой же аудитории на тему «Как писать стихи». Он, по всей вероятности, читал тогда выводы своей статьи «Как делать стихи», где первым тезисом поставлено: «Поэзия — производство. Труднейшее, сложнейшее, но производство».

На своих выступлениях Маяковский читал много стихов. В стихотворении «Нашему юношеству», выступая за дружбу всех народов Советского Союза с русским народом, как первым среди равных, Маяковский протестует против узкого национализма, против традиционного в старое время преклонения перед всем западноевропейским. Маяковский пишет:

¹ «Трудовая газета», гор. Николаев, 1914, № 1419, от 26 января. Для нашей темы это высказывание Маяковского имеет особый интерес и поэтому приведено почти полностью.

² «Вравшим кистью».

³ В. Катанян, «Маяковский», «Литературная хроника», стр. 83.

Смотрите на жизнь
 без очков и шор,
 глазами жадными цапайте
 все то,
 что у вашей земли хорошо
 и что хорошо на Западе.
 Но нету места
 злобы мазку,
 не мажьте красные души!
 Товарищи-юноши,
 взгляд—на Москву,
 на русский вострите уши.
 Да будь я
 и негром преклонных годов,
 и то
 без унынья и лени
 я русский бы выучил
 только за то,
 что им
 разговаривал Ленин.
 Когда
 Октябрь орудийных бурь
 по улицам
 кровью лился,
 я знаю,
 в Москве решали судьбу
 и Киевов
 и Тифлисов¹.

**Малый Черкасский
 переулок, д. № 1**

Здесь помещалась редакция газеты «Комсомольская правда». Создатель и редактор «Литературных страниц» «Комсомольской правды» И. П. Уткин так рассказывает о появлении Маяковского в газете:

«По поручению редакции «Комсомольской правды» я вызвал Маяковского в редакцию. Он вошел в мою комнату в редакции и сказал:

— «Ну, вот, я пришел. Я хотел бы распространиться у вас в газете». Такого слова не выдумаешь. Только он и мог так сказать.

¹ «Нашему юношеству».

Я растерялся. Как это можно «распространиться» в газете? Но он уже сидел у меня на столе, поэтому разговор на обычных началах продолжаться не мог. Теперь я признаюсь честно, что я вообще тогда не пытался способствовать «распространению» Маяковского в газете. Я представлял себе, что он будет работать у нас в Литературном отделе, но через неделю он уже так «распространился», что речь шла о том, какое место я буду занимать в газете, а не Маяковский. Он печатался везде, за исключением «Литературной страницы»¹.

Площадь Революции. На ступенях выхода с улицы 25 Октября

При следовании по нашему маршруту через проходной двор с улицы 25 Октября² вид на площадь Свердлова открывается внезапно. Вид этот прекрасен. Многоцветность не переходит в пестроту, благодаря строгому ритму в чередовании темных и светлых пятен. Движение огромного количества пешеходов по периферии площади, образуя кольцо, подчеркивает цельность ее архитектурного ансамбля. Беспреостанное движение автобусов, троллейбусов и легковых машин напоминает о том, что это центр Москвы. Красота пейзажа и обилие возникающих ассоциаций требуют глубоко эмоционального слова поэта:

Москва белокаменная,
Москва камнекрасная
всегда
была мне
мила и прекрасна³.

Маяковский знал Париж, Нью-Йорк, Берлин, Прагу, Варшаву, Ленинград, Киев, Тифлис, Одессу, т. е. красивейшие города мира. Ему было с чем сравнивать Москву. Он посетил более 60 советских и около 30 известных городов за границей.

В своих произведениях Маяковский называет 160 советских и более 90 буржуазных городов. Поэт 4 года жил в Ленинграде и девять раз побывал в Париже. Но,

¹ Архив Государственного Литературного музея.

² Стихотворение Маяковского «№ 17» представляет собою оборонное стихотворение о витрине магазина Оссовиахима в доме № 17 по Никольской улице. Достаточно упомянуть это стихотворение, проходя мимо указанного дома.

³ «Три тысячи и три сестры».

Поднимает площадь шум,
 экипажи движутся,
 я хожу,
 стишки пишу
 в записную книжицу.
 Мчат
 авто
 по улице,
 а не свалят наземь.
 Понимают
 умницы:
 человек—
 в экстазе.
 Сон видений
 и идей
 полон
 до крышки.
 Тут бы
 и у медведей
 выросли бы крылышки.
 И вот
 В какой-то
 грошовой столовой,
 когда
 докипело это,
 из зева
 до звезд
 взвывается слово
 золоторожденной кометой¹.

Москва—стимул творчества, источник образов и мастерская Маяковского. Поэтому так характерны для него такие сравнения и гиперболы, как, например, описание головного убора Вильсона в поэме «150 000 000»: «Цилиндрище на нем возвышается башней Сухаревой», метафора из поэмы «Люблю» о своей жизни до революции: «Меня Москва душила в объятиях кольцом своих бесконечных Садовых».

Москва — постоянный образ поэзии Маяковского, но интонации поэта менялись в зависимости от времени, когда создавались его стихи.

¹ «Письмо Кострову из Парижа о сущности любви».

Для раннего Маяковского, когда он писал о себе: «С небритой щели площадей стекая ненужной слезой, я, быть может, последний поэт», типично стихотворение «Театры».

Для революционной поры, когда, «рассыпав дома в пулеметном треске, город грохочет, город горит», типично обращение Маяковского к читателю и писателю:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов грядя!..
Мы разливом второго потопа
Перемоем миров города ¹.

Довольно грошевых истин.
Из сердца старое вытри
Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты! ²

Ко времени, когда наша страна переходит к хозяйственному строительству, относится такой образ Москвы будущего, ставший для нас уже реальностью:

Москва.
Это, я вам доложу — зрелище. Дома.
Дома необыкновенных величин и красот.
Помните,
дом Нирензее
стоял,
над лачугами крышцу взвевая,
Так вот:
теперь
под гигантами
грибочком
эта самая крыша Нирензеева» ³.

¹ «Наш марш».

² «Приказ по армии искусства».

³ «Пятый Интернационал».

И дальше поэт пишет:

«Улицы циркулем выведены. Электричество ожерельями выложило бульжник. Диадемами горит в театральных лбах. Горящим адрес-календарем пропечатывают ночь рекламы и вывески. Из каждой трубы — домовей, парходной, фабричной — дым. Работа. Это Москва 940—950 года во всем своем великолепии»¹.

В последнем периоде своего творчества Маяковский особенно много говорит о Москве. Здесь и стихи, целиком посвященные Москве, как, например, «Две Москвы» (1926 г.) и «Автобусом по Москве» (1927 г.), и многочисленные образы Москвы в стихах на другие темы:

Люблю Кузнецкий,
 (простите грешного!)
 Потом Петровку,
 потом Столешников;
 по ним
 в голу
 раз сто или двести я
 хожу из «Известий»
 и в «Известия»².

Таких упоминаний пейзажей Москвы у Маяковского без конца:

Шла дорога милого
 через Доргомилово³.

На Четвертых Лихоборах
 не порядков —
 целый ворох⁴.

Часто Маяковский, чтобы обострить восприятие настоящего, сталкивает прошлое и будущее. Пример этого — стихотворение «Две Москвы»:

Когда автобус,
 пыль развеяв,
 прет
 меж часовен восковых,

¹ «Пятый Интернационал».

² «Стабилизация быта».

³ «Лев Толстой и Ваня Дылдин».

⁴ «Мои прогулки сквозь улицы и переулки».

Дом —
теперь:
огня игра,
Подходи хоть ночью ты!
Тут
тебе
телеграф —
сбоку почты
.....
Вечером
и поутру,
с трубами
и без труб
подымал
невозможный труд
улиц
разрушенных
труп.
Под скромностью
ложной
радость не тая,
ору
с победителями
голода и тьмы:
— Это —
я!
Это —
мы! — 1.

Это же чувство гордости звучит в словах Маяковского, когда он обращается к трудящимся других стран в стихотворении «МЮД»:

Смотрите,
какая Москва,
французы,
немцы,
голландцы,

1 «Автобусом по Москве».

И нас чтоб
 пускали к вам, —
 но чтоб не просить
 и не кланяться.

Необходимо также вспомнить стихи Маяковского о связях Москвы со всей Советской страной. Поэт, говоря о Москве, писал и о бурном росте столиц всех советских республик, и об отсутствии противоречий между Москвой и так наз. провинцией, между Москвой и советской деревней.

*Рядом со станцией
 метро «Площадь
 Революции»*

Еще важнее узнать, с какой полнотой ассоциаций с Маяковским мы можем воспринять площади, улицы, крупные здания центра Москвы. Естественнее всего познакомиться с этим на примере Большого театра, который находится сейчас прямо перед нами.

Здесь 22 января 1924 г. Маяковский присутствовал на заседании XI Всероссийского съезда Советов, когда М. И. Калинин сообщил съезду о смерти В. И. Ленина, последовавшей накануне.

Здесь 21 января 1930 г. на траурном вечере памяти В. И. Ленина Маяковский выступал с последней частью своей поэмы «Владимир Ильич Ленин». В зале присутствовали члены Политбюро, товарищ Сталин. Выступление поэта произвело на присутствующих большое впечатление. Товарищ Сталин аплодировал Маяковскому. Это было одним из значительнейших событий в жизни поэта.

В зале Большого театра происходят первые события, описанные в третьей, траурной, части поэмы о Ленине, которую автор читал здесь в 1930 г. Это как раз тот самый момент, свидетелем которого был Маяковский. О нем рассказывает поэт, когда, после характеристики силы воли большевиков, пишет:

Кресло за креслом,
 ряд в ряд
 эта сталь,
 железо это
 вваливалось

во мне
 минута
 эта вот самая.
 Я счастлив,
 что я
 этой силы частица,
 что общие
 даже слезы из глаз.
 Сильнее
 и чище
 нельзя причаститься
 великому чувству
 по имени —
 класс!
 Знаменны:
 снова
 склоняются крылья,
 чтоб завтра
 опять
 подняться в бой —
 «Мы сами, родимый, закрыли
 орлиные очи твои¹.

После митинга его участники проходят перед телом Ленина, прощаясь со своим вождем. Стрелка на черном циферблате кремлевских часов подходит к моменту салюта:

Только б не упасть,
 к плечу плечо,
 флаги вычернив
 и веками алая,
 на последнее
 прощанье с Ильичем
 шли
 и медлили у мавзолея...

 Пройдут
 и наверх
 смотрят с опаской,

¹ «Владимир Ильич Ленин».

вверх
 вздымается
 страшным рывком.
 С этого знамени,
 с каждой складки
 снова
 живой
 вызывает Ленин:
 —Пролетарии,
 стройтесь!
 к последней схватке!
 Рабы,
 разгибайте
 спины и колени!

Массовые народные демонстрации и процессии на Красной площади — революционная традиция Советской страны.

1 Мая и 7 Ноября мы празднуем многомиллионными демонстрациями. Поэт миллионов, который писал о себе: «В бою славлю миллионы, вижу миллионы, миллионы пою», любил общение с гигантским коллективом Москвы и всегда был в эти дни здесь:

На девять
 сюда
 октябрей и маев,
 под красными
 флагами
 праздничных шествий,
 носил,
 с миллионами,
 сердце мое,
 уверен
 и весел,
 горд
 и торжествен¹.

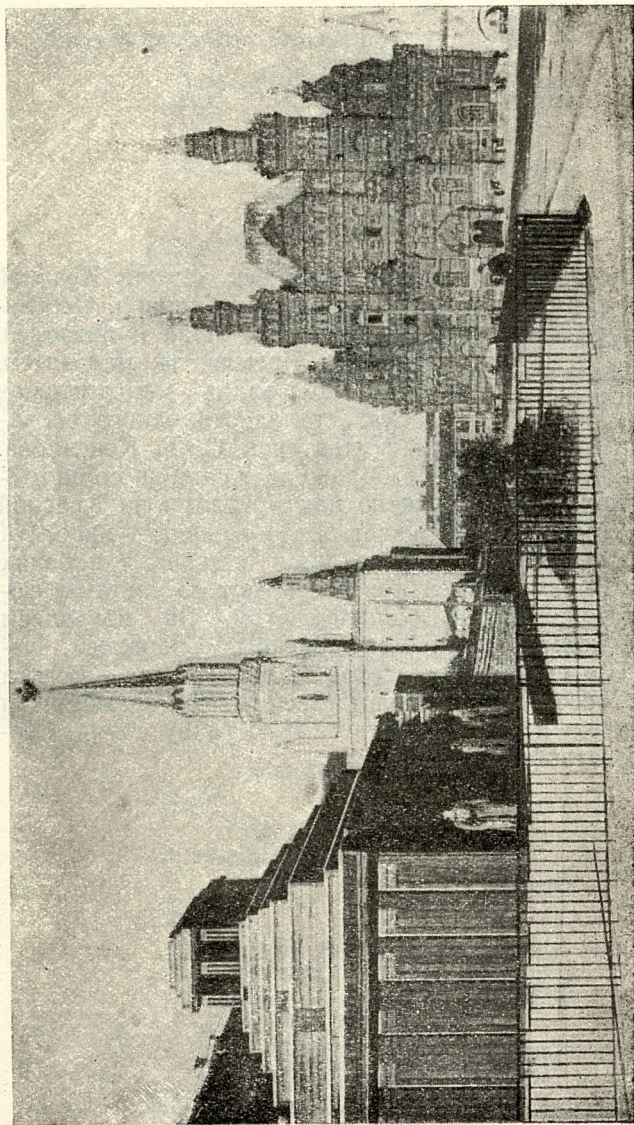
¹ «Хорошо!», гл. 18.

У Лобного места

Красная площадь полна образов демонстраций и парадов, проявления народного торжества и народного траура. Великолепа Красная площадь и в часы затишья на ней. Поэт часто приходит сюда один ночью. Из-за здания Совнаркома и ВЦИК'а (в Кремле) выползает луна. Она освещает зубцы кремлевской стены, затем луч света вырывается на площадь, и вот лунная дорожка ведет нас к Лобному месту. Историческое прошлое Москвы и России Маяковский дает в одном образе:

Я
 здесь
 бывал
 в барабанах стучащих
 и в мертвом
 ходе
 слез и льдин,
 а чаще еще —
 просто
 один...

 Ночь —
 и на головы нам
 луна.
 Она
 идет
 оттуда откуда-то...
 оттуда,
 где
 Совнарком и ЦИК,
 Кремля
 кусок
 от ночи откутав,
 переползает
 через зубцы.
 Выползает
 на гладкий валун,
 на секунду
 склоняет
 голову,

Красная площадь и мавзолей В. И. Ленина
Фотография 1926 г.
Из фотосетки Государственного Литературного музея

и вновь
 голова-лунь
 уносится
 с камня
 голого
 Место лобное —
 для голов
 ужасно неудобное ¹.

Взгляд поэта охватывает теперь всю картину Красной площади, такую своеобразную в лунном сиянии. Особенно выразительны сейчас Кремлевская стена и мавзолей.

*У мавзолея
 Ленина*

На стене Кремля, за мавзолеем, отчетливо видна мемориальная доска. Это работа одного из замечательнейших русских скульпторов С. Т. Коненкова. На мемориальной доске изображена женщина со знаменем в руках. Знамя опущено над могилами на Красной площади. Мавзолей вызывает образ Ленина — идеолога и вождя, чья жизнь продолжается в делах и победах Сталина. Тени мавзолея контрастируют со светлым фоном мостовой, залитой лунным светом. За мавзолеем земляные холмы могил Дзержинского, Свердлова, Калинина. Правее, между стеной и трибунами, — могила Войкова, обозначенная золотыми буквами фамилии и дат рождения и смерти. Читаем 18-ю главу поэмы «Хорошо!» со строфы:

И лунным
 пламенем
 озарена мне
 площадь
 в сияньи,
 в яви
 виденной...
 Стена —
 и женщина со знаменем
 склонилась
 над теми,
 кто лег под стеной».

¹ «Хорошо», гл. 18.

Кончаем отрывок словами:

«Тише, товарищи, спите...
Ваша
 подросток-страна
с каждой
 весной
 ослепительней
крепнет,
 сильна и стройна».

Проезд Исторического музея

Широкий пейзаж центра Москвы справа ограничен зданием гостиницы «Москва» и домом Совета Министров Союза ССР, слева — домом американского посольства. В центре пейзажа, за гостиницей «Националь», — перспектива улицы Горького с ее новыми домами: зданием телеграфа и Моссовета — вдали. В заключительной — 19-й — главе поэмы «Хорошо!» дан «радостный проход поэта и каждого гражданина Советской Республики по улицам Москвы». Москва Маяковского ушла в прошлое. В 1927 г. в этом месте была довольно узкая улица, мало интересная по архитектурному оформлению. Маяковскому виделась улица Москвы будущего, та, которая представляется нашим взорам сейчас:

Вьется
 улица-змея.
Дома
 вдоль змеи.
Улица —
 моя.
Дома —
 мои.
Окна
 разинув,
стоят
 магазины...
.....
Грудью
 у витринных
 книжных груд,

Моя
 фамилия
 в поэтической рубрике.
 Радуюсь я —
 это
 мой труд
 вливается
 в труд
 моей республики¹.

Маяковский выходит на площадь, которая перед нами. После движения по узкой улице наша площадь широко раздвигает горизонт и открывает небо.

Надо мною
 небо
 синий шелк.
 Никогда
 не было
 Так хорошо!
 Тучи-
 кочки
 переплыли летчики.
 Это
 летчики мои.
 Встал,
 словно дерево, я.
 Всыпят,
 как пойдут в бой,
 по число
 по первое...
 Лезут? }
 Хорошо.
 Сотрем
 в порошок!²

Поэт-патриот в наше время, конечно, и поэт-воин. Тема патриотическая естественно сливается у Маяковского

¹ «Хорошо», гл. 19.

² Там же.

ВЫВОДЫ

1. Тема Москвы у Маяковского — тема патриотическая и обобщенная.

2. Образы Москвы чрезвычайно многогранны. Тут и революционное прошлое. Тут и Москва будущего. Но над всем этим доминирует Москва, современная Маяковскому, Москва — любимая столица социалистического отечества, идейный центр всего прогрессивного человечества.

3. Тема Москвы у Маяковского — одна из тех, которые наиболее ярко обнаруживают, как новые явления нашей жизни и психологии советского человека создают новые формы для своего выражения в искусстве.

4. Стихи Маяковского — пример того, что создает народ, который начал воплощать идеи социализма «в пароходы, в строчки и другие долгие дела» — в здания, улицы, площади, города.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН ¹

- Аввакум (Петров), протопоп
1620/21 — 1682. — 218
- Аксаков И. С. 1823 — 1886. — 92
- Аксаков К. С. 1817 — 1860. — 108,
109
- Аксаков С. Т. 1791 — 1859. — 90,
92, 97
- Александр II, император. 1818 —
1881. — 238
- Александр III, император. 1845 —
1895. — 170
- Алмазов Б. Н. 1827 — 1876. — 138
- Андреев Л. Н. 1871 — 1919. — 181
- Андреев Н. А. 1873 — 1932. — 74,
98, 99, 100, 154
- Андреев-Бурлак В. Н. 1851 —
1888. — 172
- Андроникошвили И. Л. (Андрон-
ников). 1908. — 69
- Анненков П. В. 1813 — 1887. — 91
126, 128
- Анненкова (Бухарина) В. Н.
1812 — 1902. — 81
- Апраксин гр. С. С., домовладе-
лец в Москве. — 97
- Аренский А. С. 1861 — 1906. — 172
- Арнаутов И. А., домовладелец
в Москве. — 163
- Арнольди Л. И. — 88
- Арсеньева Е. А. 1773 — 1845. — 62,
67, 69, 82
- Астракова Т. А. 1814 — 1892. — 128
- Афанасьев Д. Н. — 73
- Байрон Д.-Г. 1788 — 1824. — 68
- Бакунин М. А. 1814 — 1876. — 108,
109
- Баратынский Е. А. 1800 — 1844. —
44, 51, 71
- Барсов Е. М. — 25
- Барсуков Н. П. 1838 — 1906. — 83
- Батюшков К. Н. 1787 — 1805. — 90
- Бауман Н. Э. 1873 — 1905. — 241,
242
- Бах. — 54
- Бахметев. — 81
- Бахметева С. А. — 64
- Бегичев Д. Н. 1786 — 1855. — 116
- Бегичев С. Н. 1785 — 1853. — 116
- Беккер Л. — 111
- Белинский В. Г. 1811 — 1848. —
59, 60, 75, 84, 86, 86, 100, 102,
108, 109, 112, 131.
- Белосельский-Белозерский, кн.
А. М. — 41
- Белоусов И. А. 1863 — 1930. — 174
- Белый А. (Бугаев Б. Н.). 1880 —
1934. — 174
- Бельчиксв Н. Ф. — 96
- Беляев М. Д. — 155
- Бенкендорф, гр. А. Х. — 1783 —
1844. — 41, 74
- Берг Н. В. 1823 — 1884. — 92
- Бибииков И. Г. — 113
- Бибииков, полковник. — 41
- Бланк К. И. 1728 — 1793. — 97
- Боборыкин П. Д. 1836 — 1921. —
92, 174
- Бове О. И. 1784 — 1834. — 79
- Богомолов („Чорт“). — 234, 235
- Бодянский О. М. 1808. — 90
- Боклевский П. М. 1816 — 1897. —
145
- Бонстеттен. — 67
- Браз О. Э. 1874 — 1936. — 194
- Брандуков А. А. 1858 — 1930. —
172
- Бродский Н. Л. 1881. — 8, 71, 75.
- Бриханенко, — 252

¹ Составил В. И. Вольпин

- Булгаков А. Я. 1781—1863. — 51
 Булгарин Ф. В. 1789—1859. — 76
 Бунин И. А. 1870. — 174, 192
 Бурджалов Г. С. 1869—1924. — 228
 Бухгольц, бар. — 229
 Бушо, гувернер А. И. Герцена. — 123
 Вандраг, владелец модного магазина в Москве. — 148
 Варгин, домовладелец в Москве. — 79
 Веневитинов Д. В. 1805—1827. — 42, 44
 Верещагина А. М. — 63
 Веселовский А. Н. 1838—1906. — 201
 Вильсон Вудро. 1856—1924. — 265, 272
 Вимпфен П. Ф. — 169
 Виндон, гувернер М. Ю. Лермонтова. — 68
 Висковатов П. А. 1842—1905. — 69, 68
 Вистенгоф П. Ф. — 84, 86
 Витали И. П. 1794—1855. — 114
 Вишневский (Вишневецкий) А. Л. 1861—1943. — 192, 204, 228,
 Владимиров, домовладелец в Москве. — 191
 Воейкова П. — 63
 Войков П. Л. 1888—1927. — 286
 Волконская, кн. (Белосельская-Белозерская) З. А. 1792—1862. — 41, 48
 Волконская кн. (Раевская) М. Н. 1806—1863. — 46
 Волконский, кн. С. Г. 1788—1865. — 46
 Волнухин С. М. 1859—1921. — 10, 11
 Вольтер Ф.-М.-А. 1694—1778. — 41
 Врубель М. А. 1856—1910. — 9
 Всеволожский Н. В. 1799—1862. — 113
 Выговский В. ум. 1718. — 14
 Вяземский, кн. А. Н. 1804. — 113
 Вяземский кн. П. А. 1792—1878. — 39, 42, 112
 Гаврилов И. Е., купец. — 178
 Гаецкая, домовладелица в Москве. — 200, 203
 Гаршин В. М. 1855—1888. — 174, 187
 Ге Н. Н. 1831—1894. — 172
 Гебель Ф.-К. 1787—1843. — 104
 Гейне Г. 1797—1856. — 213
 Герцен А. И. (Искандер). 1812—1870. — 50, 51, 58, 59, 65, 66, 74—77, 97, 102, 104, 106, 110, 112, 113, 115, 117, 120—124, 126—131
 Герцен Н. А., дочь писателя. 1843. — 129
 Герцен Н. А., сын писателя. 1843—1851. 129
 Герцен (Захарьина) Н. А., жена писателя. 1817—1852. — 128, 129
 Гершензон М. О. 1869—1925. — 39
 Герье В. И. 1837—1919. — 178
 Гиляровский В. А. 1853—1935. — 187, 202, 207
 Гоголь Н. В. 1809—1852. — 83—101, 102, 108, 135, 139, 154
 Годунов Борис, царь. 1558—1605. — 14
 Голденвейзер А. Б. — 172
 Гончарова Н. Н. (Пушкина). — 1812—1863. — 31, 50, 51
 Горбунов И. Ф. 1831—1896. — 138, 172, 174
 Горбунов-Посадов И. И. 1864. — 158
 Горчаков, домовладелец в Москве. — 230
 Горчакова, кн., домовладелица в Москве. — 108
 Горький М. (Пешков А. М.). 1868—1936. — 174, 181, 192, 202, 210—249
 Грабовский. — 172
 Грановский Т. Н. 1813—1855. — 97, 106, 110, 128
 Греч Н. И. 1787—1867. — 76
 Гржимали И. В. 1844—1915. — 172
 Грибоедов А. С. 1795—1829. — 39, 52, 116, 135, 139, 154, 179
 Григорович Д. В. 1822—1900. — 174, 184, 186
 Григорьев. 51, 114

- Григорьев А. А. 1822—1864. — 136, 139
 Грот Я. К. 1812—1893. — 19
 Гусев Н. Н. — 158
 Давид, царь иудейский, ум. 950 до н. э. — 15
 Даву кн. Экмюльский, герцог Ауэрштедский, маршал Франции. 1770—1823. — 161
 Давыдов. — 63
 Давыдов В. В. — 193
 Даль В. И. (Казак Луганский) 1801—1872. — 258
 Данилевский Г. П. 1829—1900. — 91, 92, 93
 Данте Алигьери. 1265—1321. — 218
 Деникин А. И. 1872. — 359
 Державин Г. Р. 1743—1816. — 19, 71
 Десницкий В. А. 1878. — 233
 Дзержинский Ф. Э. 1877—1926. — 286
 Дибич-Забалканский, бар. И. И. 1785—1831. — 74
 Дмитриев И. И. 1760—1837. — 2)
 Дмитриев-Мамонов, гр. М. А., домовладелец в Москве. — 35
 Добролюбов Н. А. 1836—1861. — 110, 112, 132
 Достоевский Ф. М. 1821—1881. — 144
 Дрожжин С. Д. 1848—1933. — 174
 Дюканж В.-Г.-И. 1783—1833. — 80, 173
 Джосис Ж.-Ф. 1733—1816. — 8)
 Екатерина I, императрица. 1688—1727. — 20
 Ергольская Т. А. 1792—1874. — 158
 Ермолова М. Н. 1853—1928. — 248
 Жакоб, мебельный мастер. 172
 Жандро Ж.-П.-К., губернатор М. Ю. Лермонтова. — 68
 Жемчужников А. М. 1821—1908. — 174
 Жилярди Д. И. — 74, 85, 114
 Жиро, бр., фабриканты. — 159
 Жуковский В. А. 1783—1852. — 44, 72
 Зайцев, содержатель винного погребка. — 134
 Закревский А. Д. 1813. — 75, 96
 Земенков Б. С. — 14, 65, 72, 185, 189, 204
 Зилоти А. И. 1863. — 172
 Зиновьев А. З. 1801—1884. — 59, 66, 67, 72
 Златовратский Н. Н. 1845—1911. — 174
 Зунделович, содержатель столовой. — 257
 Иван IV (Иоанн Грозный), царь. 1530—1584. — 10
 Иванова Н. Ф. 1814—1875. — 69
 Игумнов К. Н. 1873—1948. — 172, 264
 Измайлов А. А. (Смоленский). 1873—1921. — 180, 181
 Ильинский Иван. Ум. 1737. — 16
 Ипполитов-Иванов М. М. 1859—1935. — 172
 Иогель П. А. 1768—1855. — 50, 64
 Казаков М. Ф. 1738—1813. — 51, 74, 78
 Калинин М. И. 1875—1946. — 278, 286
 Кантемир, кн. А. Д. 1708—1744. — 15, 16
 Капе И. Ум. 1828. — 68
 Карамзин Н. М. 1766—1826. — 29, 117
 Каратыгин В. А. 1802—1853. — 80
 Карл XII, шведский король. 1682—1718. — 15
 Карнович Н. А. — 158
 Кассиль Л. А. — 266, 267
 Катанян В. А. — 268
 Катков М. Н. 1818—1887. — 108
 Катык, домовладелец в Москве. — 206, 208
 Качалов В. И. 1875. — 224, 227, 228
 Кашкин Н. Д. 1839—1920. — 172
 Кваренги Д. 1744—1817. — 25
 Квинтиллиан. ок. 35 г. до н. э. — 67
 Киселев, Н. фотограф. — 107
 Клименков, домовладелец в Москве, — 184

- Ключевский В. О. 1811—1911.— 248
 Ключников И. П. 1811—1895.— 108
 Книппер-Чехова О. Л. 1870.—200 206, 223, 224, 227—229
 Козлов И. И. 1779—1840.—71
 Козлов Н. Т., слуга А. С. Пушкина.—36
 Козловский, кн. О. Э., домовладелец в Москве.—108
 Кологривова П. Ю.—49, 50
 Кольцов А. В. 1809—1842.—110
 Коненков С. Т.—285
 Коноплин, домовладелец в Москве.—250
 Конь Федор.—103
 Копиев А.—19
 Корнеев А. Я., домовладелец в Москве.—179, 185, 187, 188, 191
 Коровин, домовладелец в Москве.—200—202
 Короленко В. Г. 1853—1921.—216
 Корш М. Ф. 1808—1883.—128
 Корш Ф. А. 1852—1921.—187, 193, 204
 Костомарова Е. Я., домовладелица в Москве.—63
 Костров.—272
 Красов В. И. 1810—1855.—108
 Критский В. 1810—1831.—75
 Критский М. 1809—1835.—75
 Критский П.—75
 Кропоткин, кн. П. А. 1842—1921.—116, 119, 120
 Круглов А. Г., домовладелец в Москве.—158
 Крупская Н. К. 1869—1939.—264
 Крюков М. Ф., л. кей гр. С. А. Толстой.—168
 Крылов И. А. 1768—1844.—44
 Кузнецова М. Г., горничная гр. С. А. Толстой.—171
 Куракина, кн. домовладелица в Москве.—254
 Лаврецкий.—54
 Лаверт, гр. Е. Е.—104
 Лаптева С., домовладелица в Москве.—107, 109, 110, 112, 120
 Лаухина В. М., домовладелица в Москве.—63, 65
 Левитан И. И. 1861—1900.—185 192
 Лейкин Н. А. 1841—1906.—186
 Лемке М. К. 1872—1923.—124
 Ленин В. И. (Ульянов). 1870—1924.—113, 124, 160, 166, 218, 226, 234, 236—240, 242, 246, 249, 258, 264, 278, 280, 281, 233, 285, 286
 Лепешинская Ю. Н.—231
 Лерма Георг, ум. 1633 (или 1634)—70
 Лермонтов М. Ю. 1814—1841.—6, 31, 56—64, 66—82, 102
 Лермонтов Ю. П. 1787—1831.—69
 Лесков Н. С. 1835—1895.—174, 186
 Ломоносов В. Д.—16
 Ломоносов М. В. 1711—1765.—15, 16, 23—28
 Лопатин.—172
 Лопухин А. А. 1813.—70
 Лопухина (Бахметева) В. А. 1814—1851.—70, 81
 Лопухина М. А.—62, 70
 Лужский (Калужский) В. В. 1806—1931.—228
 Лукулл (конец II и начало I в. до н. э.).—113
 Лунин П. М., домовладелец в Москве.—85
 Людовик XVI, французский король. 1754—1793.—126
 Лясота.—172
 Майков А. Н. 1821—1897.—174
 Максимов С. В. 1831—1901.—138
 Максимович М. А. 1804—1873.—83
 Малов М. Я. 1790—1849.—76
 Мамонтов.—260
 Мартос И. П. 1752—1835.—17
 Маршак С. Я. 1837.—8
 Маслов И. И. 1817—1891.—104
 Маурер Л. 1789—1878.—72
 Маяковский В. В. 1893—1930.—7, 250—290
 Медведев Сильвестр. 1641 | 1691.—14

- Мей Л. А. 1822 — 1862. — 133
Мей Медея. — 172
Мельников-Печерский П. И.
1818 — 1883. — 138
Мендельсон Н. М. 1872—1934.—
136
Меньшиков М. О. 1859—1919.—
192
Мерзляков А. Ф. 1778—1830.—67
Меркуров С. Д. 1881.— 26, 27,
156, 157
Мечников И. И. 1845—1916.—264
Мещериновы Е. П. и П. А.— 63
Минин (Захарьев-Сухорукий)
К. М. 15... — 1616. — 17
Мироновский. — 12
Михайловский Н. К. 1842 —
1904. — 174
Мишкевич Адам. 1798—1857.—45
Морозов С. Т. 1862—1905. — 222
Москвин И. М. 1874—1946—100,
224, 227, 228
Мочалов П. С. 1800—1848. — 79,
80, 135
Мстиславец Петр. — 10
Муравьева А. Г., ум. 1832. — 46
Муромцева (Климентова) М. Н.
1856. — 172
Наполеон I Бонапарт, француз-
ский император. 1769—1821.—
30, 59, 161
Нащокин П. В. 1800 — 1854.—35
Нежданов Е. — 267
Некрасов Н. А. 1821—1877.—155
Немирович-Данченко Вл. И.
1858—1943,—203, 224, 227, 230
Неминов А. Б. — 151
Нерадовский П. И. — 172
Николай I, император. 1796 —
1855.—33, 35, 38, 74, 76, 124
Нирензее, московский домовла-
делец. — 273
Новиков Н. И. 1744 — 1818.—24
Оболонский Н. Н. — 195, 198
Огарев Н. П. 1813 — 1877. — 74,
106, 112, 123, 124, 129, 130, 131
Оленина-Д'Альгейм М. А. — 172
Опекушин А. М. 1841—1923.—54
Опитц, фотограф. — 194, 195
Орлов А. Ф. 1786 — 1861. — 96
Орлов М. Ф. 1788 — 1842. — 112,
113
Орлова Е. Н. 1797 — 1885. — 112
Осипов Н. П. 1751 — 1799. — 18
Островский А. Н. 1823—1886.—
7, 132 — 155, 174
Островский Н. А. 1904—1933.—
41
Островский Н. Ф. — 133
Остроумов А. А. — 198
Пабст П. А. 1854 — 1897. — 172
Павлов Д. — 233, 234
Павлов М. Г. 1793—1840.—71, 77
Павлов Н. Ф. 1805 — 1864. — 81
Павлова (Яниш) К. К. 1807 —
1893. — 81
Пассек (Кучин) Т, П. 1810 —
1889. — 50, 51, 121 — 123
Пашков С. И. 1801 — 1883.—117
Пекарский П. П. 1828—1872.—16
Перетц В. Н. 1870.— 20
Пестель П. И. 1793 — 1826. — 75
Петр I, император. 1672—1725.—
12, 15, 16, 19, 22, 23, 116
Петров П. И. — 81
Печкин, содержатель кофейни. —
134
Писемский А. Ф. 1820 — 1881. —
138, 144, 150
Плевицкая Н. В. — 172
Плетнев П. А. 1792 — 1866. —
93, 94
Плещеев А. Н. 1825—1893.—186,
195
Победоносцев П. В. 1771—1843.—
79
Погодин Д. М. — 90
Погодин М. П. 1800—1875. — 44,
81, 83, 138
Пожарский, кн. Д. М. 1578 —
1641. — 17
Полевой К. А. 1802—1867. — 45
Полевой Н. А. 1796 — 1816.—80
Полежаев А. И. 1805—1838.—75
Поливанов Н. И. 1814.—69, 75—
77
Полонский Я. П. 1819 — 1893. —
174
Полоцкий С. Е. 1629—1680.—14
Померанцев — 172
Попов Е. И. — 169

- Попова А., экономка в доме гр. С. А. Толстой. — 173
 Поповский. — 24, 25
 Поссе В. А. 1834. — 216, 217
 Потехин А. А. 1829—1908. — 138
 Почека Я. И. — 104
 Протопопов, учитель А. И. Герцена. — 123
 Путьга Н. В. 1802 — 1877. — 38
 Пушкин А. С. 1799 — 1837. — 6, 29—48, 50 — 55, 68, 71, 73, 97, 102, 112, 120, 125, 152, 155, 220
 Пушкин В. Л. 1767 — 1837. — 32
 Раевский Н. Н. 1801—1843—45
 Разумовский, гр. Л. К., домовладелец в Москве. — 34
 Раич (Амфитеатров) С. Е. 1792—1855. — 71
 Раймов, домовладелец в Москве. — 254
 Рамазанов Н. А. 1818 — 1867. — 138
 Рахманинов С. В. 1872—1943. — 172
 Редер, сестры. — 172
 Рейхель А. 1817 — 1876. — 127
 Рейхель (Эрн) М. К. 1823 — 1916. — 128, 130
 Репин И. Е. 1844 — 1930. — 156, 172
 Решетников. — 172
 Римская-Корсакова М. И., ок. 1764 — 1833. — 38 — 40, 49
 Римский-Корсаков Г. А. ум. 1852. — 40
 Римский-Корсаков Н. А. 1844. — 1908. — 172
 Римский-Корсаков П. И. — 48 — 50
 Римская-Корсакова (кн. Вяземская) А. А., ум. 1860. — 40
 Риччи, гр. (Лунина) Е. П. 1787 — 1886. — 85
 Ровинский Д. А. 1824. — 20, 22
 Розен. — 81
 Розенберг К. Б. — 230
 Ростопчин, гр. Ф. В. 1763—1826. — 124
 Ростопчина, гр., домовладелица в Москве. — 124
 Ростопчина, гр. (Сушкова) Е. П. 1811 — 1858. — 64
 Рубинштейн А. Г. 1829 — 1894. — 172
 Рубинштейн Н. Г. 1835 — 1881. — 1:8
 Румянцев, служащий в доме гр. С. А. Толстой. — 162
 Румянцев, гр. А. П., домовладелец в Москве. — 121
 Рыжий Николка, гитарист — 138.
 Рылеев К. Ф. 1795 — 1823. — 73, 75
 Сабашников М. В. — 39
 Савицкая М. Г. 1839 — 1911. — 124
 Савицкий, домовладелец в Москве. — 183, 184
 Садовский П. М. старший, 1813 — 1872. — 92, 138
 Сазонов Н. И. 1813 — 1863. — 129
 Самарин, домовладелец в Москве. — 194
 Самарин Ю. Ф. 1819 — 1876. — 81
 Санковский П. С., ок. 1798 — 1832. — 24
 Сафонов В. И. 1852 — 1918. — 172
 Свербеев Д. Н. 1799 — 1874 — 50, 130
 Свердлов Я. М. 1885 — 1919. — 286
 Семенов С. Т. 1868 — 1923. — 174
 Семенова-Гагарина, кн. Е. С. 1786 — 1849. — 120
 Сен-Симон, Анри де-Ревруа, гр. 1760 — 1825. — 129
 Сергеевко П. А. 1854 — 1930. — 169, 172, 174, 199
 Сергий, архиерей. — 179
 Серов В. А. 1865 — 1911. — 172
 Сидорков И. В., Лакей гр. С. А. Толстой. — 168, 173
 Скаретка И. П. — 129
 Скирмунт С. А. Ум. 1932. — 231
 Скрябин А. Н. 1871 — 1915. — 1 2
 Смирдин А. Ф. 1795 — 1857. — 90
 Смирнов Н. М. 1808 — 1870. — 88
 Смоленский С. — 172
 Собинов Л. В. 1872 — 1936. — 264
 Соболев, приказчик. — 138

- Соболевский С. А. 1803 — 1870. — 45
- Соколовский В. И. 1808 — 1839. — 129
- Соловцов (Федоров) Н. Н. ум. 1902. — 187
- Соловьев Вл. С. 1853 — 1900. — 174
- Сперанский М. Н. 1863. — 26
- Сталин И. В. 1879. — 236, 239, 249, 278
- Станиславский (Алексеев) К. С. 1863 — 1938. — 192, 203, 228
- Станкевич Н. В. 1813 — 1840. — 104, 106, 112, 120
- Стахеев, домовладелец в Москве. — 254
- Столыпин А. Д. — 63
- Столыпин Д. А. ум. 1826. — 63
- Столыпина Е. А. — 63
- Страхов Ф. А. — 157
- Ступин, владелец мебельного склада. — 166
- Суворин А. С. 1834 — 1912. — 189, 194, 195, 198
- Суворова М. горничная в доме гр. С. А. Толстой. — 171
- Суколенова А. С., няня в доме гр. С. А. Толстой. — 170
- Сулержицкий Л. А. 1872 — 1916. — 192
- Сумароков А. П. 1718 — 1777. — 26
- Сунгуров Н. П. 1805. — 75
- Сушков Н. В. 1796. — 1871. — 71
- Сушкова Е. П. см. Ростопчина, гр. Е. П.
- Сушкова Ек. 1812. — 63
- Талызин, домовладелец в Москве. — 83
- Телешов Н. Д. 1867. — 174, 208, 227, 233,
- Тимирязев К. А. 1843 — 1920. — 264
- Тимковский Н. И. 1863 — 1922. — 174
- Толочанов К. Д., крепостной крестьянин. — 123
- Толстая, гр. А. И. — 119
- Толстая, гр. А. Л. 1884. — 166, 168, 170
- Толстая, гр. М. Л. — 164, 168, 170, 175
- Толстая, гр. М. Н. 1830 — 1912. — 157
- Толстая, гр. С. А. 1844 — 1919. — 162 — 164, 166 — 170, 172, 174, 175, 213
- Толстая, гр. Т. Л. (Сухотина). 1834. — 164, 166, 168, 171 — 173
- Толстой, гр. А. Л. — 164, 168, 170, 171
- Толстой, гр. А. Л., сын писателя. 1877 — 1916. — 164
- Толстой, гр. А. П. — 83, 88, 93, 94.
- Толстой, гр. Д. П. — 157
- Толстой, гр. Илья Л. 1766. — 164, 167
- Толстой, гр. Иван Л. 1866 — 1896. — 163, 168, 170
- Толстой, гр. Л. Л. 1869. — 164 — 166, 168
- Толстой, гр. Л. Н. 1828 — 1910. — 119, 156 — 176, 192, 198, 213, 215 — 220, 248, 274
- Толстой, гр. М. Л. 1879 — 1945. — 164, 168, 170, 171
- Толстой, гр. Н. И. — 157
- Толстой, гр. Н. Н. 1823 — 1860. — 157
- Толстой, гр. С. Л. 1863 — 1948. — 164, 166, 168
- Толстой, гр. С. Н. 1826 — 1904. — 157
- Толстой, гр. Ф. И. („американец“). 1782 — 1846. — 119
- Третьяковский В. К. 1703 — 1769. — 15, 16,
- Трифонов, домовладелец в Москве. — 250
- Тургенев И. С. 1818 — 1883. — 91 — 93, 96, 102, 104 — 106, 109, 110, 155
- Трубицын Н. Н. — 22
- Тучков А. А. — ок. 1879. — 113, 128
- Тютчев Ф. И. 1803 — 1873. — 220
- Урусов С. С. — 174
- Уткин И. П. 1903 — 1945. — 269
- Федор Алексеевич, царь, соправитель Петра 1662 — 1682.

- Федоров Иван, „Первопечатник“
ок. 1520 — 1583. — 10 — 12
- Фет (Шеншин) А. А. 1820 —
1832. — 104, 157, 184, 220
- Фигнер Н. Н. 1857 — 1919. — 172
- Филарет, митрополит. 1783 —
1867. — 51
- Филиппов Т. И. — 138
- Фирганг, домовладелец в Мо-
скве. — 188, 189
- Фонвизин Д. И. 1745 — 1792. —
24, 26, 139
- Фофанов К. М. 1862 — 1911. —
174
- Фурье Ф.-М.-Ш. 1772 — 1837. —
129
- Хомутова А. Г. 1784 — 1856. — 38
- Хомяков А. С. 1804 — 1860. — 90,
108, 136
- Хрущевы, домовладельцы в Мо-
скве. — 114, 122
- Цицерон Марк Туллий. 106 — 43
до н. э. — 67
- Чайковский П. И. 1840 — 1893. —
186
- Чернова Ф. И., домовладелица
в Москве. — 63, 68
- Чернышевский Н. Г. 1828 —
1889. — 110
- Чехов Ал-р П. 1855 — 1913. — 183
- Чехов Ант. П. 1870 — 1904. —
172, 174, 177 — 209, 216, 220 —
226, 229, 230
- Чехов И. П. 1863 — 1921. — 194
- Чехов М. П. 1865 — 1937. — 178,
179, 183, 185 — 188, 193
- Чехов Н. П. 1858 — 1889. — 193
- Чехова М. П. 1863. — 194
- Чичагов. — 153
- Чичерин Б. Н. 1828 — 1904. — 90
- Чулков Н. П. — 26, 108
- Шаликов, кн. П. И. 1768 — 1852. —
48
- Шалапин Ф. И. 1873 — 1938. —
172, 208, 240
- Шан-Гирей А. П. — 63, 78
- Шан-Гирей М. А. — 63, 66, 80
- Шан-Гирей П. П. — 63
- Шаховской, кн. А. А. 1777 —
1846. — 135
- Шаховской, кн. П. П., домовла-
делец в Москве. — 121
- Шварцман Д., фотограф. — 98, 99
- Шевырев С. П. 1806 — 1864. —
90, 92, 136
- Шейдлин П. — 22
- Шекспир В. 1564 — 1616. — 63,
80, 213
- Шеншин В. А. 1814 — 1873. —
75
- Шеншин Н. С. 1813 — 1835. — 75
- Шехтель Ф. О. 1859 — 1926. —
202, 222
- Шешков, домовладелец в Мо-
скве. — 191 — 193
- Шиллер И.-Х.-Ф. 1759 — 1805. —
79, 123
- Шкловский В. Б. 1893. — 226
- Шторм Г. — 26, 28
- Шувалов И. И. 1727 — 1797. — 71
- Шумский Н. В. 1821 — 1878. —
92, 93
- Щепкин М. С. 1788 — 1863. —
90 — 92, 97, 135
- Щепкина-Купе ник Т. Л. 1874. —
190, 206
- Эдельсон Е. Н. 1824 — 1868. — 138
- Эрденко М. Г. 1886. — 172
- Эртель А. И. 1855 — 1908. — 174
- Юденич Н. П. 1862. — 259
- Юнин (кн. Сумбатов) А. И.
1857 — 1927. — 192
- Яворская (кн. Барятинская) Л. Б.
1872 — 1921. — 206
- Яковлев А. А. („химик“), ум.
1868. — 50
- Яковлев А. А. 1762 — 1825. — 50
- Яковлев И. А. 1767 — 1846. — 120,
121, 130
- Яковлев Л. А. („сенатор“). 1763 —
1839. — 97, 130

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ

	<i>Стр.</i>
1. Памятник перьопечатнику Ивану Федорову. Скульптор С. М. Волнухин. С фотографии	11
2. Печатный двор. С фотографии	13
3. Повесть о Ерише Ершове сыне Щетинникове. Лубочная картинка XVIII в. Из фондов Государственного Литературного музея	21
4. Красная площадь у Воскресенских ворот. С акварели Д. Кваренги. Музей архитектуры. Москва	25
5. Памятник М. В. Ломоносову перед новым зданием Московского университета. Скульптор С. Д. Меркуров. Из фототеки Государственного Литературного музея	27
6. Тверская застава. С рисунка начала XIX в. Из фототеки Государственного Литературного музея	33
7. Страстная площадь. С литографии середины XIX в. Из фондов Государственного Литературного музея	37
8. З. А. Волконская. С акварели начала XIX в.	43
9. М. Н. Волконская. Жена декабриста С. Г. Волконского. С рисунка Н. М. Бестужева	47
10. Тверской бульвар. С литографии 20-х гг. XIX в. Из собрания Пушкинского музея. Москва	49
11. Открытие памятника А. С. Пушкину на Тверском бульваре. С гравюры на дереве	53
12. Кремль и Каменный мост. С картины неизвестного художника начала XIX в. (масло)	57
13. Красные ворота. Налево—дом, где родился М. Ю. Лермонтов. С литографии по рисунку Д. Струкова. Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина	61
14. Дом Лаухиной на Поварской ул. (на месте нынешнего дома № 24 по ул. Воровского). Восстановлен по чертежам Строительного архива Моссовета. С акварели Б. С. Земенкова. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы	65
15. Московский университетский благородный пансион на месте нынешнего здания Центрального телеграфа (угол ул. Горького и Огарева). Реконструкция. С акварели Б. С. Земенкова. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы	72
16. Московский университет. С гравюры 1825 г. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы	73

17. Дом № 7 по Никитскому бульвару, где жил и умер Н. В. Гоголь. Из фототеки Государственного Литературного музея 89
18. Барельеф на памятнике Н. В. Гоголю. Скульптор Н. А. Андреев. Фото Д. Шварцмана. Из фототеки Государственного Литературного музея 98
19. Барельеф на памятнике Н. В. Гоголю. Скульптор Н. А. Андреев. Фото Д. Шварцмана. Из фототеки Государственного Литературного музея 99
20. Дом Лаптевой в Б. Афанасьевском пер., № 8. Фото Н. Киселева. Из фототеки Государственного Литературного музея 107
21. Н. В. Станкевич. С акварели Л. Беккера. Из собрания Пушкинского музея. Москва 111
22. Фрагмент фасада деревянного дома по М. Власьевскому пер., № 5. Первая половина XIX в. Музей Академии архитектуры. Москва 119
23. Дом И. А. Яковлева по Б. Васильевскому пер., д. № 14. Из собрания Института литературы. Ленинград 121
24. А. И. Герцен. С рисунка А. Рейхеля. 1842. Из собрания Государственного Исторического музея. Москва 127
25. Дом № 9 по Голиковскому пер., в котором родился А. Н. Островский. Из фототеки Государственного Литературного музея 135
26. А. Н. Островский. Фотография 50-х годов. Из собрания Государственного театрального музея им. А. А. Бахрушина 137
27. Общий вид центрального Замоскворечья. Лубок середины XIX в. Из фондов Государственного Литературного музея 140
28. Самсон Сильч Большой — персонаж из пьесы Островского «Свои люди — сочтемся». По рисунку П. М. Боклевского. Из фондов Государственного Литературного музея 145
29. Вид Кремлевского (Александровского) сада. С литографии Чичагова. 1827 г. Из фондов Государственного Литературного музея 153
30. Памятник Л. Н. Толстому в сквере Девичьего поля. Скульптор С. Д. Меркуров. Из фототеки Государственного Литературного музея 157
31. Усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках со стороны улицы. Из фототеки Государственного Литературного музея 160
32. Усадьба Л. Н. Толстого в Хамовниках со стороны двора. Из фототеки Государственного Литературного музея 161
33. Столовая в доме Л. Н. Толстого в Хамовниках. Из фототеки Государственного музея Л. Н. Толстого. Москва 169
34. Л. Н. Толстой в рабочем кабинете дома в Хамовниках. Из фототеки Государственного Литературного музея 175
35. Дом быв. Корнеева по Садовой-Кудринской ул., № 6, где жил А. П. Чехов в 1886—1890 гг. С акварели Б. С. Земенкова. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы 185

36. Флигель дома быв. Фирганг по М. Дмитровке № 29, где жил А. П. Чехов в 1890—1892 гг. С акварели Б. С. Земенкова. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы	189
37. Старая Трубная площадь	197
38. Вид гостиницы «Дрезден» на Советской (б. Скобелевской) площади. В 1901 г. здесь останавливался А. П. Чехов. С акварели Б. С. Земенкова. Из собрания Музея истории и реконструкции Москвы	204
39. Дом московского генерал-губернатора (впоследствии здание Мэссовета). Справа—меблированные комнаты «Мадрид и Лувр», где А. П. Чехов читал «Чайку» друзьям. С фотографии начала 90-х гг. XIX века	205
40. Похороны А. П. Чехова. С фотографии. Из фототеки Государственного Литературного музея	207
41. А. М. Горький. Фотография 1889 г. Из фототеки Государственного Литературного музея	211
42. Л. Н. Толстой и А. М. Горький. Фотография 1900 г. Из фототеки Государственного Литературного музея	215
43. А. М. Горький и А. П. Чехов. Фотография 1901 г. Из фототеки Государственного Литературного музея	225
44. Охотный ряд в начале XX в. С фотографии. Из фондов Государственного Литературного музея	235
45. Баррикады на Пресне в 1905 г. С фотографии	243
46. Дом № 3 по проезду Серова (б. Лубянский пр.), в котором жил В. В. Маяковский с 1919 г. по 1930 г. Из фототеки Государственного Литературного музея	253
47. Кабинет В. В. Маяковского в д. № 3 по проезду Серова (б. Лубянский пр.). Из фототеки Государственного Литературного музея	258
48. Красная площадь и мавзолей В. И. Ленина. Фотография 1926 г. Из фототеки Государственного Литературного музея	285

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
<i>Н. Анциферов, С. Елеонский.</i> Культурные очаги Москвы XVIII века.	9
<i>Н. Верховская.</i> Москва в жизни и творчестве Пушкина . . .	29
<i>Т. Иванова.</i> По лермонтовской Москве	56
<i>О. Кудрявцева.</i> Гоголь в Москве	83
<i>Н. Анциферов.</i> Литературная Москва 30—40-х годов XIX века	102
<i>С. Липеровская.</i> Москва А. Н. Островского	132
<i>В. Булгаков.</i> Музей-усадьба Льва Толстого в Москве	156
<i>Б. Земенков.</i> По чеховским местам в Москве	177
<i>К. Виноградова.</i> Горький в дореволюционной Москве	210
<i>А. Бромберг.</i> Москва Маяковского	250
Указатель личных имен	291
Перечень иллюстраций	302

Научная консультация
Н. П. Анциферова

Редактор *В. И. Вольпин*

Технический редактор *З. П. Эстрова*

Подписано к печати 16/VIII 1948 г. Формат 84×108^{1/32}.
Объем 19 печ. л. 35 8/0 зн. в 1 п. л. Уч.-изд. л. 15,6.
Л-106726. Заказ 1024. Тираж 10 000 экз.

Цена 14 руб.

Типография Госэнергоиздата МЭС
Москва. Шлюзовая наб., 10.